

Гимназія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ VI

LXVI ЮНЬ 1893 ЮЛЬ LXVII

Содержаніе

1. М. Демковъ, Глуховъ. О вѣкл. занятіяхъ учителей.
2. М. Преображенскій, Полангенъ. В. Долончевъ, «Опытъ словаря».
3. А. Волоткинъ, Рыльскъ. Отвѣтъ на статью В. Андреева.
4. К. Трейманъ, Краснослободскъ. О переводѣ русск. предлоговъ на нѣм. яз. (оконч.).
5. А. Степовичъ, Кіевъ. Фр. Шутце, Училищевѣд. Перев. А. Вѣльскаго.
6. С. Воскресенскій, Кіевъ. Грамм. вопросы.
7. Г. Дорофеевъ, Ставрополь. По поводу «Новаго способа разъясненія проц. дедукціи» (Мед. Сб.).
8. И. Любомірскій, Ташкентъ. «Этнограф. матеріалы».
9. К. Котельниковъ, Владивостокъ. Подраж. древнимъ: Chori tragici instar.
10. Э. Штифтаръ, Калуга. Среднія учебн. зав. въ Каринтіи и ихъ различающее вліяніе на словѣнскій Горотанъ.
11. Г. Фишеръ, Москва. Изъяв. и неопр. накл. въ предлож. съ союзомъ *pro*.
12. Н. Веригинъ, Рыбинскъ. «Топодикт. упражненія» проф. Эгли.
13. П. Адамовъ, Глуховъ. Нападки на учителей.
14. Varia. Год. актъ въ Рев. гимназіи. — Изъ посѣщенія Г. Министромъ нар. пр. Варш. уч. окр.
15. Мысли педагоговъ. Гр. Л. Толстой о др. языкахъ.

Приложенія

16. Я. А. Коменскій. Великая Дидактика (прод.).
17. Я. А. Коменскій. Открытая дверь языковъ (прод.).
18. Гомеръ, въ перев. Г. Личевецкаго. Илиада п. II (оконч.) — Одиссея п. III. — Гимны. Къ Ерму (прод.).
19. Я. Мищенко. Очеркъ греч. лит. (оконч.).
20. Объясненія.

Сотрудники „Гимназій“

- Ахтырка. М. Лисицынъ (прог.).
 Балтійскій-Портъ. Свяц. І. Регема.
 Болградъ. К. Гертеръ (прог.).
 — А. Кондрацкій (г.).
 Борисоглѣбскъ. В. Гедрихъ (прог.).
 — Л. Горкевичъ.
 Бѣла. Е. Гомеровъ (гимн.).
 — Р. Киричійскій (гимн.).
 Бѣлый. К. Бродскій (прог.).
 Варшава. Л. Демченко.
 — І. Канскій (дир. гимн.).
 Вильно. Ф. Моношко (ж. г.).
 Воронежъ. С. Николаевъ (гимн.).
 Вязьма. И. Виноградовъ (г.).
 Владивостокъ. К. Котельниковъ (прог.).
 Владикавказъ. С. Боршевскій (г.).
 Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
 — П. Адамовъ (уч. инст.).
 Гомель. М. Окиншевичъ (прог.).
 Екатеринбургъ. Г. Бергъ (р. уч.).
 Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
 Елисаветградъ. Л. Косовскій (ж. г.).
 — Н. Марковъ (р. уч.).
 — В. Рклицкій (р. уч.).
 Замостье. Е. Киричійскій (прог.).
 Ив.-Вознесенскъ. М. Лакомте (б. дир. г.).
 Казань. Г. Горгановъ.
 — Д. Нагуевскій (проф. ун.).
 Калуга. О. Штифтаръ (гимн.).
 Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).
 Камышинъ. А. Рождественскій (дух. уч.).
 Карачевъ. А. Лещинскій (уч. сем.).
 — П. Милотинъ (прог.).
 Кіевъ. И. Анненскій (дир. К. П. Г.).
 — С. Воскресенскій (гимн.).
 — И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
 — Я. Мищенко (г.).
 — А. Степовичъ (пр. доц. ун.).
 — А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
 Коломна. Е. Крыловъ (г.).
 Краснослободскъ. К. Трейманъ (прог.).
 Курскъ. М. Куклинъ (гимн.).
 Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
 Люблинъ. А. Толубѣевъ (г.).
 Мозырь. П. Изенфламъ (прог.).
 Москва. В. Аншельротъ (гимн.).
 — Л. Поливановъ (дир. гимн.).
 — И. Семеновъ.
 — Г. Фишеръ (гимн.).
 — В. Шенрокъ (гимн.).
 Н.-Новгородъ. А. Крозницкій (гимн.).
 — И. Шенрокъ (гимн.).
 Новочеркасскъ. И. Автократовъ (гимн.).
 — И. Шамоинъ (р. уч.).
 Новый Бугъ. А. Крыловъ (дир. уч. с.).
 — И. Успенскій (уч. с.).
 Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
 Одесса. П. Браккенгеймеръ (гимн.).
 — А. Григорьевъ (прог.).
 Одесса. П. Ладновъ (прог.).
 — М. Попруженко (пр.-д. ун.).
 Одесса. А. Флеровъ (г.).
 Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
 Полацкъ. М. Преображенскій (прог.).
 Полтава. М. Андриашевъ (гимн.).
 Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
 — Н. Доброправинъ (г.).
 — В. Жемчужинъ (р. уч.).
 — Н. Кораблевъ (гимн.).
 — А. Миллеръ (ж. г.).
 — П. Пользинскій (г.).
 — А. Реде (ж. г.).
 — С. Рожанковскій (дир. г.).
 — М. Тимофеевъ (б. уч. г.).
 — Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — Г. Янчевецкій (дир. г.).
 Рига. Свяц. А. Аристовъ.
 — В. Зайцъ (р. уч.).
 — И. Желтовъ (б. уч. г.).
 — М. Крыгинъ (г.).
 — С. Шарова (ж. г.).
 Рыбинскъ. Н. Веригинъ (гимн.).
 Рыльскъ. А. Волотинъ (прог.).
 Рязань. П. Коцевольскій (г.).
 Смоленскъ. С. Блажеевскій (г.).
 — М. Дроздовъ (дух. сем.).
 — Г. Лобовиковъ (р. уч.).
 С.-Петербургъ. М. Андреяновъ (г.).
 — С. Гинтовъ (г.).
 — А. Желобовскій (г.).
 — И. Киріановичъ (г.).
 — В. Латышевъ.
 — Д. Лебедевъ.
 — М. Лянченко.
 — В. Межовъ.
 — А. Маленинъ.
 — М. Нагорскій (г.).
 — Н. Невзоровъ (г.).
 — А. Образцовъ (г.).
 — Н. Розовъ (г.).
 — Н. Санчурскій (окр. инст.).
 — А. Филоновъ (б. дир. г.).
 — Х. Шванебахъ (б. дир. р. у.).
 — Д. Янчевецкій.
 Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
 — Г. Дорофѣевъ (г.).
 Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
 Ташкентъ. И. Любомірскій.
 Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
 Тифлисъ. Е. Богословскій (гимн.).
 — А. Приселковъ (гимн.).
 Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
 Урюпино. Н. Чекановъ (р. уч.).
 Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
 Холмъ. В. Ипатовъ (гимн.).
 Хортица. А. Нейфельдъ (зав. центр. уч.).
 Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
 Царское-Село. С. Цыбульскій (гимн.).
 Эривань. В. Романовскій (гимн.).
 Θεοδοσία. И. Бутовъ (уч. инст.).
 — А. Солоникіо (гимн.).

Гимназія

ЖУРНАЛЬ

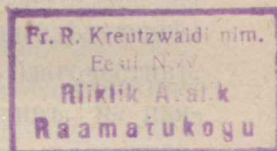
ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ VI

LXVI—LXVII

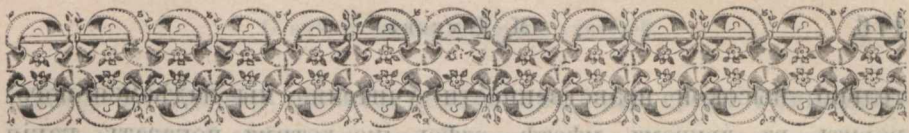
1893

Ревель.

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій».

1893.

О внѣклассныхъ занятіяхъ и научныхъ трудахъ учителей.

М. Демковъ, Глуховъ.

Учитель, и по своей профессіи и по своему призванію, долженъ быть носителемъ просвѣщенія. Если школа, дѣйствительно, должна отправлять важную функцію въ государствѣ, то на дѣятельность и личность учителя должно быть обращено серьезное вниманіе. Эта мысль сознавалась прекрасно еще нашими предками. Въ замѣчательномъ уставѣ Лункой школы, относящемся къ 1624 г.,*) первый параграфъ гласитъ слѣдующее: «Дидакаль, или учитель сей школы долженъ быть благочестивъ, разсудителенъ, смиреномудръ, кротокъ, воздержливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистливъ, не смѣхотворецъ, не сквернословъ, не чародѣй, не басносказатель, не пособникъ ересей, но споспѣшникъ благочестія, во всемъ представляя собою образецъ благихъ дѣлъ».

Съ тѣхъ поръ много воды утекло, образованіе наше пошло въ ширь и въ глубь, а все же эти слова остаются поучительными, научая насъ, что болѣе 2½ вѣковъ тому назадъ внимательно относились къ выбору учителей, считая эту обязанность высокой и отвѣтственной.

Нынѣ требованія, предъявляемые учителю еще больше, но выразить ихъ можно двумя словами: учитель долженъ быть человекомъ высоко-правственнымъ и высоко-образованнымъ. Въ чемъ должны заключаться требованія относи-

*) Напечатанъ въ I. т. Памятниковъ Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ.

тельно высокой нравственности учителя, мы надѣемся поговорить въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же хотимъ показать, какія средства находятся въ рукахъ учителя, чтобы стоять на высотѣ своего призванія, и, по праву, считаться истиннымъ носителемъ просвѣщенія.

Вопроса этого касались мы еще въ 1891 г. въ статьѣ «Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній» («Русская школа» журн. ред. Я. Г. Гуревичемъ), гдѣ съ особенной подробностью останавливались на значеніи научной педагогики и философіи для учителя, здѣсь же выдвинемъ на первый планъ вопросъ о внѣ-классныхъ занятіяхъ и научныхъ трудахъ учителей.

Вопросъ о томъ, что дѣлать, занимаетъ не только молодежь, но порой кошмаромъ давитъ и лицъ, прошедшихъ высшую школу. Мы не говоримъ, конечно, о тѣхъ лицахъ, у которыхъ практическая педагогическая дѣятельность отымаешь почти все время, у которыхъ кромѣ обязательныхъ пяти ежедневныхъ часовъ въ гимназій или реальномъ училищѣ, есть для домашнихъ занятій множество тетрадокъ съ латинскими или греческими упражненіями, съ задачами, переводами, — для нихъ, конечно, нѣтъ свободнаго времени и некогда думать о какихъ бы то ни было внѣ-классныхъ занятіяхъ: они послѣ дневныхъ трудовъ такъ измалуются, что только и думаютъ о скорѣйшемъ отхожденіи ко сну; но не для нихъ, конечно, и пишется эта статья. Мы думаемъ о тѣхъ педагогахъ, которые до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаютъ университетскую науку, любятъ ее и только не знаютъ, имѣютъ ли они возможность вносить туда хоть какую-нибудь лепту. Мы думаемъ о тѣхъ лицахъ, которыя не позабыли завѣты лучшихъ профессоровъ: «ищите прежде всего истины, и все остальное приложится вамъ». Что такія лица есть, въ этомъ не сомнѣваемся, по личному опыту. Есть несомнѣнно учителя, которые настоятельно жаждутъ дѣла и весьма желали бы съ пользой употребить свободное время. Помнится, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ народные учителя обращались въ редакцію «Русскаго Начальнаго Учителя», настойчиво прося указать имъ

подходящее дѣло; значитъ несомнѣнно, что среди гимназическихъ учителей найдется еще больше лицъ, которые пожелаютъ съ пользою служить своей родинѣ.

Однако, для того, чтобы главное дѣло шло успѣшно, нужно, чтобы свободное время разумно распредѣлялось между физическими и умственными занятіями. Для отдыха учителю необходимо моціонъ, часовая или двухъ-часовая прогулка, пожалуй, занятія ручнымъ трудомъ. Важно только, чтобы физическимъ упражненіямъ отдавалось только должное, т. е. чтобы ими занимались по столько, насколько это необходимо для сохранения здоровья, и чтобы они не переходили въ спортъ, въ продолжительную забаву, которая будетъ въ такомъ случаѣ поглощать все свободное время.

Надо помнить, что учителю самое важное и подходящее занятіе — это занятіе педагогикой и наукой и что все остальное неважное и второстепенное. Даже чтеніе газетъ и журналовъ мы считаемъ дѣломъ неважнымъ, которому нужно стараться отдавать возможно меньше времени. Въ провинціи нѣтъ ни журналовъ, ни газетъ, особенно рѣдко кто выписываетъ большую газету, въ родѣ «Новаго Времени» — искренно соболѣзнуютъ нѣкоторые и особенно, кажется, соболѣзнуютъ объ отсутствіи большихъ газетъ, въ которыхъ сообщаются всѣ новости. Нѣкоторые даже за свой счетъ (несмотря на ограниченность содержанія) выписываютъ 1 или даже 2 большихъ газеты, читаютъ ихъ отъ доски до доски и въ простотѣ душевной полагаютъ, что этимъ самымъ выполняютъ нѣкоторую «культурную миссію». . . . Но такое чтеніе большихъ газетъ, погоною за всевозможными новостями, мы считаемъ прямо вреднымъ, такъ какъ чтеніе это съ одной стороны отнимаетъ много драгоцѣннаго времени (не оставляя мѣста для чтенія книгъ и серьезныхъ педагогическихъ журналовъ), а съ другой способствуетъ развитію той ложной мысли, что читающій стоитъ въ уровень съ успѣхами науки и обо всемъ можетъ смѣть свое сужденіе имѣть. Поэтому, во имя педагогическихъ интересовъ (какъ мы уже это высказали въ другомъ мѣстѣ) необходимо, чтобы педагогъ зорко слѣдилъ за собой и не рас-

трачивалъ по пустякамъ свободнаго времени. Это время должно быть съ большей расчетливостью употребляемо на изученіе философіи, психологіи и педагогики, на самостоятельныя научныя труды и чтеніе серьезныхъ книгъ.

Нѣкоторые изъ учителей, поработавъ 3—4 года на педагогическомъ поприщѣ, полагаютъ, что они въ достаточной мѣрѣ ознакомились съ педагогическимъ дѣломъ, понимаютъ хорошо его требованія и задачи, а потому не считаютъ нужнымъ заглядывать въ какія бы то ни было методики и дидактики. Но это, конечно, является результатомъ недоразумѣнія. Именно оттого, что такъ думающіе и говорящіе не знакомы съ педагогикой, какъ наукой. Еслибы они когда нибудь потрудились вникнуть въ сущность требованій, предъявляемыхъ этой наукой, они увидѣли бы, что требованія эти весьма обширны, что педагогика представляетъ широкое поле для работы, и если станетъ охоты и энергіи, то такой работы хватитъ на цѣлую жизнь. Они увидѣли бы, что для основательнаго знакомства съ педагогикой надо затронуть рядъ областей, о которыхъ раньше вовсе не приходилось думать, и что эти области такъ интересны, такъ захватываютъ человѣческій духъ, что ими можно увлечься и заинтересовавшись со ipso принести посильную пользу наукѣ вообще, а педагогикѣ въ частности.

Еще К. Д. Ушинскій указывалъ на необходимость и важность для педагогики: знанія анатоміи, физиологіи и патологіи человѣка, психологіи, логики, географіи, статистики, политической экономіи и исторіи въ обширномъ смыслѣ этого слова (исторія религіи, цивилизаціи, философскихъ системъ, литературы, искусствъ и собственно воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова).

Въ своихъ статьяхъ: «Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній» и «О задачахъ русской педагогики» (напеч. въ журналѣ «Русская Школа» въ 1891 и 1892 гг.) мы старались показать, какой предметъ наиболѣе важенъ и существененъ для педагога.

Въ виду энциклопедичности знаній, требуемыхъ отъ пе-

дагога, важны тѣ основные пункты, тѣ первоначала, съ высоты которыхъ педагогъ будетъ изучать и обозрѣвать громадное количество потребныхъ знаній, важна поэтому та философская точка зрѣнія, которую онъ усвоитъ и которая послужитъ для него руководящею нитью при его изученіи разнообразныхъ наукъ. Значитъ, важно изученіе философіи.

Для того, чтобы оцѣнить заслуги философіи, достаточно припомнить, что человѣческій духъ успѣлъ сдѣлать рядъ цѣнныхъ пріобрѣтеній въ области глубокихъ идей и возвышенныхъ идеаловъ, способныхъ поддерживать крѣпость его нравственной энергии и бодро вести его по пути къ новымъ успѣхамъ и побѣдамъ. Достаточно припомнить тѣ самыя общія понятія, которыя дала ему философія, чтобы признать, что духовная жизнь человѣчества находится и находилась въ самой тѣсной зависимости отъ философіи. Таковы, напр., идеи безконечной вселенной и Вѣчнаго Мирового Разума, ея управляющаго, — идеи инертной матеріи и самостоятельнаго духовнаго начала, дающаго ей жизненность, идеи неисчерпаемой силы человѣческаго знанія и творчества, свободы личной воли человѣка, безсмертія человѣческой души; затѣмъ, — идеалы истины, добра и красоты, какъ общіе свѣточы духовнаго существованія человѣка, — нравственнаго долга, самоотреченія и самообладанія, любви, самопожертвованія и справедливости, какъ основанія личной и общественной жизни человѣка.

И стремленіе достигнуть возможно болѣе глубокаго пониманія вещей, выработать себѣ ясный, опредѣленный взглядъ на міръ и на жизнь вообще и на свою собственную человѣческую жизнь въ частности, уяснить себѣ начала и цѣли своей дѣятельности, соединить всѣ свои убѣжденія въ одно цѣлое, т. е. составить себѣ общее цѣльное міросозерцаніе — неискоренимое стремленіе, вложенное въ самую природу разумаго человѣческаго существа. Поэтому и проявленіе этого стремленія — философія — есть нѣчто весьма законное и свойственное человѣческой природѣ. Даже и въ отдѣльныхъ наукахъ все то, что есть наиболѣе общаго, отвлеченнаго, чисто-научнаго можетъ быть названо философскимъ. И этимъ

своимъ важнымъ элементомъ каждая наука входитъ въ область философіи. Философія же, по самой своей сущности, какъ содержащая въ себѣ общее всѣмъ наукамъ, чисто научное во всѣхъ нихъ, представляетъ поэтому наибольшій интересъ для человѣческой любознательности и есть собственно наука въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Философія питаетъ философскій духъ въ другихъ наукахъ, и этотъ философскій духъ представляетъ самое высшее и лучшее, что ихъ поддерживаетъ и живитъ.

«Изучая исторію философіи долго и всесторонне, говоритъ кн. Сергій Трубецкой*), мы находимъ философію впереди умственного движенія человѣчества; ея идеи и умозрѣнія, ея «утопіи» реформируютъ религіи, преобразовываютъ общества, даютъ литературѣ направленіе и высшее содержаніе; она *стоитъ впереди науки*, ставитъ ей цѣли, опредѣляетъ ея методы, даетъ ей гипотезы, организуетъ совокупность знаній каждой данной эпохи въ стройное цѣлое. А метафизика — завѣтное святое святыхъ философіи — ея душа; отнимите метафизику, и философія распадется. Она есть то, что дѣлаетъ философію философией, что отличаетъ ее отъ опытнаго, эмпирическаго знанія. Въ древности философія первая возстала противъ языческаго многобожія и проповѣдывала единого, духовнаго Бога свободною разумною проповѣдью. Она приготовила все просвѣщенное человѣчество древняго міра къ разумному усвоенію началъ христіанства и, вдохновенная духомъ Христовымъ, создала православную догму, христіанскій гносисъ св. отцовъ. Она развила эту догму въ стройное зданіе и выражала въ себѣ разумное и свободное сознаніе Христовой истины. Въ самой чистой научной формѣ, помимо всего, что она дала историческимъ и нравственнымъ наукамъ, философія (метафизика) породила всѣ тѣ начала, на которыхъ зиждется механическое міросозерцаніе, повидимому, столь ей враждебное. Она установила это міросозерцаніе, и безъ нея самый матеріализмъ не сталъ бы принципомъ науч-

*) См. Метафизика въ древней Греціи, ст. 32—33. 1890 г.

наго изслѣдованія: атомистическая теорія и эволюціонизмъ, равно какъ и цѣлый рядъ другихъ гипотезъ, безъ которыхъ современная наука лишается всякаго свѣта и смысла, — все это дары философіи (метафизики).

Исторически философія всегда строилась на основаніи науки, искусства и религіи даннаго народа и времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказывала существенное воздѣйствіе на ихъ дальнѣйшее строеніе и развитіе: она то порождала или возрождала науку, искусство и религію, то сама изъ нихъ рождалась и возрождалась. Необходимая наукѣ, религіи и искусству, необходимая человѣческому разуму, философія, быть можетъ, необходима всѣхъ наукъ въ настоящее время. Какъ же, поэтому, педагогу возможно обойтись безъ этой важнѣйшей и необходимѣйшей науки?

Въ статьѣ «О задачахъ русской педагогики» мы говорили, что нашимъ русскимъ академіямъ и университетамъ предстоитъ весьма важная задача: пробудить русскую самобытную мысль, положить основы для русской философіи. Греческая философія должна лечь въ основу всего нашего философскаго образованія. Поэтому и педагогамъ, имѣющимъ въ виду пополнить недостатки университетскаго образованія, нужно обратить особенное вниманіе на философію, въ частности же на изученіе Сократа, Платона и Аристотеля.

Такъ какъ философія оказываетъ могущественное вліяніе на науку, искусство и общественную жизнь, то уже чрезъ ихъ посредство она должно оказывать вліяніе и на дѣло воспитанія. Но она и прямо вліяетъ на педагогику, возвышая цѣли и улучшая средства воспитанія. Вліяніе философіи на педагогику обнаруживается, прежде всего, въ установленіи надлежащаго подчиненія средствъ воспитанія его цѣлямъ*).

Имѣя въ виду важность философіи и научной педагогики для своей дѣятельности, педагогъ долженъ посвящать свободное время преимущественно изученію классическихъ произведе-

*) Подробн. см. въ ст. Педаг. и философ. подготов. учит. сред. учеб. зав. «Русск. шк.» 1891.

деній древнихъ и новыхъ философовъ, изучать лучшія руководства по психологіи, логикѣ, этикѣ и педагогикѣ. Изъ всѣхъ занятій, безъ сомнѣнія, самымъ важнымъ и необходимымъ для педагога, послѣ философіи, являются занятія педагогикой, методикой и дидактикой. Въ этой области есть много нерѣшенныхъ или только полу-рѣшенныхъ вопросовъ и потому возможны и желательны самостоятельные труды или, по крайней мѣрѣ, попытки новыхъ рѣшеній вопросовъ. Здѣсь всякій педагогъ, имѣющій «духъ живъ», способенъ внести и свою лепту въ сокровищницу человѣческаго знанія. Есть особый отдѣлъ, въ послѣднее только время обратившій на себя вниманіе и потому почти вовсе не разработанный — разумѣемъ психологію дѣтства и отрочества. Въ этой области только пока намѣчаются вопросы, разрабатываются кое-какія отдѣльныя части, но въ цѣломъ задача является весьма трудною и сложною и потому требующею множества отдѣльныхъ наблюденій и работъ. И кто же можетъ взять на себя и выполнить большую часть такой работы какъ педагогъ?*) Для успѣшной дѣятельности педагога давно признана важность исторіи педагогики. Однако, въ этой области сдѣлано у насъ немного. Правда, имѣется переводъ классическаго труда Карла Шмидта «Исторія педагогики», Модвалевскаго «Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ»: двѣ — три компилятивныхъ работы, но этимъ дѣло и ограничивается. Въ области исторіи русской педагогики остается поле непахотое, многія эпохи изъ исторіи нашей педагогики у насъ совершенно не разработаны, нѣтъ даже солидныхъ педагогическихъ монографій и біографій. Для того, чтобы подготовить почву для исторіи нашей педагогики, намъ прежде всего надо обратить вниманіе на тщательную разработку историческихъ матеріаловъ, относящихся къ просвѣщенію, на созданіе исторіи отдѣльныхъ учреждений: высшихъ, среднихъ

*) Конечно, и просвѣщенные матери могутъ здѣсь многое сдѣлать, какъ мы объ этомъ говорили въ статьѣ «О русскомъ семейномъ воспитаніи». «Вѣст. Восп.» за 1891 г.

и даже низшихъ учебныхъ заведеній, на біографіи выдающихся педагогическихъ дѣятелей. Многія изъ такихъ работъ, главнымъ образомъ, могутъ быть сдѣланы педагогами, учителями среднихъ учебныхъ заведеній по преимуществу, такъ какъ они, будучи ознакомлены съ главнѣйшими требованіями отъ серьезныхъ историческихъ изслѣдованій и съ основами педагогики, имѣютъ полную возможность добросовѣстно разработать матеріалъ, хранящійся въ архивахъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ они служатъ, а затѣмъ уже собрать и другія необходимыя дополнительныя данныя.

Въ статьѣ «О русскомъ семейномъ воспитаніи» (см. Вѣст. Воспит. за 1891 г.) мы намѣтили рядъ вопросовъ въ области воспитанія, которые ждутъ настоятельнаго разрѣшенія, и кому же потрудиться надъ ними какъ не русскому учителю?

Что касается чисто научныхъ самостоятельныхъ трудовъ учителей, то объ этомъ можно сказать слѣдующее.

Дѣятельность ума можетъ быть двоякаго рода: аналитическая и синтетическая. Синтезъ, слѣдующій за анализомъ, имѣетъ прочное научное основаніе; синтезъ, предшествующій анализу, можетъ вести къ самымъ поверхностнымъ и сложнымъ воззрѣніямъ. Синтетическая дѣятельность интереснѣе, но она и труднѣе, такъ какъ для всякаго синтеза нужны многочисленныя, тщательно подготовленные факты; вотъ откуда, главнымъ образомъ, идутъ сѣтованія учителей на невозможность занятій наукой въ провинціи. Нужно имѣть много книгъ, много тщательно провѣренныхъ фактовъ, чтобы представить вполне законченную самостоятельную работу. Мы, сами по личному опыту, знаемъ, какъ трудно вести научную работу въ провинціи: иногда приходится откладывать работу на нѣсколько мѣсяцевъ, даже на годы за невозможностью навести необходимую справку, которая всякому живущему въ университетскомъ городѣ дается легко и безъ всякихъ трудовъ; кромѣ того, въ провинціи, въ большинствѣ случаевъ, приходится вести работу за собственный страхъ и рискъ — нѣтъ людей, съ которыми можно было бы посоветоваться, поговорить объ интересующемъ вопросѣ, посоветоваться и услышать

отъ нихъ безпристрастное мнѣніе. Все это, конечно, условія тяжелыя. И тѣмъ не менѣе есть не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ, что сильная воля и энергія все преодолеваютъ и что отъ провинціальныхъ дѣятелей исходятъ даже такіе труды, которымъ могутъ позавидовать жители столицъ и большихъ университетскихъ городовъ. Для примѣра напомнимъ, что солидный трудъ В. В. Розанова «О пониманіи» (Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія) въ 737 стр. написанъ въ провинціи (авторъ состоитъ преподавателемъ гимназій въ г. Ельцѣ). Объ этомъ трудѣ нашъ извѣстный философъ и критикъ Н. Н. Страховъ (въ Жур. М. Н. Пр. за 1889 г. кн. 9) далъ самый лестный отзывъ и сравнилъ его съ трудомъ Гегеля. Ту же мысль повторяетъ и г. Колубовскій въ своемъ «Очеркѣ философіи у русскихъ» (прилож. къ Исторіи новой философіи, Ибервега). Конечно, по условіямъ провинціальной жизни, аналитическія работы болѣе подходящи для учителей и здѣсь они многое могутъ сдѣлать. Знаю, что естествоиспытатели станутъ жаловаться на отсутствіе необходимыхъ аппаратовъ, микроскоповъ и пособій, филологи и историки на отсутствіе самонужнѣйшихъ книгъ. Но я позволю себѣ такимъ лицамъ напомнить, что лучшіе труды М. А. Максимовича сдѣланы не въ бытность его проф. Московскаго Университета или ректоромъ Кіевскаго, а во время отставки, когда онъ поселился на своей поэтической Михайловой горѣ. Послѣ плодотворныхъ и успѣшныхъ занятій естествознаніемъ и филологіей, М. А. Максимовичъ въ деревнѣ обратился къ занятіямъ исторіей: «труды самыхъ видныхъ и вліятельныхъ русскихъ историковъ, говоритъ проф. Владимірскій — Будановъ*), находили въ Максимовичѣ неизбежнаго и строгаго справщика. Это испытали на себѣ М. П. Погодинъ, Н. И. Костомаровъ, Кулишъ, Скальковскій и др. Дѣлая свои критическія замѣтки, Максимовичъ въ то же время сообщалъ такую массу цѣнныхъ и новыхъ свѣдѣній, что устанавливается прискорбно и не понятно, по-

*) См. Исторію Университета св. Владиміра.

чему онъ не посвятилъ своего долгаго досуга (послѣ отставки) на труды по исторіи болѣе цѣнные». Конечно, мнѣ могутъ возразить, что не многіе смогутъ сравняться по дарованіямъ съ М. А. Максимовичемъ и, что онъ могъ сдѣлать, то недоступно для многіхъ . . . , но я объ этомъ и не говорю. Я утверждаю только, что при желаніи, можно работать и въ деревнѣ. Поэтому и провинціальный учитель можетъ работать по своей специальности: филологъ разрабатывать филологическіе вопросы, исправлять неточности въ комментаріяхъ въ существующихъ изданіяхъ классиковъ, предлагать переводы выдающихся авторовъ, разрѣшать вопросы сравнительнаго языкознанія, историкъ можетъ работать, если не надъ цѣлой эпохой, то надъ біографіей какого-нибудь выдающагося историческаго дѣятеля или исторіей учебнаго заведенія, въ которомъ служить, естественникъ займется мѣстной флорой и фауной.

Для автора, конечно, добросовѣстно работающаго надъ разрѣшеніемъ того или другаго вопроса, важно, чтобы оконченная работа увидѣла свѣтъ и потому необходимо быть увѣреннымъ, что она будетъ напечатана. Гдѣ же печатать такія работы? Солидную работу, конечно, напечатаютъ во всякомъ серьезномъ органѣ, но желательно также, чтобы и мелкая работа, порой не интересная для публики и потому не могущая попасть ни въ журналъ, ни въ газету, была напечатана.

Въ кратковременную бытность автора редакторомъ неофициальной части Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (въ концѣ 1885 г.) имѣлось въ виду привлечь интеллигентныхъ людей, особенно учителей, для работы въ области мѣстной географіи, этнографіи, исторіи и археологіи. Къ сожалѣнію, плановъ, предначертанныхъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не пришлось выполнить. Ознакомившись, однако, съ ходомъ дѣла, мы еще болѣе укрѣпились въ той мысли, что губернскія и областныя вѣдомости, при серьезномъ редакторѣ, могутъ оказать значительную услугу наукѣ. Да уже не одни губернскія вѣдомости сослужили свою службу, такъ какъ рѣдка научная работа въ области русской исторіи можетъ обойтись

безъ ихъ помощи. Напомню для интересующихся предметомъ, что по стл. 767 (по изд. 1876 г. *) «въ части неофициальной губернскихъ вѣдомостей могутъ быть помещаемы относящіяся до мѣстности свѣдѣнія и матеріалы географическія, топографическіе, историческіе, археологическіе, статистическіе, этнографическіе, метеорологическіе и пр. (кроме некрологій извѣстныхъ въ губерніи лицъ и проч.)». Такимъ образомъ учителя, занявшись тѣмъ или другимъ, хотя бы мелкимъ, вопросомъ въ области мѣстной исторіи, этнографіи, географіи, археологіи, флоры и фауны, имѣютъ возможность видѣть труды свои напечатанными. Можетъ быть кто-нибудь скажетъ, какой смыслъ имѣютъ такія занятія для педагога? Они побуждаютъ его не прерывать связей съ наукой, даютъ ему все новые и новые толчки для умственной дѣятельности. Вѣдь, кто не идетъ впередъ, тотъ идетъ назадъ, и особенно это относится къ умственной сферѣ. Ничто же не способно лучше завлечь человѣка въ научную область, какъ какая-нибудь самостоятельная работа. Благотворное же значеніе такихъ работъ всѣмъ извѣстно, кто хоть разъ попробовалъ заняться самостоятельнымъ рѣшеніемъ того или другого научнаго вопроса. Научныя работы даютъ такую массу истинно высокихъ духовныхъ удовольствій, что съ ними даже не могутъ сравниться удовольствія, доставляемыя искусствомъ: будетъ ли то посѣщеніе хорошаго театра, или слушаніе извѣстнаго пѣвца или музыканта. вмѣстѣ съ тѣмъ, научныя занятія облагораживаютъ человѣка, удаляютъ его отъ всего пошлаго, низменнаго, житейскаго. Кто изъ педагоговъ не сумѣлъ возвыситься до этой мысли, тотъ, по истинѣ, напрасно тратилъ время въ университетѣ, и по несчастію для себя и для другихъ принялъ трудное бремя учителя. Но кто сумѣлъ полюбить науку и научныя занятія, тому нечего бояться различныхъ житейскихъ бурь и невзгодъ, такъ какъ самое главное — внутреннее удовлетвореніе останется всегда при немъ и отыметъ только вмѣстѣ съ жизнью.

Но, приступая къ такому важному дѣлу, какъ самостоя-

*) Соборніе узаконенія по дѣламъ печати.

тельные занятія наукой, необходимо помнить, что самое важное, особенно въ началѣ, сумѣть сосредоточиться на опредѣленной работѣ, не разбрасываться изъ стороны въ сторону, и умѣть сдерживать свои порывы. Мы русскіе, и особенно молодежь, какъ говорилъ О. М. Достоевскій, способны на подвигъ скорый; къ медленной, методической работѣ у насъ мало охоты, а между тѣмъ только медленная, неустанная работа созидаетъ нѣчто цѣнное и великое. Напомнимъ, что Пушкинъ писалъ своего Евгенія Онѣгина 7 лѣтъ, В. Гёте еще въ Страсбургѣ леплѣялъ въ душѣ образъ Фауста, въ 1774—5 написалъ первый монологъ, а первую сцену, гдѣ является Вагнеръ, только въ 1795 г. Онъ разсказалъ Шиллеру планъ своего Фауста: по настоянію послѣдняго онъ окончилъ первую часть въ 1801 г. и только въ 1806 г. издалъ ее. Но если таково значеніе терпѣнія и настойчивости даже въ поэтическихъ произведеніяхъ, гдѣ, какъ прежде полагали, дѣлается больше «порывами генія», то тѣмъ большее значеніе имѣють они въ чисто научной дѣятельности.

Всѣмъ, конечно, хорошо извѣстны терпѣніе и упорство, съ которыми Ч. Дарвинъ велъ свои работы. Вопросъ о происхожденіи видовъ онъ разработывалъ 21 годъ (1837—58), гипотеза «пангенезиса» — результатъ 25-лѣтнихъ размышленій надъ вопросомъ о причинахъ наследственности; книгу «о выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ» онъ писалъ 33 года, надъ усногами онъ работалъ 8 лѣтъ, надъ земляными червями 29 лѣтъ. Мысль «о физикѣ міра» явилась у А. Гумбольдта въ 1796 г.; въ 1799 г., уѣзжая въ Америку, онъ вполне опредѣленно ставилъ ее своей задачей; въ 1815 г. началъ писать свою книгу на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Essai sur la physique du monde». Лекціи 1827—28 гг. были первымъ законченнымъ наброскомъ «Космоса». Но только въ 1845 г. вышелъ, наконецъ, первый томъ сочиненія, давно ожидавшагося ученымъ міромъ и публикой «На склонѣ дѣятельной жизни, говоритъ въ предисловіи А. Ф. Гумбольдтъ, я передаю нѣмецкой публикѣ сочиненіе, планъ котораго почти полстолѣтія носился въ моей душѣ». Второй томъ вышелъ

въ 1847 г., 3-й въ 1852 г., 4-й въ 1857, 5-й томъ не былъ оконченъ за смертию автора.

Боюсь, что мнѣ поставятъ въ упрекъ, что я привожу слишкомъ извѣстныхъ имена, и что примѣры эти для многихъ не подходящи. Можетъ быть, скажутъ, что для того, чтобы сдѣлать то, что сдѣлано Пушкинымъ, надо прежде всего родиться Пушкинымъ, а не Ивановымъ или Петровымъ. Объ этомъ не стану спорить. Я хочу только показать, что если во всякомъ дѣлѣ играютъ важную роль настойчивость и терпѣніе, то тѣмъ болѣе они важны въ научной дѣятельности, и это нужно прежде всего имѣть въ виду всѣмъ желающимъ воздѣлывать «научную ниву».

Въ заключеніе приведу небольшую историческую справку. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка правительство желало привлечь къ научнымъ занятіямъ учителей. Статья 52 устава 1804 г. гласила: «предлагается учителямъ гимназій, подъ вѣдѣніемъ директора, вести историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія записки о губерніяхъ, включая въ оныя свѣдѣнія о земледѣліи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при земледѣльствѣ орудіяхъ и другихъ предметахъ, потребныхъ къ точному познанію общаго хозяйства. Сей трудъ относится къ числу постороннихъ обязанностей учителей, за который они имѣютъ ожидать особой награды, если оный достоинъ будетъ уваженія. Университетъ даетъ подробныя по сему предмету наставленія учителямъ чрезъ директора, который, по мѣрѣ того, какъ таковыя записки будутъ изготовляемы, представляетъ оныя высшему начальству*»).

Въ 1821 г. было повторено приглашеніе доставить наблюденія, съ тѣмъ, чтобы учителя занялись немедленно и по мѣрѣ возможности веденіемъ записокъ. Недоставало, однако, необходимыхъ инструментовъ, безъ которыхъ, хотя можно было записывать направление вѣтровъ, вскрытіе и замерзаніе рѣкъ, появленіе насѣкомыхъ, прилетъ птицъ, цвѣтеніе деревъ, поря-

*. Прив. у Е. К. Шмидта. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи ст. 202.

докъ сельскихъ работъ», но нельзя было ни опредѣлить состояніе температуры, ни величину атмосфернаго давления, такъ какъ подъ руками не было ни барометра, ни термометра. И несмотря на самыя неблагопріятныя условія, являлись замѣчательныя труженники, такъ, учитель Вологодской дирекціи, Алексѣй Fortunatovъ, посвятилъ 20 лѣтъ на изученіе своего уѣзда, его метеорологическія наблюденія были напечатаны, записки же по части сельскаго домоводства, зоологій и ботаники остались ненапечатанными, не взирая на то, что изъ училищнаго комитета Московскаго университета составителю этихъ записокъ было выражено особенное благоволеніе начальства и присуждено выдать въ пособіе для поѣздокъ по Вологодской губерніи 200 руб. и сверхъ того поручено гимназій найти средства для доставленія Fortunatovu нужныхъ инструментовъ*). Другіе труды учителей, напр., С.-Петербургскаго учебнаго округа, перечисленные г. Вороновымъ, состояли большею частью изъ переводовъ, извлеченій и компиляцій. Къ научнымъ занятіямъ обнаружился особенно интересъ въ гимназіяхъ С.-Петербургской, Псковской и Вологодской. Что министерство народнаго просвѣщенія не разъ старалось привлечь учителей къ научнымъ занятіямъ, видно изъ того, что при князѣ Ливенѣ (9 марта 1832 г.) предложено было имъ снова составлять описаніе естественныхъ произведеній и собирать достопримѣчательнѣйшіе ботаническіе, зоологическіе предметы и минералы, по инструкціи, составленной Академіей Наукъ; равнымъ образомъ была составлена инструкція для производства метеорологическихъ наблюденій, о коихъ часто затѣмъ упоминается въ отчетахъ министерства народнаго просвѣщенія. Усиленіе научной дѣятельности преподавателей гимназій было вызвано распоряженіемъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, г. Мусина - Пушкина. При обзорѣнн подвѣдомственныхъ ему гимназій, сказано въ его донесеніи министру, замѣтилъ онъ, что учителя по большей части ограничиваютъ занятія свои лишь преподаваніемъ въ

*) Отто. Вологод. Дир. 60--64 см. у Шмидта ст. 203.

классахъ, и не слѣдятъ за ходомъ наукъ, что такимъ образомъ большая часть наставниковъ уклоняется отъ умственной дѣятельности въ возрастѣ, наиболѣе къ тому доступномъ и свободномъ. «Науки, преимущественно въ практическомъ ихъ примѣненіи, теряютъ многое; разнообразныя свѣдѣнія, которыя часто только на мѣстѣ собрать можно, обращаются въ тѣсномъ кругу туземцевъ, и университетское образование остается на той степени, до которой достигло оно усилиями съ кафедры профессоровъ». Вслѣдствіе того распорядился онъ въ 1838 г., чтобы учителя сообщали ему чрезъ директоровъ гимназій результаты своихъ научныхъ занятій. «Предметы для того, предоставленные собственному ихъ избранію, могутъ состоять: въ разсужденіяхъ объ отрасляхъ преподаваемыхъ ими наукъ, въ изслѣдованіяхъ о лучшихъ способахъ преподаванія, въ критическихъ трактатахъ о руководительныхъ книгахъ, въ переводахъ замѣчательныхъ статей по части каждаго, въ статистическихъ, этнографическихъ и топографическихъ замѣчаніяхъ, въ историческихъ изслѣдованіяхъ мѣстныхъ событій, описаніяхъ древностей, собраніи мѣстныхъ повѣрій и т. п.» Для возбужденія же въ учителяхъ, въ этомъ отношеніи, соревнованія г. попечитель предложилъ тѣ изъ сочиненій, которыя окажутся заслуживающими особеннаго вниманія, печатать въ «Ученыхъ Запискахъ» Казанскаго Университета или въ «Начальственныхъ распоряженіяхъ». «Находя таковыя распоряженія попечителя Казанскаго округа весьма полезными для усовершенствованія учителей чрезъ возбужденіе умственной ихъ дѣятельности», г. министръ циркулярно сообщилъ о семъ попечителямъ другихъ учебныхъ округовъ (24-го мая 1840 г.). Означенная мѣра вскорѣ была примѣнена къ округамъ Кіевскому и Вѣлорусскому (19-го сентября 1840 г.). Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ она привела къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ: стоитъ только указать на перечень ученыхъ изысканій преподавателей Вологодской гимназій*).

*) Шмидтъ Е. К. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи ст. 342—344.

На этомъ мы пока остановимся. — Своею замѣткою мы хотѣли показать не только возможность, но и необходимость научныхъ занятій для учителей. Чуть не сто лѣтъ тому назадъ необходимость такихъ занятій была признана и въ высшихъ сферахъ, а возможность ихъ была доказана на практикѣ. Въ настоящее время, съ широкимъ развитіемъ науки, когда потребность въ работникахъ все увеличивается, неужели педагоги откажутся вносить свою лепту въ сокровищницу чело-вѣческаго знанія?

В. Долопчевъ. «Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи (преимущественно въ Южной Россіи).» Одесса. 1886 г.

М. Преображенскій, Полангенъ.

Намъ не приходилось встрѣчать въ педагогической критикѣ отзыва о вышеуказанной книжкѣ г. Долопчева, достойной полного ея вниманія, во-первыхъ, уже потому, что она предназначена, какъ видно изъ предисловія автора, для воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ южныхъ (преимущественно) и западныхъ губерніяхъ, а, во-вторыхъ, и потому, что въ нее, кромѣ неправильностей въ русской разговорной рѣчи, замѣченныхъ на югѣ и западѣ Россіи, внесены еще «промахи, встрѣчаемые у опытныхъ писателей и въ столичной печати». Да не поспѣетъ же читатель, если мы остановимся на трудѣ г. Долопчева, быть-можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ слѣдовало бы, принимая во вниманіе ея небольшой объемъ.

«Опытъ словаря» состоитъ изъ предисловія (VI стр.), самаго словаря (168 стр. въ $\frac{1}{8}$ л.) и заключительной статьи: «Замѣчанія о произношеніи въ Южной Россіи» (11 стр.).

Въ своемъ предисловіи авторъ такъ характеризуетъ недостатки въ языкѣ населенія южныхъ и западныхъ губерній Россіи: «Въ рѣчи литературной употребляютъ нерѣдко изыскан-

ныя выраженія, искаженные обороты, областныя слова и безъ пужды иностранныя... Въ устной рѣчи нѣтъ обдуманности, обработки, точности и правильности, господствуетъ произволь, не руководимый чутъемъ языка и вкусомъ, а слухъ неприятно поражается дурнымъ произношеніемъ, произвольною и неправильною постановкою ударенія». И нельзя не признать справедливости этой краткой, но выразительной характеристики. Такое хаотическое состояніе русской рѣчи среди населенія нашихъ окраинъ, отражающееся, конечно, и въ мѣстной школѣ, побудило г. Долопчава издать свой трудъ, въ надеждѣ, что послѣдній, въ рукахъ любознательнаго ученика, предупредитъ, по крайней мѣрѣ, обычныя ошибки въ его устной и письменной рѣчи.

Если вчитаться въ матеріалъ «словаря», то легко замѣтить, что бѣльшая часть неправильностей — это неправильности въ удареніи словъ, а меньшая часть ихъ — 1) собственно грамматическія и 2) стилистическія ошибки. Какъ тѣ, такъ и другія подаются извѣстнаго рода группировкѣ, можно установить типы ихъ. Наиболье замѣтныя группы этихъ «типичныхъ неправильностей» суть слѣдующія:

А. *Неправильности въ удареніи.*

1) Переходъ ударенія на флексію слова въ род. и дат. падежахъ един. ч. существительныхъ женскаго рода на *ъ* и сохраненіе основнаго ударенія въ падежѣ предложномъ: изъ *степи*, изъ *Перми* и въ *степи*, въ *Перми*. На эту неправильность, слѣвавшуюся уже обычной чуть не во всей Россіи, указывалъ еще Я. Гротъ въ своихъ «Фил. Розысканіяхъ» (т. I, стр. 395. 1876 г.). Насколько правильно удареніе въ выраженіяхъ: въ *Твери*, на *Руси*, настолько же неправильно въ формахъ: изъ *Твери*, съ *Руси*, изъ *степи*; слѣдуетъ говорить: изъ *степи*, изъ *Перми*, съ *Руси*.

2) Односложныя и двусложныя существительныя, стоящія послѣ предлоговъ, удерживаютъ на себѣ удареніе, вопреки установившемуся во многихъ случаяхъ обыкновенію переносить удареніе на предлогъ: день за *днемъ*, на *ногу*, на *усть*,

по поясъ, отъ слова до слова и т. п. (вмѣсто: день за день, на ногу, на усъ, по поясъ, отъ слова до слова).

3) Существительныя съ оконч. «ированіе» и глаголы «ировать», «овать» имѣютъ удареніе не на слогъ «ва», какъ должно быть въ большинствѣ случаевъ, а отодвигаютъ его на 3-ій, 4-й и даже 5-й слогъ отъ конца: группировать, копировать, лавировать, первенствовать, магнетизированіе, соболъзнваніе и т. п. (должно: группировать, копировать, лавировать, первенствовать, магнетизированіе, соболъзнваніе).

4) Неправильность ударенія въ прошедшемъ времени (жен. и сред. родъ един. числа и множ. ч.): гнала, гнало, гнали, поняла, поняло, поняли, брала, брало, брали и т. д. (вмѣсто: гнала, гнало, гнали, поняла, поняло, поняли, брала, брало, брали).

5) Неправильный переносъ ударенія съ суффикса «еньк» на предыдущій слогъ у многихъ нарѣчій: кругленько, ладненько, раненько, свѣтленько и т. д. (вм.: кругленько, ладненько, раненько, свѣтленько).

6) Преобладаніе во многихъ словахъ одного излюбленнаго ударенія и утрата второго (въ своемъ родѣ «оскудѣніе» языка): благопріобрѣтеніе, кладбище, сажень, городишь, блудишь, божись, колотье, губа, гражданинъ и т. д. (должно: благопріобрѣтеніе, кладбище, сажень, городишь, блудишь, божись, колотье, губа, гражданинъ).

7) Изъ обширной группы отдѣльно стоящихъ словъ съ неправильнымъ удареніемъ, мы отмѣтимъ такія, которыя въ нижеслѣдующемъ искаженномъ видѣ получили довольно широкое распространеніе на Руси.

Обыкновенное удареніе:

Слѣдуетъ:

Арапченокъ

Арапченокъ

Видомъ не видать, слыхомъ

Видомъ не видать, слыхомъ

Дискантовый.

Дискантовый.

Издавна.

Издавна.

Каталогъ.

Каталогъ.

Обыкновенное ударение:

Ксендзъ, ксендза.

Магистерскій.

Мѣрило.

Озорничать.

По-английски.

Присядка.

Ранымъ — рано.

Розговѣнье.

Тазовый.

Теремный.

Характерный.

Эпиграфъ.

Смѣдуется;

Ксендзъ, ксендза.

Магистерскій.

Мѣрило.

Озорничать.

По-английски.

Присядка.

Ранымъ — рано.

Розговѣнье.

Тазовый.

Теремный.

Характерный.

Эпиграфъ.

8) Обращаетъ на себя вниманіе и группа существительныхъ собственныхъ и происходящихъ отъ нихъ прилагательныхъ: у нихъ искажено не только удареніе, но иногда и написаніе (въ этомъ случаѣ намъ приходится вѣрить автору на слово), напр.: Астрахань, Вологда, вологодскій, Галаховъ, Дарвинъ, Достоевскій, Карамзинъ, Пекинъ, Плетневъ, Псковская губернія, римляне, Скопинъ, Толстовъ (Толстой), Тургеневъ, Шекспиръ и т. п.

Б. Группы грамматическихъ и стилистическихъ неправоильностей.

1. Перестановка звуковъ: апоклеісія (апоплексія), кактусъ (кактусъ), книженсъ (книксенъ), конфекта (конфетка), мархотка (махорка), перелинка (пелеринка) и т. п.

2. Постоянное обращеніе *о* въ *а* (подъ удареніемъ) у глаголовъ многократнаго вида: озабачивать, отсрачивать, присваивать, уполномачивать, уславливаться и т. д. Правда, что этотъ переходъ въ русскомъ языкѣ еще не вполне установился, однако «во многихъ глаголахъ», говоритъ Я. Гротъ («Рус. право.», 1887 г., стр. 22): «измѣненіе *о* въ *а* не допускается употребленіемъ, по крайней мѣрѣ, въ образованномъ языкѣ». Къ числу такихъ глаголовъ принадлежатъ, конечно, и вышеприведенные.

3. Образцы твердогласія «восточныхъ челоуѣковъ»: Бэн-дэры, водэвиль, коррэспондэнтъ, латынскій, монэта, они (они), патэнтъ, протэктія, рээстръ, студэнтъ, тэма, фонэтика и т. п. Эту послѣднюю категорію словъ, по нашему мнѣнію, не было нужды заносить въ словарь, такъ какъ указанное твердое произношеніе звука *e* относится къ области особенностей мѣстной фонетики (если, конечно, это общее на югѣ явленіе), о чемъ достаточно было краткаго упоминанія въ заключительной статьѣ: «Замѣчанія о произношеніи въ Южной Россіи».

4. Неправильное словообразование и словопроизводство: ангельчикъ (ангелочекъ), арфянка (арфистка), бомбандировка, бровя (бровь), лимона (лимонъ), здоровенскій (здоровенный), всклокоченный (всклоченный), *заиртачиться* (зартачиться), нанильникъ (наценокъ), негритенокъ (негренокъ), резиновый (резинный), свойственень (свойственъ), и т. д. Это явленіе особенно часто наблюдается въ образованіи причастія прошед. времени страд. залога: выколонный (выколотый), молонный (молотый), перешибленый (перешибенный), ушибленый (ушибенный) и т. д.

5. Смѣшеніе родовъ: бутылъ—м. р., вуаль—м. р., картофель—ж. р., Марсель—м. р., мозоль—м. р., эмаль—м. р. и т. п.

6. Неправильное словоупотребленіе: баловень вмѣсто баловникъ; полудѣнный (длящійся половину дня) вмѣсто полуденный: «полудѣнныя страны» (полуденныя страны); свято-татство (похищеніе церковныхъ вещей) вмѣсто кощунство; «Фанатикъ бросилъ камнемъ въ икону и за такое свято-татство (кощунство) былъ наказанъ»; слыхать (относится къ слухамъ) вм. слышать: «Я это слыхалъ (слышалъ) своими ушами», а слышать вм. слыхать: «Я давно и не разъ слышалъ (слыхалъ) объ этомъ»; одолжить что-нибудь вмѣсто взять на время; бородатый (обросшій бородою) вм. бородастый (съ большою бородою), а бородастый вм. бородатый; усатый вм. усастый и многія другія прилагательныя на «стый» и «тый».

7. Невѣрное управление: безпокоиться за кого (о комъ), благодарить кому (кого), вздыхать за кѣмъ, за чѣмъ (по комъ, по чемъ), служить за лакея (лакеемъ) и т. п.

18. Слова, заимствованныя съ польскаго или черезъ посредство него: сагрустя (крыжовникъ; *agrest?*) бугай (быкъ), буракъ (свекла), вазонъ (цвѣточный горшокъ), тармидеръ (шумъ), галуны (квасцы), лоскотка (щекотанье), настачить (напасть; *nastarczye?*), шаровать (мыть съ пескомъ и золою), швачка (швея) и т. п.

19. Провинциализмы: вкусности (вкусныя кушанья), вогкій, вохкій (сырой), ержъ (ежъ), злыдни (негодный домашній скарбъ), калоша (нижняя часть брюкъ, отъ колѣнъ), паморки (память), раскубритъ (раскупорить), тямить (понимать) и т. д.

Къ «Словарю» приложена дѣльная и обстоятельная статья: «Замѣчания о произношеніи въ Южной Россіи»: въ ней приведены основанія русской орфоэпіи, или правильнѣе, орфоэпіи московскаго говора, и тѣ уклоненія отъ нихъ, которыя замѣчаются на югѣ и западѣ Россіи. Главная причина жесткости и неблагозвучія южныхъ и западныхъ говоровъ заключается, по мнѣнію автора, въ томъ, что «грамотный человекъ» старается въ произношеніи воспроизвести начертаніе слова, подчиняя, такимъ образомъ, въ своемъ выговорѣ фонетическое начало этимологическому.

Намъ остается сказать о нѣкоторыхъ мелкихъ недостаткахъ, вкравшихся въ «Словарь».

Приводя ту или иную неправильность, авторъ очень часто ставитъ слово (если оно существительное или имя) не въ именительномъ падежѣ, а въ родительномъ; не приводитъ авторъ оправдательныхъ примѣровъ — трудно было бы догадаться, въ чемъ дѣло. Напр.: *острога* — *острога*, *долей* — *долей*, *долга* — *долга*, и т. п. Гораздо было бы вразумительнѣе для читателя, если бы въ этихъ случаяхъ стояла начальная форма существительнаго: *острогъ*, *острога* — *острога*, *доля*, *долей* — *долгий*, *долгъ*, *долга* — *долга*.

Стр. 24: «Глосъ м. — глоса ж.» Слѣдовало бы объяснить это малоупотребительное слово; по Далю «глоса» — порода черномор. рыбы (*platessa luscus*). Стр. 48: «Истаивать истаивать, — истаевать, истаивать». Въ акад. словарѣ (1869 г. изд. 2-е) и у Грота нѣтъ формы «истаявать», а значатся

слѣдующія: *истаеать* и *истаить*. На той же страницѣ: «Исъ краткій, и съ краткимъ — названіе буквы *й* (и краткій).» Гротъ въ «Фил. Раз.» (т. II, стр. 25, изд. 1876 г.) называетъ эту букву «и съ краткой», Даль — «Буква *и* послѣ гласной, сливаясь съ нею, принимаетъ кратку: *й*», Буслевъ называетъ *й* — «и краткое», Колосовъ — «и съ знакомъ краткости», но никто изъ нихъ — «и краткій». Стр. 69: «Модница — модиста, портниха». Должно быть: *модистка*. Стр. 73: «Наволка — ~~новолока~~». Вѣроятно, — опечатка: слѣдуетъ — «наволока». Стр. 110: «Придурковатый — глуповатый, съ придурью». Если съ московскомъ говорѣ нѣтъ слова «придурковатый» (что сомнительно), то есть «придуроватый» и «придурашный». Стр. 119: кромѣ формы «разобрало» (опьянѣлъ), есть и «разобрало (Даль). Стр. 121: По Далю не «револьверъ», а «револьверъ» (слово, взятое съ англійскаго). Стр. 122: «ремешокъ» исправлено въ «ремешекъ»; у Грота («Фил. Раз.», т. I, стр. 345) — «ремешокъ». Стр. 124: «Рѣдкій — жидкій. Рѣдкіе волосы. Рѣдкій чай». Последнія два выраженія приведены, какъ неправильныя; между тѣмъ, судя по оправдательнымъ примѣрамъ у Даля и въ акад. словарь, они вполне возможны. Стр. 133: по мнѣнію автора, вмѣсто глагола «смерзнуть», слѣдуетъ употреблять «озябнуть»; академическій же словарь и Даль показываютъ и тотъ и другой: «Мы смерзли, простоявъ на дворѣ очень долго», «У меня руки, ноги смерзли». Стр. 151: слово «участковый» допускаетъ два, а не одно удареніе: *участковый* и *участковъый* (Даль). Стр. 155: «Царанинь — царанинь». Это слово слѣдовало бы пояснить; по Далю «царанинь» (бессар.) — вольный, но обязанный хлѣбопашецъ, на чужой землѣ. Стр. 167: кромѣ «язвенный» и «язвеньный», акад. словарь допускаетъ и «язвленный» — отъ глагола «язвить»: «язвленный гнѣвомъ» = «пораженный гнѣвомъ».

Въ общемъ книжка г. Долошчева производитъ на читателя оч. благоприятное впечатлѣніе и, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ принести пользу воспитанникамъ учебныхъ заведеній въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ Россіи. Съ своей стороны

мы желаемъ ей самага широкаго распространенія не только среди учащихся и учащихся, но всѣхъ тѣхъ, кому дорога чистота русскаго языка, кого интересуютъ успѣхи его (въ нашихъ окраинахъ).

Отвѣтъ на статью В. Андреева:

„какъ отличать опредѣлительныя прилагательныя и причастія отъ прилагательныхъ и причастій, составляющихъ особое придаточное опредѣленіе вмѣстѣ съ относящимися къ нимъ словами?“ (Р. Ф. В., № 2, 1892 г.)

А. Волоткинъ, Рыльскъ.

Авторъ означенной статьи, какъ показываетъ и самое ея заглавіе, намѣревался дать практическія указанія, какъ отличать опредѣлительныя прилагательныя и причастія отъ прилагательныхъ и причастій, составляющихъ цѣлое придаточное предложеніе; по крайней мѣрѣ въ своемъ отвѣтѣ г. Преображенскому (Рус. Фил. В., № 3, 1892 г.) онъ тщательно отстаиваетъ добытое имъ изъ педагогической практики положеніе: причастіе или имя прилагательное только въ томъ случаѣ должны считаться опредѣлительными сокращенными предложеніями, если имѣютъ при себѣ дополненіе или обстоятельственное слово. Не возражая противъ этого положенія, позволимъ себѣ лишь спросить, дѣйствительно ли необходимую цѣль преслѣдовалъ г. Андреевъ, добиваясь пунктуальнаго разграниченія между причастіями и прилагательными, составляющими простое опредѣленіе, и прилагат. и причастіями, составляющими сокращенныя опредѣлительныя предложенія?

Казалось бы, въ видахъ упрощенія, гораздо удобнѣе было бы и то и другое причастіе или имя прилагательное подвести подъ одну грамматическую категорію, хотя бы назвавши сокращенныя опредѣлительныя предложенія не предложеніями, а опредѣленіями, получаемыми отъ сокращенія придаточныхъ опредѣлительныхъ предложеній. И въ самомъ дѣлѣ, почему

мы такъ называемыя «сокращенныя» опредѣлительныя предложенія» называемъ «предложеніями»? Удобнѣе было бы отнести ихъ къ простымъ опредѣленіямъ, съ которыми они функционируютъ почти одинаково. *Азы протѣдичи азыннэ днэ днэ ази н оти* Но мы возразятъ, что такое разграниченіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма важно при выработкѣ опредѣленныхъ правилъ нашей пунктуаціи; дѣйствительно, этотъ вопросъ было необходимо рѣшить г. Андрееву, такъ какъ онъ именно на этомъ основаніи строить свою пунктуацію. Но посмотримъ, что даетъ въ этомъ отношеніи статья г. Андреева.

Разрѣшаетъ вопросъ г. Андреевъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: если прилагательныя или причастія имѣютъ съ относящимися къ нимъ словами, находясь впереди опредѣляемаго слова, имѣютъ на себѣ или на какомъ либо изъ относящихся къ нему словъ логическое удареніе, то въ такомъ случаѣ они должны считаться за сокращенныя предложенія и на этомъ основаніи должны быть отдѣляемы отъ главнаго предложенія запятою; очевидно изъ этого, что прилагательныя или причастія съ относящимися къ нимъ словами, но безъ логическаго на нихъ ударенія, г. Андреевъ не считаетъ за предложенія; такую важность онъ придастъ логическому ударенію. Безспорно, логическое удареніе имѣетъ важное значеніе; но все-таки по многимъ причинамъ мы не можемъ принять этого положенія. Укажемъ на нѣкоторыя неудобства, съ которыми неизбежно столкнется преподаватель, если на основаніи логическаго ударенія заставить учениковъ разставлять знаки препинанія: каждый учащійся можетъ самостоятельно подчеркивать любое изъ словъ сокращеннаго предложенія; онъ можетъ, наконецъ, въ предлагаемомъ примѣрѣ и не признавать рекомендуемаго ему логическаго ударенія; слѣдовательно, преподаватель долженъ считаться съ многочисленными мнѣніями, не всегда неосновательными, что, по нашему мнѣнію, неудобно. Кроме этого, указанный взглядъ, т. е. требованіе логическаго ударенія, нисколько не упрощаетъ нашего синтаксиса, такъ какъ ставить сокращенныя придаточныя предложенія опредѣлительныя какъ-то особнякомъ отъ другихъ сокращенныхъ

придаточныхъ предложеній; если необходимо искать логическаго ударенія на причастіи или имени прилагательномъ съ относящимися къ нимъ словами, то почему намъ не искать его и на сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ обстоятельственныхъ, стоящихъ впереди глагола, къ которому они относятся? А такой вопросъ можетъ возникнуть и въ головѣ учащагося. Но этотъ вопросъ не является; и мы не имѣя въ виду эти неудобства, мы и рѣшаемся предложить другія, вѣроятно уже не новыя, данныя, которыми можно было бы руководствоваться при пунктуациі сокращенныхъ причастіями предложеній.

Напомнимъ о томъ, что сокращенныя дѣепричастіями обстоятельственныя предложенія, стоятъ ли они впереди или послѣ глагола, къ которому относятся, всегда отдѣляются отъ главнаго предложенія запятою; приступимъ къ разбору примѣровъ, заимствуя ихъ изъ статьи г. Андреева.

«Не ужасаемый ничѣмъ, Мазепа козни продолжаетъ». Намъ кажется, что съ удареніемъ ли на словѣ «ничѣмъ», или безъ ударенія, но это предложеніе нужно считать не опредѣлительнымъ, а обстоятельственнымъ причины; слѣдовательно, на основаніи пунктуациі обстоятельственныхъ предложеній, его нужно отдѣлять отъ главнаго предложенія запятою. Если же логическое удареніе мы перенесемъ въ главное предложеніе на слово «Мазепа», то придаточное предложеніе должно уже считаться не обстоятельственнымъ, а опредѣлительнымъ, такъ какъ оно должно относиться въ этомъ случаѣ къ слову «Мазепа», а не «продолжаетъ», какъ въ первомъ случаѣ; опредѣлительныя же сокр. предложенія, стоящія впереди опредѣляемаго слова, мы запятой не отдѣляемъ, согласно правилу г. Киричникова.

«Упоенные виномъ, союзники лежали, какъ мертвые; очевидно, что и здѣсь предложеніе «упоенные виномъ» относится по смыслу не къ слову «союзники», а къ слову «лежали», такъ какъ мы ничего не теряемъ при слѣдующей разстановкѣ: «упоенные виномъ, лежали союзники».

«Довольный своимъ положеніемъ, человѣкъ живетъ счаст-

ливо»; и здѣсь также мы имѣемъ право отдѣлать придаточное предложенье запятой лишь тогда, когда признаемъ его не за опредѣлительное, а за придаточное предложенье обстоятельства времени. Весьма характернымъ признакомъ, почему эти предложенья должны считаться за обстоятельственные, является то, что причастія «не ужасаемый», «увоенные» и прилагательное «довольный» легко можно замѣнить дѣепричастіями «не будучи» «ужасаемъ», «будучи» «увоенны» и «будучи» съ прилагат. въ кр. формѣ «довольнъ». Что касается примѣра «Петръ Великій, показывая одному флотскому офицеру свои покрытыя мозолями руки, сказалъ, что онъ опрудится для того, чтобы показать этимъ примѣръ другимъ», то, по нашему мнѣнію, здѣсь яенѣ всего обнаруживается несостоятельность взгляда г. Андреева: почему онъ утверждаетъ, что на словахъ «покрытыя мозолями» нѣтъ логическаго ударенія? Если мы не ошибаемся, то на словѣ «мозолями» чувствуется удареніе и довольно сильное; не отдѣляемъ же мы запятыми словъ «покрытыя мозолями» потому, что это предложенье опредѣлительное, а не обстоятельственное, и такъ какъ нѣтъ глагола, къ которому можно было бы его отнести; ясно же это видно и изъ того, что причастіе «покрытыя» нельзя замѣнить дѣепричастіемъ. Не будемъ прибѣгать къ другимъ, уже не столь обычнымъ примѣрамъ, гдѣ пришлось бы для подтвержденія нашего правила прибѣгать къ грамматическимъ ухищреніямъ; полагаемъ, что сказаннаго достаточно, чтобы руководствоваться при разстановкѣ знаковь препинанія въ обыкновенныхъ случаяхъ. Самъ г. Андреевъ говоритъ: «изъ причастій, стоящихъ впереди именъ существительныхъ, къ которымъ они относятся, обыкновенно страдательныя могутъ въ слѣдствіе логическаго на нихъ ударенія дѣлаться съ относящимися къ нимъ словами цѣлыми придаточными предложеньями. Въ этомъ случаѣ причастіе замѣняетъ собою сложную форму, состоящую изъ дѣепричастія — «будучи» и спрягаемой формы причастія даннаго глагола».

Очевидно, что и онъ подмѣтилъ это неслучайное совпаденіе. Прибавимъ, что, по нашему мнѣнію, не одни только страдательныя причастія могутъ быть замѣняемы дѣепричастіями. Если возможно сказать такъ: «измученные и умирающіе отъ жажды, прибыли войны въ городъ», то, очевидно, причастіе «умирающіе» можетъ быть замѣнено безъ измѣненія смысла дѣепричастіемъ.

Сводя все въ одно цѣлое, позволимъ себѣ, говоря о предложеніяхъ, сокращенныхъ причастіями и стоящихъ впереди опредѣляемаго слова, высказаться такимъ образомъ:

Придаточныя предложенія сокращенныя опредѣлительныя, стоящія впереди опредѣляемаго слова, отъ главнаго предложенія запятой не отдѣляются; отдѣляются же изъ нихъ запятой лишь такія, которыя могутъ быть названы опредѣлительными только по формѣ, по смыслу же принадлежать къ предложеніямъ обстоятельнымъ; узнать ихъ легко: причастіе въ нихъ безъ измѣненія смысла предложенія замѣняется дѣепричастіемъ.

Для учащихся въ гимназіи это правило не представитъ чего-либо новаго; такъ какъ уже съ третьяго класса мальчики узнаютъ, что относительныя предложенія не только выражаютъ намѣреніе, причину, но и слѣдствіе.

Это же высказанное нами правило, вѣроятно, имѣлъ въ виду академикъ Гротъ, когда въ § 111 Рус. Прав. онъ говоритъ: «когда прилагательное или причастіе, съ дополненіемъ или безъ онаго, употреблено не какъ опредѣленіе, а какъ обстоятельное слово или сокращенное придаточное предложеніе (подразумѣваемъ «обстоятельное»), то оно отъ своего существительнаго отдѣляется запятой, будетъ ли стоять передъ нимъ, или послѣ него»; по крайней мѣрѣ три первые примѣра подтверждаютъ наше предположеніе.

О переводѣ русскихъ предлоговъ на нѣмецкій языкъ.

К. *Трейманъ*, Краснослободскъ.

(Окончаніе).

15) **Подъ** съ винительнымъ падежемъ: *unter* (съ вин. пад.), при означеніи мѣста на вопросъ **куда?**

Напр.: Книга упала **подъ** столъ *das Buch fiel unter den Tisch*.
Взять кого-н. **подъ** караулъ *Jemand unter Wache nehmen*.

Примъч. Послать войско **подъ** Москву *das Heer nach Moskau senden*. Подыскиваться **подъ** кого-н. *Jemand beizukommen, zu suchen suchen*. Подписать **подъ** (кого-н.) имѣніе *Jemand sein Vermögen verschreiben*. Поддѣлывать мѣдъ **подъ** серебро *Kupfer silberähnlich machen, versilbern*. Подобрать **подъ** цвѣтъ *der Farbe nach aussuchen, auswählen*.

Подъ *gegen* (съ вин. пад.) и иногда *zu* (съ дат. пад.), при означеніи времени.

Напр.: Приходи ко мнѣ **подъ** вечеръ *komme zu mir gegen Abend*. Ему **лѣтъ** **подъ** сорокъ *er ist gegen vierzig Jahre alt*. **Подъ** вечеръ съ больнымъ сдѣлалось хуже *zum Abend wurde der Kranke schlechter*.

Примъч. **Подъ** праздникъ *vor einem Feiertage*.

Подъ съ творительнымъ падежемъ: *unter* (съ дат. пад.), при означеніи мѣста на вопросъ **гдѣ?**

Напр.: Книга лежитъ **подъ** столомъ *das Buch liegt unter dem Tische*. Онъ находится **подъ** карауломъ *er befindet sich unter Wache*.

Примъч. Войска стояли **подъ** Москвою *die Truppen standen unweit (in der Nähe von) Moskau*. Карлъ XII былъ побѣжденъ Петромъ Великомъ **подъ** Полтавой *Karl der Zwölfte wurde von Peter dem Grossen bei Poltawa besiegt*.

16) **Надъ** *über* (съ дат. пад.), при означеніи мѣста на вопросъ **гдѣ?**

Напр.: Надъ столомъ über dem Tische. Высоко надъ нашею головою несутся облака hoch über unserem Haupte ziehen die Wolken. Надъ алтаремъ висѣлъ образъ Богородицы ob (über) dem Altar hing eine Mutter Gottes.

Примѣч. Онъ надзиратель надъ садами князя er ist Aufseher über die Gärten des Fürsten. Германъ одержалъ побѣду надъ римлянами Hermann erfocht einen Sieg über die Römer.

b. an (съ дат. пад.), при означеніи занятія чѣмъ-нибудь.

Напр.: Трудиться надъ сочиненіемъ an einem Werke, an einer Schrift arbeiten.

17) **Предъ** съ винительнымъ падежемъ: a. vor (съ вин. пад.), при означеніи мѣста на вопросъ куда?

Напр.: Онъ представилъ дѣло предъ судью er brachte die Sache vor den Richter. Предъ хана въ смутномъ ожиданьи предстали мы wir stellten uns vor dem Chan in trüber Erwartung.

b. vor (съ дат. пад.), при означеніи мѣста на вопросъ гдѣ? и времени на вопросъ когда?

Напр.: Передъ судомъ vor dem Gerichte. Передъ моимъ отъѣздомъ vor meiner Abreise. Передъ восходомъ солнца vor Sonnenaufgang.

18) **За** съ винительнымъ падежемъ: a. hinter (съ вин. пад.) при означеніи мѣста на вопросъ куда?

Напр.: Собака легла за печку der Hund legte sich hinter den Ofen.

b. an (съ вин. пад.), при означеніи начала дѣйствія. Напр.: Приняться за книги sich an die Bücher machen; за работу an die Arbeit. Гости сѣли за столъ die Gäste setzten sich an den Tisch (zu Tische).

c. vor (съ дат. пад.) при означеніи времени. Напр.: За день vor einem Tage; за нѣсколько мѣсяцевъ vor einigen Monaten; за сорокъ лѣтъ vor vierzig Jahren; за недѣлю до святокъ eine Woche vor Weihnachten.

d. bei (съ дат. пад.) при означеніи образа дѣйствія. Напр.: Вери его въ руку fassé ihn bei der Hand. Веди его сюда за уши führe ihn bei den Ohren herbei.

Примѣч. Схватиться за мечъ nach dem Schwerte greifen. (съ вин. пад.) при означеніи цѣли на вопросъ за сколько? за что? при означеніи причины на вопросъ за что? за чѣмъ? Когда «за» употребляется въ смыслѣ «вмѣсто кого».

Напр.: Онъ продалъ свой домъ за двѣ тысячи рублей er verkaufte sein Haus für zwei tausend Rubel. Награждали его за приле-

janie man belohnte ihn für Fleiss. Онъ получилъ это за свою службу er erhielt dieses für seinen Dienst. Это я съдѣлаю за тебѣ das werde ich für dich thun.

f. über (съ вин. пад.) при означеніи мѣры; когда «за» стоитъ вмѣстѣ «болѣе», «сверхъ».

Напр.: Въ колчанѣ было за триста стрѣлъ im Köcher waren über dreihundert Pfeile. Долгъ заходить за тысячу (сверхъ) тысячу рублей die Schuld beträgt über tausend Rubel, geht über tausend Rubel hinaus.

Примч. Что за шумъ! was für ein Lärm! Что это за человекъ? was für ein Mann ist es?

За съ творительнымъ падежемъ.

a. hinter (съ дат. пад.) при означеніи мѣста на вопросѣ гдѣ? Напр.: За домомъ hinter dem Hause. За мною hinter mir.

b. nach (съ дат. пад.) при означеніи цѣли. Напр.: Послать за докторомъ nach dem Doctor schicken; послать за лѣкарствомъ nach der Arznei schicken.

c. aus (съ дат. пад.) и wegen (съ род. пад.) при означеніи причины.

Напр.: Я не успѣлъ за недосугомъ ich habe aus (wegen) Mangel an Zeit nicht fertig werden können. Никакъ нельзя было пробѣхать за множествомъ каретъ man konnte garnicht durchkommen wegen einer Menge von Wagen.

19) **О** съ винительнымъ падежемъ: a. an, gegen (съ вин. пад.) при означеніи движенія къ какому-нибудь предмету.

Напр.: Удариться объ стѣну an (gegen) die Wand stossen. Бросить объ полъ an die Diele werfen. Обо что ты ушибся? woran hast du dich abgeschlagen?

b. an (съ вин. пад.) при означеніи нахождения рядомъ съ какимъ-н. предметомъ.

Напр.: Я живу съ нимъ стѣна объ стѣну ich wohne mit ihm Wand an Wand. Опереться объ столъ, о перила sich an den Tisch an das Geländer lehnen. Уголь объ уголь neben einander. Ходить съ кѣмъ-н. рука объ руку Hand in Hand mit Jemand gehen.

О съ предложнымъ падежемъ: a. von (съ дат. пад.), über (съ вин. пад.) при глаголахъ

говорить, писать и т. п., и an (съ вин. пад.) при глаголахъ думать, вспомнить и т. п.

Напр.: Говорить о своихъ дѣлахъ von seinen Geschäften reden. Много говорили о немъ man sprach viel über ihn (von ihm). Говорить о старинѣ von der alten Zeit sprechen. О какомъ предметѣ пи-

штеть онъ теперь? üb er, welchen Gegenstand schreibt er jetzt? —
Не думай болѣе объ этомъ: denke nicht mehr daran. Думать обо
всемъ an Alles denken.

вмѣсто (съ вин. пад.), при означеніи времени, когда «о»
стоитъ вмѣсто «около».

Напр.: Онъ приходитъ въ намъ о Рождествѣ и о Пасхѣ er
kommt zu uns um Weihnachten und um Ostern. Вчера объ эту
пору gestern um diese Zeit.
с. mit (съ дат. пад.) при означеніи частей цѣлаго,

когда «о» стоитъ вмѣсто «съ».

Напр.: Церковь о пяти главахъ eine Kirche mit fünf Kuppeln.
Столъ о четырехъ ножкахъ ein Tisch mit vier Füßen. Конь о
четырехъ ногахъ, т. да спотыкается das Pferd hat vier Füße und stol-
pert doch.

20) При: при означеніи времени, когда «о»
стоитъ вмѣсто «около».

Напр.: При домѣ beim Hause; при рѣкѣ am Flusse.
Примѣч. Быть при мѣстѣ angestellt sein; eine Stelle haben; eine
Stelle bekleiden. Быть при деньгахъ bei Kasse sein; Geld haben.

вмѣсто (съ вин. пад.), при означеніи времени, когда «о»
стоитъ вмѣсто «около».

Напр.: Это было при мнѣ es geschah in meiner Gegenwart,
in meinem Beisein; при всѣхъ in Aller Gegenwart. О (е)
въ вѣкъ zu der Zeit (съ род. пад.), unter (съ дат. пад.) при озна-
ченіи времени на вопросъ когда?

Напр.: При Петрѣ Великомъ zur Zeit Peter des Grossen; При
мнѣ этого не было zu meiner Zeit ist es nicht gewesen.

Примѣч. При царѣ Горохѣ zu Olims Zeiten.

21) Про: про означеніи времени, когда «о»
стоитъ вмѣсто «около».

Напр.: Онъ про васъ не говорилъ er sprach nicht von euch,
über euch: Сказка про Бову и королевича das Märchen vom dem
Königssohn Bowa.

вмѣсто (съ вин. пад.), zu (съ дат. пад.), когда «про» стоитъ
вмѣсто «за».

Напр.: Здѣсь каждый живетъ про себя hier lebt ein jeder für
sich. Про домашній обиходъ zum Hausbedarf, für den Hausbedarf.

22) Сквозь: durch (съ вин. пад.), когда «про» стоитъ
вмѣсто «около».

Напр.: Мы станемъ дружески смотрѣть сквозь пальцы wir wollen

freundlich durch die Finger sehen. Прощди это сквозь рѣшето lasse es durch den Sieb.

23) **Чрезъ** (черезъ):

a. über, durch (съ вин. пад.); при означеніи движенія черезъ какой-н. предметъ, на вопросъ куда?

Напр.: Переѣхать черезъ рѣку über den Fluss setzen. Заяцъ перебѣжалъ черезъ дорогу der Hase lief über den Weg. Дорога идетъ чрезъ Кіевъ и Калугу der Weg geht über (durch) Kiew und Kaluga.

b. nach, nach Verlauf von (съ дат. пад.), um, über (съ вин. пад.) при означеніи времени.

Напр.: Черезъ три дня nach (nach Verlauf von) drei Tagen. Приходи ко мнѣ черезъ два часа komme zu mir um zwei Stunden. Черезъ пять часовъ все будетъ готово um fünf Stunden ist alles fertig. Черезъ три недѣли я возвращусь heute über drei Wochen komme ich zurück.

c. wegen (съ род. пад.), durch (съ вин. пад.), при означенія причины, когда «чрезъ» стоитъ вмѣсто «ради»

Напр.: Черезъ него я чуть-чуть не попалъ въ бѣду ich wäre durch ihn (seinetwegen) beinahe ins Verderben gerathen.

Переводъ нарѣчій, употребляемыхъ въ видѣ предлоговъ.

1) **Близъ** — nahe, nahe an, nahe bei, nahe zu (съ дат. пад.), unweit (съ род. пад.) при означеніи мѣста, nahe um (съ вин. пад.) при означеніи времени.

Напр.: Близъ дома nahe am Hause. Близъ воротъ unweit des Thores. Близъ года nahe um ein Jahr.

Вдоль — längs (съ род. или дат. пад.), entlang (передъ существительнымъ съ род. пад., послѣ существительнаго съ вин. пад.)

Напр.: Вдоль берега (вдоль по берегу) längs dem Ufer (längs des Ufers), das Ufer entlang.

Примѣч. Вдоль и поперекъ die Kreuz und Quer, kreuz und quer; in die Länge und die Breite.

3) **Вмѣсто** — statt, anstatt (съ род. пад.)

Напр.: Я хотѣлъ придти вмѣсто него ich wollte statt (am- statt) seiner kommen.

4) **Внутри** (внутри) — im Innern, innerhalb (съ род. пад.).

Напр.: Внутри южнаго полярнаго круга не нашли земли Land ist innerhalb des südlichen Polarkreises nicht gefunden worden.

5) **Внѣ** — ausser (съ дат. пад.), ausserhalb (съ род. пад.).

Напр.: Внѣ города ausserhalb der Stadt. Внѣ себя ausser sich.

6) **Возлѣ** (подлѣ) — neben, an (съ дат. пад. на вопросѣ гдѣ? съ вин. пад. на вопросѣ куда?)

Напр.: Стулъ стоитъ возлѣ стѣны der Stuhl steht an (neben) der Wand. Сидишь возлѣ меня setze dich neben mich. Онъ стоитъ возлѣ меня er steht neben mir.

7) **Кромѣ** — ausser (съ дат. пад.).

Напр.: Кромѣ меня и тебя всѣ были тамъ ausser mir und dir waren alle da.

8) **Мимо** — vorbei, vorüber (ставится послѣ существительнаго въ дат. пад.).

Напр. Мы проѣхали мимо этого города wir fuhren dieser Stadt vorüber.

9) **Насупротивъ** — gegenüber (съ дат. пад.), ставится или передъ существительнымъ, или послѣ него.

Напр.: Насупротивъ замка Эренбрейтштейнъ лежитъ городъ Кобленцъ gegenüber dem Schlosse Ehrenbreitstein liegt die Stadt Coblenz.

10) **Около** — um, um — herum (съ вин. пад.) при означеніи мѣста, когда «около» стоитъ вмѣсто «вокругъ».

Напр.: Около (вокругъ) солнца um die Sonne. Около (вокругъ) крѣпости обыкновенно бываютъ валы и рвы um eine Festung herum sind gewöhnlich Wälle und Gräben.

При числительныхъ и при означеніи времени «около» переводится посредствомъ ungefähr, gegen (съ вин. пад.).

Напр.: Это мнѣ стоитъ около пяти рублей es kostet mir ungefähr (gegen) fünf Rubel. Приѣзжай ко мнѣ около весны komme zu mir gegen das Frühjahr.

Примѣч. Вокругъ да около irgend wie, gleichviel wie. Ходить вокругъ да около umherlungern, müssig gehen, bummeln.

11) **Опрічь** — ausser, mit Ausnahme von (съ дат. пад.).

Напр. Опрічь меня никто ему не помогаль ausser mir half ihm Niemand.

12) **Поверхъ** — oberhalb (съ род. пад.), über, auf (съ дат. пад.).

Напр.: Поверхъ моста стояли барки oberhalb der Brücke standen Barken. Поверхъ воды über, auf dem Wasser.

13) **Позади** — hinter (съ дат. пад. на вопросъ гдѣ? съ вин. пад. на вопросъ куда?)

Напр.: Позади нашего дома прекрасный садъ hinter unserem Hause ist ein schöner Garten.

Примѣч. Остаться позади zurückbleiben.

14) **Послѣ** — nach (съ дат. пад.).

Напр.: Я приду къ тебѣ послѣ обѣда ich werde nach dem Mittagessen zu dir kommen.

Примѣч. Послѣ того darauf, darnach; послѣ сего hierauf, hiernach; послѣ чего worauf, wornach.

15) **Посреди** — mitten in, mitten auf (съ дат. пад.); inmitten, in der Mitte (съ род. пад.).

Напр.: Посреди дороги mitten auf dem Wege, in der Mitte des Weges.

16) **Прежде** — vor (съ дат. пад.).

Напр.: Онъ пришелъ прежде (раньше) меня er kam vor mir.

Примѣч. Прежде всего zu allererst.

17) **Противъ** — gegen, wider (съ вин. пад.), gegenüber (съ дат. пад.) при означеніи мѣста.

Напр.: Сражаться противъ непріятеля gegen den Feind kämpfen. Поступить противъ совѣсти gegen sein Gewissen handeln. Онъ живетъ противъ насъ er lebt uns gegenüber.

18) **Сверхъ** — ausser (съ дат. пад.), über (съ вин. пад.) при означеніи мѣры, цѣны).

Напр.: Сверхъ того ausser dem. Сверхъ пятидесяти лѣтъ über fünfzig Jahre. Сверхъ трехъ сажень über drei Faden. Сверхъ двадцати рублей über zwanzig Rubel.

Примѣч. Сверхъ чаянія wider Erwarten.

19) **Среди** — mitten in, mitten auf, mitten unter, mitten zwischen, (съ дат. пад.).

Напр. Среди комнаты mitten im Zimmer. Среди поля mitten auf dem Felde. Среди множества людей mitten unter der Menschenmenge.

Примѣч. Среди бѣла дня am hellen lichten Tage.

20) **Вопреки, на зло, на пережоръ** — wider, gegen (съ вин. пад.), zuwider (съ дат. пад., ставится послѣ существительнаго), trotz (съ род. или съ дат. пад.), zum Trotz (съ дат. пад.).

Напр.: Вопреки законамъ *wider die Gesetze, den Gesetzen zu wider.* Вопреки всемъ противодействиямъ, сопротивлениамъ *trotz allem Widerstreben.* Онъ это сдѣлалъ мнѣ назло *er that es mir zum Trotz.*

21) **Согласно съ** — *laut* (съ род. пад.), *einverstanden mit, in Uebereinstimmung mit* (съ дат. пад.), *nach* (съ дат. пад.).

Напр.: Согласно съ закономъ *in Uebereinstimmung mit dem Gesetze; laut des Gesetzes; nach dem Gesetze.*

Примѣч. Это совершенно согласно съ закономъ *es stimmt vollkommen (genau) mit dem Gesetze überein.*

22) **Спустя** — *nach, nach Verlauf von* (съ дат. пад.), *nach Verlauf* (съ род. пад.).

Напр.: Спустя нѣсколько дней я опять напишу ему *nach (nach Verlauf von) einigen Tagen werde ich ihm wieder schreiben.*

Примѣч. Дѣлать что-н. спустя рукава *etwas nachlässig, irgendwie machen.* Ходить спустя рукава *maulaffen, gaffen.* Жить спустя рукава *ein sorgloses Leben führen.*

23) **Вслѣдствіе** — *infolge, auf Grund* (съ род. пад.), *zufolge* (съ род. пад. передъ существительнымъ, съ дат. пад. послѣ существительнаго).

Напр.: Вслѣдствіе вашего желанія я пересылаю эти товары *infolge eures Wunsches (eurem Wunsche zufolge, zufolge eures Wunsches) übersende ich euch diese Waaren.* Вслѣдствіе Вашего письма я спѣшилъ продать домъ *infolge (auf Grund) Ihres Schreibens eilte ich das Haus zu verkaufen.*

Фр. Шутце. Училищевѣдѣніе. Практическое учение о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Переводъ А. Бѣлявскаго. Кіевъ, 1892 г. VIII + 496. ц. 1 р. 50 к.

А. Степовичъ, Кіевъ.

Это — въ общемъ дѣльная книга, и польза отъ нея для нашихъ народныхъ учителей и воспитанниковъ педагогическихъ заведеній, будетъ несомнѣнна; скажу даже болѣе: и преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній съ интересомъ прочтуть нѣкоторыя страницы и могутъ позаимствоваться изъ нихъ многими необходимыми свѣдѣніями, хотя и не новыми, но изложенными иногда довольно своеобразно, въ смыслѣ любопытнаго соединенія съ одной стороны простоты и элементарности объясненій, а съ другой извѣстнаго глубокомыслія и научности... Отсутствіе оглавленія представляется намъ изряднымъ упущеніемъ, такъ какъ, вслѣдствіе этого, казалось бы, маловажнаго обстоятельства, значительно однако же затрудняется пользованіе книгою. Извѣстно, что въ книгахъ такого рода, т. е. имѣющихъ, кромѣ чисто учебнаго, еще иногда и справочный характеръ, по крайней мѣрѣ для народныхъ учителей, необходимы не только оглавленіе, но и азбучный указатель личныхъ именъ, а также и предметный указатель: такія вспомогательныя прибавки очень облегчаютъ пользованіе книгами и берегутъ у читателя время.

Теперь перейдемъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ по существу. Одни изъ нихъ относятся собственно къ автору, другія какъ къ нему, такъ и къ переводчику.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе на то, что при оцѣнкѣ разныхъ педагогическихъ дѣятелей не всегда соблюдена извѣстная осторожная соразмѣрность, и читатель, особенно недостаточно свѣдущій, не разъ въ этомъ отношеніи станетъ въ тупикъ; да и свѣдущій цѣнитель невольно соблазняется... Извольте, въ самомъ дѣлѣ, разобраться въ слѣдующихъ оцѣнкахъ: Коменскій Амось названъ «по истинѣ гроссмейстеромъ педагоговъ; отъ взоровъ его не укрылся ни одинъ значительный моментъ, на который бы онъ не обратилъ вниманія и не оцѣнилъ его педагогическаго значенія» (336 стр.).

О Франке сказано, что «онъ былъ педагогомъ въ широкомъ смыслѣ (?), какого не было ни до него, ни послѣ него» (?!) (385 стр. 342). Песталоцци, наконецъ, названъ «педагогомъ педагоговъ» (385 стр.). Ясно, что большей сбивчивости и неточности оцѣнокъ и быть не можетъ; въ книгѣ, имѣющей учебное назначеніе, такая, непонятная для насъ, неточность является просто непростительнымъ обстоятельствомъ, и, быть можетъ, было бы не излишне, ежели бы переводчикъ снабдилъ эти мѣста соответствующими поправками и объясненіями.

Но гдѣ особенно было необходимо такое дѣятельное вмѣшательство переводчика, такъ это въ главѣ о Коменскомъ. Последнее празднество — чествованіе трехсотлѣтія со дня его рожденія — вызвало и въ иностранной, и въ русской литературѣ огромное количество глянцевыхъ книгъ, статей, замѣтокъ и прочее, предлагающихъ изслѣдователю огромный и незамѣнимый матерьялъ для настоящей оцѣнки величайшаго изъ педагоговъ всѣхъ временъ и народовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась и чешскославянская сущность его научнолитературной и педагогической дѣятельности, которая необходимо должна быть принимаема во вниманіе и выдвигается на первый планъ пишущими русскими педагогами. Между тѣмъ нашъ переводчикъ ни однимъ словомъ, ни одной обмолвкой не заявилъ своего несогласія съ тѣми вопіющими проявленіями узкаго нѣмецкаго взгляда на дѣятельность великаго славянина, какія находятся въ книгѣ.

Конечно отъ г. Шутце, какъ нѣмца, стоявшаго въ полной

вовсе не непременно нѣмецкую школу, а всякую народную вообще, т. е. чешскую, русскую, французскую и т. д. Въ чешскомъ подлинникѣ книги такая школа просто названа «городскою» (městská). Очевидно, и этотъ промахъ произошелъ отъ того, что г. Шутце вѣрить въ то, что первоначально «Великая дидактика» была написана по нѣмецки, и принимаетъ такимъ образомъ нѣмецкій переводъ за подлинникъ... Но что, повторяю, простительно ему, какъ нѣмцу, не извинительно нашему переводчику, который не долженъ былъ оставлять этого мѣста безъ оговорки, хотя бы ради той русской среды, для которой онъ предназначилъ свою книгу...

Чтобы покончить со странностями нѣкоторыхъ педагогическихъ воззрѣній г. Шутце, которыя мы объясняемъ просто его зависимою отъ пособій, не всегда критически осмтрѣнныхъ и провѣренныхъ, укажемъ еще на крайне странное, такъ сказать, буржуазно филистерское уничиженіе Ж. Ж. Руссо сравнительно съ Франке (357 стр.): въ этомъ мѣстѣ Руссо просто смѣшанъ съ грязью, чтобы не сказать болѣе («человѣкъ грубо безнравственный, черствый сердцемъ... педагогъ пера...»). Мы раздѣляемъ глубокое нравственное негодованіе Кернера, который въ своей Исторіи Педагогика говоритъ: Меня возмущаетъ, что такого человѣка причисляютъ къ педагогамъ за то, что онъ по заказу книгопродавца тоже писалъ о воспитаніи и т. д.)

Можно ли быть болѣе несправедливымъ къ Руссо? Можно ли одобрить такое, можно сказать, лицемѣрнофарисейское отношеніе къ педагогическому писателю, чей «Эмилъ» названъ на 388 стр. книги г. Шутце «геніальнымъ педагогическимъ романомъ»? Конечно, добродѣтельнаго нѣмецкаго педагога коробить нѣсколько извѣстная репутація Руссо, созданная людьми, для которыхъ виѣшнее лицемѣрноприличное поведеніе кажется болѣе важнымъ, чѣмъ великія, не умирающія педагогическія идеи...

Въ общемъ переводъ сдѣланъ удовлетворительно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отъ плохой ли правки наборнаго текста или отъ неправильности перевода, читатель встрѣчается съ крайне неудобопонятными выраженіями. Что такое, наприм.,

обозначаетъ собою слѣдующее непонятное мѣсто, на 420 стр.; «Грюнеръ предложилъ Фребелю подѣла онъ мало подготовленъ»? На стр. 385 находимъ также темное мѣсто. «Теперь приступаемъ къ отцу Песталоцци, педагогу педагоговъ...» Къ чему здѣсь слово «отецъ», непонятно. Собственно объ отцѣ Песталоцци сказано на 386 стр. ровно двѣ съ половиною строки, т. е. столько, сколько нужно по свойству книги.

Къ книгѣ, въ видѣ приложенія, прибавленъ «Историческій очеркъ развитія народныхъ школъ въ Россіи» (449—496), составленный переводчикомъ. Этотъ очеркъ слишкомъ кратокъ и неполонъ до того, что даже недоумѣваешь, зачѣмъ ему было появляться, въ виду существованія въ нашей литературѣ по исторіи педагогики нѣсколькихъ подобныхъ... Вотъ ежели бы переводчикъ позаботился о большей обстоятельности изложенія (трудно повѣрить, что, наприм., глава «Школы до Петра Великаго и при Петрѣ» занимаетъ лишь около трехъ страницъ (449—451), то русскіе учителя были бы ему очень благодарны. Изъ русскихъ педагоговъ въ «Очеркѣ» упомянуть Н. А. Корфъ (493 стр.), удостоились нѣсколько болѣе подробнаго изложенія Н. И. Пироговъ и О. И. Паульсонъ (491—492), и лишь одинъ К. Д. Ушинскій заслужилъ довольно обстоятельнаго разсмотрѣнія своей жизни и дѣятельности (477—491). Намъ сдается, что пора бы уже не замалчивать и замѣчательной, выдающейся педагогической дѣятельности Л. Н. Толстого и его глубоко своеобразныхъ педагогическихъ воззрѣній; не говоримъ уже о немъ, какъ о составителѣ замѣчательныхъ руководствъ для народныхъ училищъ, съ которыми, несомнѣнно, придется же встрѣтиться такъ или иначе въ жизни нашему народному учителю....

Не упоминаемъ и о нѣсколькихъ другихъ нашихъ замѣчательныхъ педагогахъ, не менѣе Корфа и Паульсона, заслуживающихъ внесенія въ «Очеркъ» г. Бѣлявскаго и не появившихъ въ него по неизвѣстной намъ причинѣ. Изъ нѣсколькихъ замѣченныхъ нами неправильностей отмѣтимъ на стр. 474 утвержденіе, что въ городскихъ училищахъ по поло-

женію 1869 г. «естъ смѣна и для дѣвочекъ». Совсѣмъ не смѣна, а настоящія таки отдѣленія, существующія рядомъ съ мужскими, чаще всего въ отдѣльныхъ даже зданіяхъ и лишь подъ управленіемъ общаго штатнаго смотрителя, преподающаго въ нихъ и какой нибудь учебный предметъ.

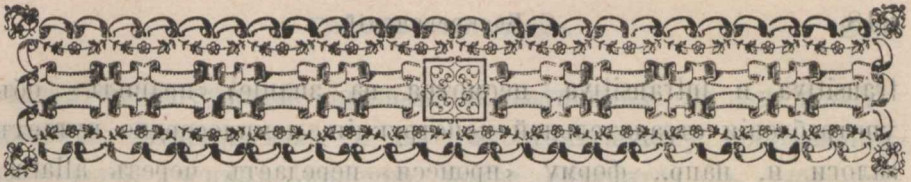
Заканчивая наши замѣчанія, которыя отнюдь, конечно, не умаляютъ значенія разсмотрѣнной нами книги, но будутъ, можетъ быть, небезполезны для слѣдующаго ея изданія, мы еще разъ не можемъ не высказать своего удовольствія по поводу появленія этой книги, несомнѣнно, обогащающей нашу все еще довольно скудную, а главное однообразную педагогическую литературу.

Теоретическая часть книги, гораздо болѣе сильная, чѣмъ историческая, особенно будетъ пригодна для нашихъ учителей.

Мысли педагоговъ и великихъ людей.

Нельзя не признать того, что самый процессъ изученія формъ языковъ особенно благотворно дѣйствуетъ на духовное развитіе. Кромѣ того, нельзя отрицать и того, что вліяніе классическихъ писателей въ высшей степени нравственное, тогда какъ къ несчастью съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ соединяются тѣ вредныя и ложныя ученія, которыя составляютъ язву нашего времени.

Гр. Левъ Толстой («Анна Каренина»).

Грамматическіе вопросы. (Participium futuri passivi).

С. Воскресенскій, Кіевъ.

Причастныя формы, о которыхъ намѣрены мы говорить въ настоящей замѣткѣ, составляютъ для учениковъ одинъ изъ тѣхъ камней преткновенія, который благополучно минуютъ въ своихъ письменныхъ работахъ лишь немногіе счастливыцы класса.

Слѣдуетъ впрочемъ сказать это и вообще о формахъ страдательнаго залога.

Недостаточное развитіе ихъ въ рус. языкѣ, постоянная замѣна въ рѣчи и имѣющихся немногихъ, какъ слишкомъ тяжелыхъ, формами другихъ залоговъ — значительно затрудняютъ ученика въ усвоеніи и сознательномъ примѣненіи формъ такъ богатаго ими латинскаго страдательнаго залога.

Уже въ младшихъ классахъ смутили его страшныя обороты въ родѣ «долженствующій быть украшеннымъ», «что я буду украшенъ» («Лат. гр.» Эл. Зейф. 55 стр.), къ которымъ «приходится» прибѣгать для перевода одной латинской формы, и это смущеніе и страхъ предъ трудностями новаго языка иногда не разсѣиваются и въ слѣдующихъ классахъ.

Не малую роль играютъ тутъ и часто довершаютъ путаницу мало понятныя для ученика термины (напр. герундивъ, deponentia).

И вотъ, въ концѣ концовъ, нерѣдко и ученикъ старшихъ классовъ, несмотря на усвоенное, повидимому, понятіе о verba

transitiva и intransitiva, несмотря на знаніе «правиль» объ употребленіи страдательной конструкціи, немилосердно путають залого и, напр., форму «пронеся» передаетъ черезъ allatus, форму „ornatum iri“, о которой ему поторопились (совершенно напрасно) сказать, что она неупотребительна, не муча себя долго сомнѣніями, замѣняетъ формой „ornaturum esse“.

Подобныя же «недоразумѣнія» имѣють мѣсто и при переводахъ съ латинскаго на русскій.

Несомнѣнно, что причина подобныхъ явленій кроется отчасти и въ плохомъ усвоеніи учениками системы русскаго спряженія съ его залогоми, видами и временными формами. (Личный взглядъ нашъ на этотъ отдѣлъ русской грамматики мы изложили въ «Фил. Запискахъ» 88 г. вын. VI).

Пополнить эти пробѣлы, путемъ сравненія, выяснить средства обоихъ языковъ для выраженія разнообразныхъ глагольныхъ категорій, остановиться подолѣе на различіи формальнаго, на основаніи двойкой (act. и passiv.) формы спряженія, дѣленія глаголовъ съ дѣленіемъ ихъ по тому отношенію, которое существуетъ между подлежащимъ и его временнымъ признакомъ — все это составляетъ, разумѣется, непосредственную обязанность учителя латинскаго языка. Но вотъ чего не слѣдовало бы забывать въ этомъ дѣлѣ: не достаточно одного догматическаго изложенія вопроса, недостаточно и простаго заучиванія парадигмъ, такъ какъ знаніе, если оно и дастся ученикамъ при подобномъ обученіи, грозитъ остаться для нихъ, какъ слишкомъ отвлеченное, обособленное отъ примѣненія на дѣлѣ, мертвымъ капиталомъ.

Чтобы поставить его въ живую связь съ языкомъ, научить примѣнять его къ дѣлу, полезнымъ методическимъ приемомъ представляется намъ разучиваніе спряженія вообще и формъ, наиболѣе трудныхъ для ученика, въ особенности на краткихъ примѣрахъ, каждый разъ для каждаго спрягаемаго глагола подбираемыхъ, причемъ неизбѣжно, конечно, затрогиваются и твердо, благодаря частому повторенію, запоминаются и соответствующія синтаксическія правила. Единственный способъ постоянно связывая данную латинскую форму съ соот-

вѣтствующей русской, припоминая заученный по нея поводу примѣръ, побуждаемый и къ самостоятельному составленію примѣровъ, ученикъ, конечно, болѣе сроднится съ таблицей латинскихъ спряженій, болѣе сознательно станетъ примѣнять свое знаніе, чѣмъ достигается это при заучиваніи голыхъ парадигмъ безъ соблюденія упомянутого условія. При этомъ приемѣ къ ученику не обращаются съ вопросомъ: „Conjuncti praesentis, futurum exactum, infinit. futuri (отъ такого-то глагола)?“, но даютъ для перевода краткое, по возможности, предложение*), гдѣ должна встрѣтиться искомая формальность.

X. Особенно необходимо, конечно, уясненіе путемъ примѣровъ значенія формъ — futuri exacti, plusquamperfecti съ ихъ релятивнымъ значеніемъ, затѣмъ всѣхъ формъ conjunctivi, infinitivi.

Никто, полагаемъ, не отождествитъ указываемаго здѣсь метода, требующаго отъ всего класса усиленнаго вниманія и известной быстроты сообразительности, заставляющаго ученика, постоянно связывая формы родного языка съ формами чужого языка, свободно пользоваться послѣдними, съ довольно обычнымъ веденіемъ этого дѣла (разучиванія и повторенія спряженій), когда парадигмы изучаются сами по себѣ, а переводы съ русскаго изъ хрестоматіи идутъ тоже сами-по-себѣ.

Упомянутыя въ началѣ замѣтки формы на —ndus принадлежатъ къ наиболѣе, такъ сказать, знаменательнымъ: многоразличное значеніе ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и употребленіе не позволяютъ ограничиться указаніемъ какого нибудь одного способа для передачи ихъ на рус. яз.

Относительно основнаго значенія этихъ формъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей далеко не сходятся, какъ различны и самые термины, придуманные для нихъ.

Самое окончаніе —dus производятъ обыкновенно отъ do, dare — въ значеніи facere.

*) Напр. при спряженіи гл. facere: «Ты сдѣлаешь это», «Если ты сдѣлаешь это, будешь жалѣть», «Прошу тебя сдѣлать это», «Не сомнѣваюсь, что ты сдѣлаешь это», «Знаю, что ты это сдѣлаешь» и т. п.

Понятіе долженствованія, понятіе будущаго времени не заключалось первоначально въ отглагольныхъ прилагательныхъ на *-ndus*, обозначавшихъ просто дѣйствіе въ его соверше- шеніи (собст. совершаемости) или состояніе продол- жающееся, съ какимъ значеніемъ являются обыкновенно косвенные падежи *gerundivi*. Изъ употребленія средняго рода этихъ прилагательныхъ съ св. *est* и съ дат. лица, изъ аналогіи съ употреблявшимися такъ отглагольными существи- тельными развилось значеніе долженствованія, необходи- мости, и уже изъ этого значенія, такъ какъ будущему, оче- видно, принадлежитъ то, что должно случиться, развилось значеніе, давшее право писателямъ конца 3-го вѣка по Р. Х. употреблять формы на *-ndus*, какъ *participium futuri passivi*. Къ этимъ основнымъ значеніямъ формъ на *-ndus* присоединились, какъ увидимъ ниже, и нѣкоторыя побочныя.

Изъ изложеннаго видно, что изъ существующихъ въ грамматикахъ терминовъ — „*participium futuri passivi*“ (кото- раго собственно нѣтъ въ лат. яз., какъ и въ русскомъ: *epistola scribenda* не то же, что *epistola, quae scribetur*), „*participium necessitatis*“, „*gerundivum*“ — употребленіемъ у клас- сиковъ оправдывается всего менѣе терминъ „*participium futuri passivi*“, терминъ, несмотря на указанное несоотвѣтствіе его значенію обозначаемыхъ имъ формъ, очень распространенный въ школѣ и, повидимому, довольно для школьныхъ потреб- ностей пригодный.

Во многихъ случаяхъ онъ будетъ понятнѣе ученику, чѣмъ темное „*gerundivum*“, ясно указывая на залогъ и время, во многихъ случаяхъ онъ побудитъ юнаго переводчика, позабывъ на время наиболѣе твердо имъ усвоиваемое выраженіе «дол- женствующій» и т. д., поискать болѣе точныхъ и изящныхъ оборотовъ.

При переводѣ разсматриваемыхъ формъ русскому ученику чаще всего можетъ пригодиться обиліе отглагольныхъ суще- ствительныхъ въ русск. яз., при чемъ преимущество, впрочемъ, остается за латинскимъ, болѣе точнымъ и сжатымъ, оборотомъ, такъ какъ не по недостатку, конечно, въ отгла-

гольныхъ существит. прибѣгаетъ лат. яз. то къ причастию *perfecti passivi* для выраженія оконченнаго дѣйствія, то къ формамъ на *ndus* — тамъ именно, гдѣ идетъ рѣчь о дѣйствіи ожидаемомъ, предстоящемъ.

L. Quinctio Gallia (evenit) et comitia habenda (Т. Liv. XXXV, 20 с.) «На долю Л. Кв. вышла Галлія и производство комицій.» «... *et cum Нуратам tuendam depoposcissent*» «и взявъ на себя охрану Г. . . .» (Liv. XXXVI, 17 с.)

... *in quem locum protegendum cum Macedones concurrissent* (Liv. XXXII, 23)... когда М. сбѣжались для защиты этого мѣста».

Tam immanis crudelitas Astyagis fuit, ut Harpago filios erulandos apponeret (...предложилъ въ пищу...).

Aegei temporibus A. septenos iuvenes totidemque virgines in Cretam quotannis mittebant Minotauro obiciendos (на жертву). *Filium Alexandri cum matre in arcem custodiendos* (подъ стражу) *mittit* (Justin. 14, 6, 13). *Quae utenda* (для своихъ потребностей) *vasa semper vicini rogant* (Pl. Avl. 1, 2, 18) *Aedem Castoris P. Sunius habuit tuendam* (C. Verr. I, 50).

Во многихъ случаяхъ, далѣе, формы на — *ndus* возможно передать русскимъ неопредѣленнымъ наклоніемъ.

Evrydice occidendum virum suscepit (взялась умертвить) (Sust 7, 4) *Redemptor columnam Jovis conduxerat faciendam* (Cic. Div. 2, 21) [Сюда же примыкаютъ инфинитивныя конструкции при *censeo, constituo, decerno*.

... *illud tempus expectandum decreverunt*. (. . рѣшили дожидаться того момента). *Regulus captivos reddendos non censuit* (Cic. off. 1, 13)].

Въ этихъ примѣрахъ въ формахъ на *ndus* выступаетъ главнымъ образомъ значеніе цѣли, намѣренія; не мало однако встрѣчаемъ у авторовъ мѣсть, гдѣ формы — на *ndus* служатъ для обозначенія просто предстоящаго, будущаго дѣйствія.

У писателей конца 3-го вѣка по Р. Х. это употребленіе, какъ уже сказано, является вполне обычнымъ.

Scio litteras meas tibi sero reddendas (знаю, что письмо мое будетъ передано тебѣ слишкомъ поздно) Symm. ep. 1,39 A. Sura comperit adoptandum se (что онъ будетъ усыновленъ) a Trajano esse (Spartian. Hadr. 3,10). Praesagiens concitandos motus (Amm. 20,8). Credidimus (eius taedium augendum, si voluptati iacentis obstitissemus (Sidon. ep. 2,12).

Рѣже, но встрѣчается подобное употребленіе и въ болѣе раннюю пору римской литературы.

... muris alicujus urbis obsidendum sese incluserit. заперся въ ожиданіи осады. (Т. Liv. XXXVI, 17 с.) Dedit oscula nato non iterum repetenda suo (. . . поцѣлуй, о которому не суждено повториться. . .) (Ovid. met. VIII, 2,11).

Слѣдуетъ забыть переводчику выраженіе «долженствующій» и т. д. и при переводѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ формы на —ndus являются съ значеніемъ причастія настоящаго времени страдательн. залога или въ значеніи простого прилагательнаго, каковы oriundus, secundus, optandus, metuendus, horrendus, mirandus, dolendus, verendus, concupiscendus (Liv. I,56), petendus и друг.

Volvenda dies (dies quae volvitur) en attulit ultro (Verg. Aen. 9,5) Promissi testis adestu dis juranda palus (Ov. Met. 2,48) («которымъ клянутся боги») Quadraginta milia pondo argenti, summam non ex unius tum urbis praeda sperandam (Liv. I,55).

Значеніе дѣйствія возможнаго въ формахъ на —ndus особенно часто встрѣчается при vix и отрицаніяхъ: vix credendus, vix ferendus, haud poenitendus (Liv. I,35), haud spernendus. . . et Hasdrubalem propedem adfore cum manu haud —quaquam contemnenda — «скоро прибудеть и Г. съ отрядомъ, далеко не ничтожнымъ».

Не касаясь собственно вопроса объ отношеніи формъ на —ndus къ такъ наз. герундію, объ употребленіи этого послѣдняго оборота, объ условіяхъ перехода его въ оборотъ страдательный, мы остановимся, въ заключеніе нашей замѣтки, на тѣхъ случаяхъ у авторовъ, гдѣ, вопреки основному правилу

объ активномъ*) значеніи герундія, оборотъ этотъ является, по видимому, съ значеніемъ страдательнаго залога. (Умодетъ)
Примѣровъ подобнаго употребленія, впрочемъ, очень много, да и въ нихъ, какъ кажется, слѣдуетъ видѣть лишь желаніе, вмѣсто длиннаго и тяжелаго оборота, воспользоваться, хотя бы и съ ущербомъ для ясности и правильности рѣчи, имѣющимся въ языкѣ болѣе краткимъ путемъ. Такъ, вмѣсто того, чтобъ сказать: «Videmus multitudinem pecudum nobis datam, ut iis vesceremur», писатель прибѣгаетъ къ обороту: «m. p. ad vescendum (Tusc. 1, 28)», причемъ только изъ связи рѣчи узнается, въ какомъ смыслѣ онъ долженъ быть понятъ.

(Умодетъ)
«Antonius... Italia cesserat; spes restituendi nulla erat (= sperare non poterat fore, ut restitueretur). Nep. Att. 9. Вмѣсто «Multa vera videntur neque tamen habent notam, qua percipi possint» находимъ краткое «percipiendi notam (C. V. 31)». «Haec frequentia convenit... censendi causa» (для переписи) (C. V. 1, 18)... Quin etiam ceteris, quae moventur hic fons, hoc principium est movendi (Tusc. I, 23). Jus lectica per urbem vehendi (Suet. Claud. 28). Athenas erudiendi causa missus (Iust. 17, 3) Charta emporetica inutilis est scribendo (Pl. NH, 13) Quare ades ad imperandum (Cic. Fam. 9, 25). Ante dandum ingentes tollunt animos (V. G. 3. 206). Alitur vitium vivit que tegendo (V. G. 3. 445). Memoria excolendo augetur (Quint. 11, 2, 1). Uritque videndo femina (V. G. 3. 125).

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, относя неопредѣленно, такъ сказать, — безлично выраженную дѣятельность къ извѣстному субъекту, указываемому связью, смысломъ рѣчи придется, конечно, признать за приведенными формами страдательное значеніе.

Заслуживаютъ также вниманія слѣдующія мѣста, аналогичныя съ указанными выше по безличному характеру формъ герундія.

*) Вытекаетъ это значеніе изъ самаго образованія герундія, родящаго его съ *partic. praes. act.*, изъ его употребленія, какъ косвен. падежей *infinitivi*, изъ его конструкторіи, такъ какъ онъ управляетъ падежемъ своего глагола. Въ силу этого значенія не вѣдн. напр., такое предложеніе какъ — «dignus, qui laudetur» сократить въ *dignus laudando*.

Hora fatalis ignominiae advenit, omnia tristiora experiundo factura, quam quae praesecerant animis (Т. Liv. IX, 5). Форму «*experiundo*» (дословно: «испытываніемъ», «при испытаніи») придется передать здѣсь нѣсколько свободно и не столь кратко, лишивъ ее, безличнаго характера: «наступилъ часъ позора, приносившій съ собой для переживавшихъ его римлянъ (еще болѣе тяжелую дѣйствительность), еще болѣе тяжелыя впечатлѣнія, чѣмъ самыя ожиданія.»

«*Etsi omnis divini humanique moris memoria abolevit nova peregrinaque omnia priscis ac patriis praefereundo* (Т. L. 8, 11) (благодаря тому, что чужое и новое предпочитается своему и старому).

Ubi promovendo adjunctam muro viderunt turrem (XXIII, 37) «*Nam, sicut pleraque nova commenta mortalium in verbis vim habent, experiendo sine ullo effectu evanescent, ita...* (Liv. 44, 41) «*et quas (leges) ne usus quidem longo tempore experiendo argueret.* (Liv. 45, 32).

Въ одномъ изъ этихъ примѣровъ, именно: «*nova peregrinaque omnia priscis ac patriis praefereundo*», несмотря на отсутствіе указаній на дѣйствующій субъектъ, ясно выступаетъ основное активное значеніе герундія, управляющаго падежемъ своего глагола, какъ и въ примѣрѣ: «*ne glisceret prima neglegendo bellum* (Liv. XXIX, 2).

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, отношеніе подлежащаго къ глаголу — безлично-выраженное, т. е. глаголу не принадлежитъ субъектъ, а только управляетъ имъ. Въ первомъ примѣрѣ, глаголу принадлежитъ субъектъ, а въ остальныхъ — нетъ. Въ первомъ примѣрѣ, глаголу принадлежитъ субъектъ, а въ остальныхъ — нетъ. Въ первомъ примѣрѣ, глаголу принадлежитъ субъектъ, а въ остальныхъ — нетъ. Въ первомъ примѣрѣ, глаголу принадлежитъ субъектъ, а въ остальныхъ — нетъ.

По поводу «Новаго способа разъясненія процессовъ дедукціи».

(Педагогич. Сборникъ).

Г. Дорофеевъ, Ставрополь на Кавказѣ.

Названная статья помѣщена въ номерахъ «Педагогическаго Сборника» и мнѣ, какъ лицу, тоже занимающемуся преподаваніемъ логики въ ср. учеб. заведеніяхъ, захотѣлось подѣлиться впечатлѣніями и мыслями, возникшими при чтеніи этой статьи г. Сланскаго.

Я не согласенъ ни съ тѣмъ, что толкованіе дедукціи, предлагаемое г. Сланскимъ, ново, ни съ тѣмъ, что оно вѣрно, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Въ короткихъ чертахъ г. Сланскій такъ разъясняетъ обычное (по его мнѣнію) толкованіе процессовъ дедукціи: «По схоластической теоріи смыслъ дедуктивнаго вывода сводится къ основоположенію, что все, что можетъ быть сказано обо всѣхъ предметахъ даннаго класса, можетъ быть сказано и о каждомъ изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности» . . . «При чемъ съ понятіемъ обо всемъ, т. е. о всѣхъ предметахъ даннаго класса, соединялся какой-то чисто механической или количественный смыслъ, т. е. подразумѣвались какъ-будто при этомъ всѣ предметы извѣстнаго рода по числу, всѣ на перечесть, и самое утвержденіе или отрицаніе за всѣми такими предметами какого-либо признака . . . понималось . . . въ категорическомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ утвержденія уже дѣй-

ствительной фактической принадлежности всѣмъ предметамъ данныхъ признаковъ» . . . «такъ что выходить, будто въ заключеніи утверждается или отрицается за извѣстнымъ предметомъ . . . не больше какъ то, что утверждается или отрицается за тѣми же предметами въ основномъ положеніи». (стр. 346 окт. 1892 г. «Пед. Сб.»).

Такое пониманіе дедукціи ведетъ, по мнѣнію автора, къ ложному взгляду на нее, какъ на пустую, даже «безмысленную» игру ума. Далѣе г. Сланскій старается дать остроумное опроверженіе «количественнаго и механическаго» пониманія дедукціи на слѣдующемъ примѣрѣ: «Всѣ люди — смертны; N — человекъ; слѣд. N — смертенъ». Авторъ говоритъ, что съ выше указанной точки зрѣнія смыслъ этого силлогизма «могъ бы быть выраженъ такъ: всѣ люди, т. е. и человекъ А, и человекъ В и человекъ N — смертны; N — человекъ; слѣдовательно N — смертенъ; а это, очевидно, (острить далѣе авторъ) равносильно будетъ умствованію: N — смертенъ, слѣдовательно N — смертенъ, или N — смертенъ, потому что онъ смертенъ» (стр. 347 *ibid.*). «Но положимъ, продолжаетъ авторъ, что въ посылкѣ: «всѣ люди смертны — не будетъ еще подразумѣваться, что N — смертенъ, ни даже того, что N — человекъ». Въ такомъ случаѣ, какое мы имѣемъ право утверждать, что всѣ люди смертны, «если не всѣ, если о какихъ либо NN еще неизвѣстно, смертны ли они, или не смертны». (*ib.*) Остроумно . . . Только вотъ вопросъ, гдѣ, въ какихъ учебникахъ логики, въ какихъ ученыхъ трудахъ нашель авторъ именно такое пониманіе дедукціи? Выдумывать же предположенія, явно нелѣпыя, и опровергать ихъ — дѣло во всякомъ случаѣ не трудное.

Авторъ далѣе опровергаетъ такое «количественное, механическое» пониманіе дедукціи тѣмъ соображеніемъ, что никто никогда не могъ и не сможетъ на основаніи личнаго опыта изслѣдовать всѣ явленія, факты даннаго класса, чтобы имѣть право «категорически утверждать» данный признакъ за каждымъ предметомъ извѣстнаго класса.

«Единственное сознательно возможное пониманіе сказан-

ныхъ положеній, говорить далѣе авторъ, это будетъ пониманіе ихъ въ смыслѣ утвержденія какихъ-либо неизмѣнныхъ отношеній между признаками, характеризующими извѣстные классы предметовъ, и какими-либо другими также общими признаками, т. е. напр. такого рода отношеній, что первые признаки имѣютъ своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ и вторые признаки, или что первые составляютъ необходимыя условія вторыхъ и т. п.» (ib. стр. 351). Выражаясь проще и короче, авторъ старается остановить вниманіе не на объемѣ, а исключительно на содержаніи понятій, входящихъ въ составъ извѣстнаго силлогизма. Онъ выражаетъ далѣе ту мысль, что фактъ сосуществованія различныхъ признаковъ въ наблюдаемыхъ предметахъ и явленіяхъ даетъ намъ право утверждать, «что если какимъ-либо предметамъ принадлежатъ или не принадлежатъ одни извѣстные признаки, то имъ неизбѣжно должны принадлежатъ или существовать въ нихъ и извѣстные другіе» (354 ibid).

Вотъ сущность «новаго» (по мнѣнію автора) пониманія дедукціи, пониманія «единственно возможнаго и не абсурднаго», какъ это настойчиво подчеркиваетъ г. Сланскій.

Значить, онъ утверждаетъ, будто до него дедукцію основывали единственно на количественномъ отношеніи между понятіями (или, какъ говоритъ г. Сланскій «классами»), входящими въ силлогизмъ. Посмотримъ, на сколько это справедливо?

Въ Логикѣ Владиславлева вотъ что говорится при изложеніи ученія о силлогизмѣ. Примѣръ взять слѣдующій:

1) истинно народныя произведенія отличаются искренностію и простотой. 2) Пѣсни Оссіана, изданныя Макферсономъ, этими качествами не отличаются (онѣ сентиментальны); слѣдовательно, изданіе Макферсона не можетъ быть причислено къ истинно народнымъ произведеніямъ. Владиславлевъ далѣе говоритъ: «въ приведенномъ примѣрѣ три существенныхъ элемента: 1) истинно народныя произведенія, 2) ихъ отличительныя качества и 3) изданіе Макферсономъ пѣсенъ Оссіана». (Стр. 123 Логика Вл—ва 1881 г. СПб.). И здѣсь и ниже Владиславлевъ говоритъ объ элементахъ силлогизма,

причемъ, какъ изъ этого примѣра, такъ и изъ примѣра, взятаго Сланскимъ, видно, что во вниманіе принимается не только объемъ входящихъ въ силлогизмъ понятій (количественное пониманіе), но и существенные признаки ихъ, т. е. содержаніе понятій, на чемъ сосредоточился г. Сланскій въ своемъ новомъ способѣ толкованія дедукціи. Впрочемъ, авторъ въ началѣ и не утверждаетъ категорически, чтобы до него съ большимъ понятіемъ въ силлогизмъ соединяли «количественный смыслъ»: до него только «какъ-будто подразумевали подъ этимъ понятіемъ... всѣ на перечетъ предметы.»*) Это «какъ будто», конечно, обмолвка со стороны автора (онъ дальше принимаетъ это утверженіе въ дѣйствительномъ смыслѣ), но обмолвка совершенно вѣрная, такъ какъ, дѣйствительно, это могло только показаться. Въ учебникахъ логики, вслѣдствіе крайней сжатости ихъ изложенія, этотъ вопросъ совсѣмъ обходится. Подъ рукой у меня имѣются слѣдующіе учебники логики: Свѣтилина, Струве, Баталина, Троицаго, и ни въ одномъ изъ нихъ рѣчи объ этомъ нѣтъ. У Баталина же говорится: «первая посылка выражаетъ собой общій законъ»; «меньшая выставляетъ фактъ, подходящий подъ общій законъ, а заключеніе содержитъ приговоръ объ этомъ фактѣ на основаніи общаго закона. А не то ли же самое, только болѣе сжато и точно, говоритъ Баталинъ, о чемъ толкуетъ г. Сланскій, какъ о чемъ-то новомъ. Мы говоримъ — болѣе точно потому, что у Баталина нѣтъ той односторонности, какую придаетъ своему толкованію дедукціи авторъ новаго способа, стараясь сосредоточить все вниманіе на содержаніи понятія и забывая, что въ немъ есть и объемъ. Вѣдь именно поэтому г. Сланскому и приходится видоизмѣнить взятый силлогизмъ (всѣ люди смертны, N— человекъ, слѣд. N— смертенъ) въ слѣдующую формулу: Все живое смертно, N— существо живое; слѣдовательно, N— смертенъ. Г. Сланскій говоритъ, что такой выводъ основывается на неизмѣнномъ сосуществованіи этихъ признаковъ (живое и смертное). «И вотъ (гов. г. Сланскій)

*) См. выше.

понять такимъ образомъ данное положеніе, значить понять его не въ количественномъ отношеніи, а въ качественномъ, и не въ смыслѣ утвержденія факта, а въ смыслѣ утвержденія закона. (См. выше уч. Баталіна). Что же тутъ новаго?.. Ничего, кромѣ ошибки, односторонности и путаницы, которыя допускаетъ г. Сланскій въ своей статьѣ. Ошибка и односторонность заключаются въ томъ, что онъ хочетъ, во что бы то ни стало, остановить вниманіе только на содержаніи понятій, устраняя ихъ объемъ. Впрочемъ, объема онъ и не можетъ устранить: онъ его только маскируетъ мѣстоименіемъ все (живое). Чтобы доказать, что объема понятія большей пользы устранить нельзя, мы буквально то же сдѣлаемъ съ силлогизмомъ, въ формѣ предложенной г. Сланскимъ, что онъ примѣнилъ къ нему въ обыкновенной его формѣ для доказательства «абсурдности» «количественнаго пониманія» дедукціи. «Относительно этого силлогизма (все живое — смертно; N— существо живое, — N— смертенъ) могутъ быть поставлены слѣдующаго рода вопросы: во I-хъ, въ основномъ положеніи умозаключенія, что все живое смертно, слѣдуетъ ли подъ этимъ все подразумевать того самого N, въ которомъ есть признакъ жизни, или не слѣдуетъ?» Если — да, «то выводъ является только именно повтореніемъ подъ видомъ заключенія того, что уже утверждается въ его основаніи»; если — нѣтъ, то какое право мы имѣемъ утверждать, что все живое смертно, если не все, если относительно NN мы этого еще не утверждали» и т. д. (См. стр. 346 и 347 Пед. Сбор. окт.).

Всю эту эквилибристику мы повторили для того, чтобы показать, что подобнаго рода доказательство абсурдности дедукціи можетъ быть примѣнимо, какъ бы ее ни понимали. Совсѣмъ вопросъ другой, насколько это нужно и основательно. Г. Сланскій говоритъ, что «самое утвержденіе или отрицаніе за всѣми такими предметами какого-либо признака... понималось... въ смыслѣ категорическомъ, т. е. въ смыслѣ утвержденія уже дѣйствительной, фактической принадлежности всѣмъ предметамъ данныхъ признаковъ». Въ томъ то и дѣло, что объясненіе, которое даетъ авторъ новаго способа понятія

категорическій, не точно: въ логикѣ различаютъ сужденія категорическія и дѣйствительныя, и одно понятіе не показываетъ другого, — сужденіе можетъ быть категорическимъ, но оно, въ то же самое время, можетъ быть и необходимымъ и дѣйствительнымъ. Сужденіе «вѣдьма летѣла въ облакахъ на помелѣ» — конечно категорическое, но неужели оно дѣйствительное? Впрочемъ, все это собственно элементы формальной логики, и сужденія: всѣ люди смертны, человѣкъ смертенъ, все живое смертно — сужденія категорическія, но не дѣйствительныя непремѣнно, какъ думаетъ г. Сланскій, а необходимыя, что вытекаетъ изъ ученія о понятіи, какъ о такой формѣ мышленія, въ которой должны заключаться признаки только существенныя, необходимыя, общіе всѣмъ предметамъ и явленіямъ даннаго рода,*) признаки неизмѣнныя.

Если могутъ встрѣчаться въ такихъ случаяхъ ошибки, то это объясняется только тѣмъ, что понятія наши далеко еще не достигли своего идеала точности и истинности. Ясно теперь, что вѣрное пониманіе характера большей посылки исключаетъ возможность приложенія къ ней вопроса о томъ, заключалось, или не заключалось въ ея объемѣ подводимое понятіе или предметъ: этотъ вопросъ тутъ просто не нуженъ, такъ какъ категорическое сужденіе въ данномъ случаѣ къ дѣйствительности его или недѣйствительности отношенія не имѣетъ: оно утверждаетъ только, что данному роду понятій долженъ быть свойственъ извѣстный признакъ, или, если угодно, можно выразить это положеніе болѣе частнымъ образомъ — между извѣстными признаками долженъ быть фактъ сосуществованія. Но это будетъ узкая мысль, подъ которую нельзя подвести всѣхъ случаевъ дедуктивнаго мышленія. Впрочемъ, и первая мысль не можетъ быть примѣнима ко всѣмъ случаямъ дедуктивнаго развитія мыслей: она только вѣрнѣе объясняетъ случаи даннаго рода силлогизмовъ. Въ различныхъ же фигурахъ и модусахъ умозаключеній, какъ извѣстно, могутъ быть выводы обще-утвердительныя или обще-

*) См. Лог. Владиславлева стр. 48—50.

отрицательные, и частно-утвердительные или частно-отрицательные.

Автору «новаго способа» кажется, что при его точкѣ зрѣнія на дедукцію «дедуктивный выводъ получить значеніе средства къ приобрѣтенію знаній, онъ будетъ давать новыя знанія, утверждая ихъ на вполне достаточныхъ основаніяхъ» (ib. ст. 359). Посмотримъ, насколько и это справедливо. Сказанное г. Сланскій иллюстрируетъ слѣдующимъ примѣромъ: воздухъ составляетъ необходимое условіе для жизни животныхъ; «по изслѣдованіямъ науки, на лунѣ не существуетъ никакого воздуха, — слѣдовательно, на лунѣ не существуетъ никакихъ животныхъ». Авторъ говоритъ: «конечно, мы здѣсь будемъ имѣть уже дѣйствительный выводъ, — будемъ имѣть мыслительный процессъ, въ которомъ изъ двухъ мыслей будетъ выводиться совершенно особая и отличная отъ нихъ третья мысль.» (360 стр. ib.). Мысль то новая, это правда, но новизна ея происходитъ вовсе не отъ того или иного пониманія дедукціи, а отъ предшествующихъ изслѣдованій науки. Воздухъ составляетъ необходимое условіе жизни животныхъ, изъ этого сужденія путемъ дедукціи можно вывести непосредственное умозаключеніе (по превращенію): слѣдовательно, гдѣ нѣтъ воздуха, тамъ не могутъ жить животныя; всякое же частное новое утвержденіе и выводъ можетъ быть основанъ на знаніяхъ, добытыхъ путемъ изслѣдованія и наблюденія.

Да и весь примѣръ представляется мнѣ неудачнымъ и не основательнымъ: воздухъ, дѣйствительно, необходимое условіе жизни на землѣ; если на лунѣ нѣтъ воздуха (а это, сколько намъ извѣстно, вопросъ далеко не рѣшенный астрономіей), то выводъ можно сдѣлать частный — на лунѣ нѣтъ земныхъ формъ животнаго существованія. Конечно, мы не думаемъ этимъ утверждать, что тамъ есть какія-либо иныя формы существованія животныхъ, но строго логическаго основанія для всеобщаго заключенія эти посылки, какъ намъ думается, не даютъ.

Отсюда слѣдуетъ сдѣлать такой практической урокъ: не

слѣдуетъ такъ далеко и гоняться за примѣрами, особенно, когда рѣчь обращена къ ученикамъ, иначе какъ разъ впадешь въ ошибку и вмѣсто силлогизма дашь примѣръ паралогизма. Лучше построже относиться къ себѣ и не спѣшить съ объявленіемъ новыхъ открытій въ области такой науки, которая насчитываетъ болѣе двадцати вѣковъ своего существованія. Не все то ново, что кажется новымъ; не все то нелѣпно, что кажется абсурднымъ съ перваго раза: неужели въ самомъ дѣлѣ жили люди 2000 лѣтъ, многіе изъ нихъ глубоко и широко изучали теорію дедукціи и ничего другого не дѣлали, какъ городили «абсурды и нелѣпности» и не смогли найти «единственно возможнаго и неабсурднаго» способа толкованія ея, пока не появился г. Сланскій?

А не мѣшаетъ подумать еще вотъ надъ какими пунктами статьи г. Сланскаго:

1) Находясь подъ вліяніемъ изученія логики индуктивныхъ наукъ, а можетъ быть, въ частности, какого-либо англійскаго писателя (Бэна, напр.), онъ смѣшиваетъ понятіе о классѣ и о понятіи, какъ логической формѣ мышленія: онъ вездѣ, когда рѣчь идетъ о силлогизмѣ, говоритъ вмѣсто понятій о классахъ, что не одно и то же: классъ составляетъ только научную ступень къ образованію понятій въ собственномъ смыслѣ*).

2) На страницѣ 351 (Пед. Сб. окт.) г. Сланскій говоритъ: «общіе признаки предметовъ суть отвлеченные признаки, а отвлеченные признаки и составляютъ все, что вообще называется отвлеченными предметами и явленіями» (не логическіе термины), т. е. отвлеченные признаки составляютъ все, что называется въ логикѣ общими представленіями и понятіями о предметахъ и явленіяхъ даннаго рода? Тутъ очевидно недоразумѣніе: общіе признаки составляютъ только одну сторону въ понятіи; значить, они составляютъ не все, что мы называемъ «отвлеченными предметами» (плохой грамматическій терминъ), — въ нихъ, кромѣ содержанія, есть еще и объемъ, чего устраи-

*) См. Логика Владиславлева стр. 55—56, 1881 г.

нить при изложеніи теоріи дедукціи никакъ нельзя: законы сосуществованія признаковъ всегда примѣняются къ отдѣльнымъ фактамъ, предметамъ, явленіямъ или къ группамъ таковыхъ; а разъ это такъ, сейчасъ же возникаетъ идея объема понятій, или, какъ говоритъ г. Сланскій, «количественное, механическое ихъ пониманіе». Сосуществованіе признаковъ самихъ по себѣ, безъ всякаго отношенія ихъ къ субъектамъ, т. е. къ предметамъ, явленіямъ, къ фактамъ, въ которыхъ признаки обнаруживаются, не возможно даже въ умѣ человѣка. Правда, мы обладаемъ способностью отвлекать качества, свойства (признаки) и мыслить ихъ какъ нѣчто отдѣльное, но ставить ихъ въ связь безъ отношенія и мысли о субъектѣ, ими отличающемся, нельзя.

3) На страницахъ 363—364—465, стараясь устранить возраженіе лицъ, указывавшихъ ему, что въ мышленіи менѣе отвлеченномъ конкретномъ выводы не будутъ подходить ни подъ «количественное» пониманіе и толкованіе дедукціи, ни подъ «качественное», предлагаемое г. Сланскимъ, послѣдній говоритъ: «одно частное (наблюдаемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ) прежде чѣмъ дѣлается нашей мыслию основаніемъ для заключенія, обобщается уже ею, т. е. возводится ею въ необходимое, въ неизбѣжное, признается за то, что всегда и непременно должно существовать». Эта мысль вѣрна только въ тѣхъ случаяхъ, когда на основаніи тщательнаго наблюденія и опыта установлена между сосуществованіемъ явленій или признаковъ причинная связь; во всѣхъ же другихъ случаяхъ мысль дедуктивно приходитъ только къ частнымъ выводамъ, не дающимъ общаго знанія. Авторъ разбираемой статьи говоритъ: «если мы, замѣтивъ на нѣкоторыхъ только случаяхъ, что съ явленіемъ А соединяется явленіе В, находимъ возможнымъ строить на этомъ основаніи заключеніе, что то же самое соединеніе съ явленіемъ А явленія В должно имѣть мѣсто и на тѣхъ или другихъ новыхъ случаяхъ, то это значить, что въ насъ подъ влияніемъ первыхъ случаевъ возникла уже увѣренность, хотя бы еще и не вполне осмысленная и ясная увѣренность, что съ явленіемъ А должно всегда и не избѣжно соединяться яв-

леніе В» (что за конструкція предложенія!). Посмотримъ, что выйдетъ изъ слѣдующаго примѣра, когда мы примѣнимъ къ нему это разъясненіе г. Сланскаго.

Алкивиадъ былъ и геніальный и неустойчивый въ нравственныхъ понятіяхъ человѣкъ. Бэконъ Веруламскій обнаруживалъ въ себѣ соединеніе тѣхъ же качествъ и т. п. Слѣдовательно, два явленія — геніальность и не устойчивость въ нравственныхъ понятіяхъ должны сосуществовать въ людяхъ неизбѣжно? Конечно, нѣтъ: это дѣйствительно только иногда бываетъ.

4) Авторъ новаго способа утверждаетъ, что категорическія сужденія имѣютъ въ сущности условный смыслъ... (см. стр. 353) — Въ сущности они его, конечно, не имѣютъ, какъ говоритъ самъ же авторъ, утверждая, что связь между двумя явленіями мы признаемъ неизбѣжной, прежде чѣмъ дѣлаемъ частное положеніе основаніемъ для вывода. Въ этомъ случаѣ авторъ обнаруживаетъ опять нѣкоторую путаницу въ логическихъ терминахъ: условными сужденіями называются въ логикѣ такія сужденія, въ которыхъ указывается извѣстное соотношеніе между признаками; въ логикѣ Владиславлева, на примѣръ, различается два главныхъ вида условныхъ сужденій: въ первомъ — устанавливается причинная связь между признаками; во второмъ — телеологическая связь*). Мы можемъ прибавить еще третій видъ условныхъ сужденій, въ которыхъ устанавливается связь между дѣйствіями или признаками случайная или возможная: если будетъ хорошая погода, мы пойдемъ гулять и т. п. Теперь, если, по словамъ г. Сланскаго, категорическое сужденіе имѣетъ въ сущности характеръ условный, то значитъ категорическое и условное сужденіе равносильны, а слѣдовательно, и каждое изъ нихъ можетъ быть превращаемо одно въ другое, и они могутъ замѣнять другъ друга.

Но, конечно, этого всегда сдѣлать нельзя; да и въ тѣхъ случаяхъ, когда формально, грамматически, такъ сказать, условное сужденіе обращается категорически, условіе только маски-

*) Лог. Влад- ва стр. 103—104.

руется обстоятельствомъ словомъ. Возьмемъ примѣры. 1) «Если температуру воды понижать до 0° , то вода замерзаетъ» \equiv «вода замерзаетъ при пониженіи ея температуры до 0° и ниже». 2) «Если хочешь быть ученымъ, долженъ основательно изучать предметъ своей специальности» \equiv «для приобрѣтенія учености долженъ основательно изучать предметъ своей специальности». Въ первомъ взятомъ нами примѣрѣ связь между явленіями причинная, во второмъ — телеологическая. Не трудно замѣтить, что во второмъ примѣрѣ смыслъ условнаго сужденія въ категорической формѣ нѣсколько уже измѣненъ; а это показываетъ, что категорическую форму сужденія нельзя признать тождественной по смыслу съ условной, или если можно, то съ натяжкой. Точно также и взятый выше примѣръ со случайною связью между дѣйствіями не можетъ быть обращенъ въ строго категорическое сужденіе. Есть затѣмъ категорическія сужденія, изъ которыхъ никакъ уже условнаго сужденія не получишь, не измѣняя его смысла: «злодѣяніе должно быть наказываемо»; «этотъ человекъ добръ». Да наконецъ возьмемъ примѣръ г. Сланскаго: «все живое смертно». По его мнѣнію, оно въ сущности значитъ: «если въ чемъ-либо есть признакъ жизни, ему долженъ сосуществовать признакъ разрушенія, смерти». Нетрудно замѣтить, что отношеніе между этими сужденіями (категорическимъ и условнымъ) заключается въ выводѣ второго изъ перваго, какъ слѣдствія изъ основанія; все живое смертно; слѣдовательно, если въ чемъ есть признакъ жизни, ему долженъ быть свойственъ и признакъ разрушенія, смерти. Въ первомъ выраженъ законъ, во второмъ дается въ общей формѣ его примѣненіе, а слѣдовательно, то и другое сужденіе имѣютъ не одинаковый смыслъ; даже больше того, — если бы мы были лишены способности къ образованію категорическихъ сужденій, то и многихъ условныхъ сужденій построить мы не имѣли бы основанія.

б) Говоря, будто «самое» утвержденіе или отрицаніе за всѣми такими предметами какого-либо признака или признаковъ понималось . . . въ категорическомъ смыслѣ» (стр.

346—7 П. Сб. окт.), авторъ допускаетъ крупную неточность выражений: въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о силлогизмѣ, говорится не о какихъ-либо признакахъ, а объ неизмѣнныяхъ, родовыхъ.

Наконецъ 6). По предложеннымъ въ нашемъ этюдѣ выдержкамъ изъ статьи г. Сланскаго, можно было видѣть, что языкъ, стиль его отличается большими недостатками, и дѣйствительно, не въ обиду будь ему сказано, конструкціи его предложеній бывають иногда просто безобразны. Вотъ примѣръ: «Непосредственный способъ» (пріобрѣтенія знаній) «опредѣляется какъ такой, когда нами пріобрѣтаются знанія (иначе въ насъ возникаютъ мысли) путемъ непосредственнаго нашего наблюденія того самаго, что служитъ предметомъ или содержаніемъ знаній; посредственный же способъ опредѣляется — какъ состоящій въ томъ, когда нами пріобрѣтаются знанія независимо отъ непосредственнаго нашего наблюденія прямыхъ ихъ объектовъ или предметовъ, а путемъ какихъ-либо соображеній, т. е. въ тѣсномъ смыслѣ мыслительной дѣятельности, когда, говоря обыденнымъ языкомъ, мы доходимъ до чего нибудь по части знаній или понятій нашимъ умомъ» (какъ будто въ непосредственномъ заключеніи умъ ни при чемъ). Но, Боже мой! Неужели г. Сланскій такъ объясняетъ теорію умозаключеній ученикамъ? Не говоря уже о конструкціи, самое опредѣленіе непосредственнаго умозаключенія*) страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, который называется въ логикѣ «кругомъ» въ опредѣленіи понятій (См. уч. логики Струве стр. 63 прим. 3. Варшава 1881 г.): «непосредственный способъ есть путь непосредственнаго нашего наблюденія». Или же: «Какъ состоящій въ томъ, когда . . . , т. е. въ тѣсномъ смыслѣ, когда говоря . . . по части знаній . . .»

Забавно еще то, что г. Сланскій, такъ свысока отнесшись къ схоластикѣ, кончилъ тою же ошибкой, которую сдѣлала средневѣковая наука, думая посредствомъ дедукціи приходитъ къ открытію новыхъ знаній (правда, инымъ путемъ, чѣмъ

*) См. вѣдое сужденіе до точки съ запятой.

думаетъ достигать этого г. Сланскій). Знающимъ исторію логики, конечно, извѣстна попытка Луллія и его школы от- грывать посредствомъ механическаго сочетанія понятій новаго истины. Послѣ всего сказаннаго ясно, что всѣ дальнѣйшія сообра- женія г. Сланскаго о примѣненіи его «способа» объясненія дедукціи ученикамъ не поведутъ къ чему иному, какъ къ не- вообразимой путаницѣ элементарныхъ логическихъ свѣдѣній въ ихъ умахъ. Лучше уже учить логику по любому одобренному руководству логики, а не вводить ихъ въ область сомнитель- ныхъ «не абсурдныхъ» открытій и способовъ объясненія раз- ныхъ логическихъ вопросовъ.

Varia.

Годичный актъ въ Ревельской гимназiи Импера- тора Николая I.

Шестое іюня — день основанія гимназiи Имп. Николая I, открытой въ 1631 году. Въ текущемъ году гимназiя праздновала 262 года своего непрерывнаго существованія. На этотъ день была назначена раздача свидѣтельствъ ученикамъ и аттестатовъ зрѣлости окончившимъ курсъ.

Въ половинѣ перваго, собравшіеся воспитанники раздѣлились на молитву: православные, вмѣстѣ съ православными преподавателями, отправились въ Соборъ, имѣющій, какъ извѣстно, одну стѣну съ гимназiей, лютеране въ актовую залу.

Въ Соборѣ, по совершеніи благодарственнаго молебствія, съ участіемъ, въ качествѣ пѣвчихъ, гимназистовъ, законоучитель прот. Н. Лекаревъ напущество- валь окончившихъ глубоко трогательнымъ пастырскимъ назиданіемъ, указавъ въ особенности на то отрадное проявленіе религіознаго ихъ чувства, что они, оставляя Николаевскую гимназiю, пожертвовали для нея образъ св. Николая Чудотворца.

Въ это же время, въ актовомъ залѣ, происходила общая благодарная молитва воспитанниковъ-лютеранъ съ своими наставниками, закончившаяся соответственной молитвой законоучителя г. Купфера и хораломъ.

Въ часъ, всѣ воспитанники были вмѣстѣ. Гимназическій духовой оркестръ привѣтствовалъ собраніе торжественнымъ маршемъ, и затѣмъ директоръ Янчевецкій началъ чтеніе списка учениковъ.

Книги, похвальные листы и аттестаты воспитанники получали изъ рукъ членовъ педаг. совѣта. При этомъ вручены были двѣ кнѣти, присланныя отъ Министерства, «для оказавшихъ наилучшіе успѣхи по исторіи», и присужденныя абитуриентамъ С. и Я.

Давъ приличествовавшее наставленіе о провозжденіи предстоящихъ каникулъ и разъяснивъ, въ чемъ долженъ состоять «отдыхъ» ученика, г. директоръ сказалъ рѣчь къ абитуриентамъ: онъ говорилъ приблизительно слѣдующее:

— «Обращаясь къ вамъ, друзья мои, ничего не могу сказать вамъ новаго противъ того, что мы внушали вамъ каждый день и каждый часъ, прямо-ли — путемъ живого слова, или косвенно — путемъ систематическаго преподаванія и требованія дисциплины.

«Мы говорили вамъ: уважать себя, любить ближнихъ, усматривать вездѣ присутствіе Божіе и съ честью носить Русское имя.

«Теперь вы подобны лѣсу стоящему, деревья котораго идутъ и на мирныя жилища гражданъ, и на зданія судовъ, и на лѣчебницы больнымъ, и на училища благочестія, и на храмы Божіи.

«Подобны вы также и тѣмъ древнимъ аргеемъ-данаямъ, которые, приготовившись дома надежаче, отправлялись подъ Трою, чтобы себѣ славу стяжать, а ближнимъ домашнимъ сокровищъ добыть, и благополучіе доставить себѣ и имъ. Мы же, наставники ваши, подобны тѣмъ старымъ данаямъ, которые, посылая юношей подъ Трою, сказали имъ: «всегда отличатся, не быть хуже другихъ и не стыдиться рода отцовъ».

«Долгимъ временемъ вы дали намъ основаніе вѣрить, что о васъ будетъ доброе имя въ людяхъ, что слухи о васъ для насъ будутъ радостны».

Тогда выступилъ абитуриентъ Я. и отъ лица товарищей сказалъ:

«Г. директоръ и глубокоуважаемые наставники.

— Въ послѣдній разъ подъ этой сѣнью
Собралась дружная семья.

Должно проститься намъ, и мы — въ
волненьи,

Сбираясь въ дальніе края.

Въ тиши священнаго пріюта

Спокойно юность протекла:

За всѣ труды, за всѣ старанья

Нѣтъ силъ васъ отблагодарить;

И можемъ только мы хранить

Священное воспоминанье...

Но что сулитъ грядущая минута?

На что судьба насъ обрекла?

Еще на сердцѣ много словъ,

Что, покидая мирной кровъ,

Въ послѣднемъ дружескомъ свиданьи,

Желали бъ высказать мы вамъ.

Вы сохранили юность намъ...

Этотъ простой, но задушевный экспромтъ произвелъ большое впечатлѣніе на присутствующихъ.

На это г. директоръ сказалъ:

«Даръ получивши безсмертный горѣнія истины свѣтомъ,
Съ теплою любовью и ближнимъ и дальнимъ сердца согрѣвайте.

Юности чаша наполнена сладостью, горечь забвенна:

Мудрый отъ чаши той юности къ вечеру жизни приносить».

Затѣмъ выступилъ абитуриентъ Л., и отъ имени товарищей благодарить г. директора, очень проучившавшаго рѣчью на греческомъ языкѣ, за воспитаніе подъ его руководствомъ. Г. директоръ отвѣчалъ тоже на греческомъ языкѣ.

Затѣмъ абитуриентъ Р. благодарилъ наставниковъ, и въ частности г-на директора, за преподаваніе греческихъ поэтовъ, довольно длиною и красивою рѣчью на латинскомъ языкѣ. Г. директоръ отвѣчалъ ему латинскими стихами изъ оды Горация.

Въ заключеніе всеми присутствующими исполненъ былъ подъ звуки гимназическаго оркестра народный гимнъ, повторенный три раза.

Въ тотъ же день, вечеромъ, окончившіе, вмѣсто того чтобы, по принятому обычаю устроить загородную пирушку и показать, насколько они «созрѣли» для ресторана, прощались съ гимназіей, устроивъ въ ней, въ присутствіи наставниковъ, родителей и близкихъ знакомыхъ, танцевальный вечеръ. Явленіе чрезвычайно отрадное и весьма знаменательное! Безъ пива, безъ водки, безъ пунша, безъ накуренныхъ комнатъ... Новая молодежь идетъ по новымъ путямъ, по путямъ чистымъ и благороднымъ, и на глазахъ тѣхъ, кому она болѣе всего дорога, увлекаясь возвышеннымъ и наслаждаясь молодостью.

«Влаженъ, кто смолоду былъ молодъ...»

Прекрасно удавшійся вечеръ, съ десятками паръ танцующихъ въ изящно убранномъ еленью и флагами залѣ, гдѣ, между прочимъ, на стѣнѣ висѣлъ громадный щитъ съ буквою Н по срединѣ, — вся бува изъ гимназическихъ серебряныхъ гербовъ, беззаботное веселье молодежи, отличная распорядительность не только въ танцахъ, но и въ угощеніи чаемъ, фруктами, мо оженымъ, характеризовали «вечеръ окончившихъ», которые, кстати сказать, явились на вечеръ вовсе не свергнувши свою гимназическую, будто бы ненавистную форму, а въ тѣхъ же самыхъ мундирахъ, въ которыхъ были и утромъ.

Не съ страхомъ, а съ радостью и полнымъ довѣремъ можно глядѣть на будущность такой молодежи.

(Рев. Изв.).

«Этнографическіе матеріалы».

И. Любомірскій, Ташкентъ.

Въ Ташкентѣ вышла изъ печати и поступила въ продажу книжка: «Этнографическіе матеріалы. Сарты. Выпускъ второй. Народныя сказки сартовъ» Н. П. Остроумова (Директора Ташкентской мужской гимназіи). Въ книжкѣ, кромѣ предисловія (I—XVI стр.), напечатаны 26 сказокъ сартовъ (стр. 3—160), именно: 1) Баба-Яга и царевичъ съ золотыми волосами, 2) Кокандскій вариантъ той же сказки, 3) Баба-Яга и братъ ея царевичъ, 4) Царевичъ-богатырь и мечъ-кладенець, 5) Бѣдный мальчикъ, сдѣлавшійся царемъ, 6) Бѣдный юноша и скатерть самобранка, 7) Царевичъ Шахзада-Бахрамъ, 8) Три брата царевичи, 9) Царевна-Гейсу, 10) Умный царевичъ, 11) Три царевича: два умныхъ и одинъ дуракъ, 12) Богачъ Атаметой, женившійся на царевнѣ, 13) Слепой царь и цѣлебная земля, 14) Царевичъ Шаадотъ, 15) Три царевича. Волшебныя дѣйствія младшаго царевича, 16) Злая мачиха и коварныя жены царя, 17) Царевичъ Хасанъ-Паша, достающій при помощи волка, трехъ волшебныхъ птицъ, красавицу-царевну и желтаго коня, 18) Богатырь Хотамъ ищетъ волшебное кольцо для своей невѣсты-царевны, 19) Царевна и попугай, 20) Бирюза пророка Сулеймана, 21) Ханъ и воръ, 22) Три слѣнца, 23) Гордый царь и его раскаяніе, 24) Царскій сынъ, купившій три дорогихъ слова, 25) Баба-Яга и дѣвочка, 26) Хырсь-Палванъ. Въ концѣ книжки одинъ печатный листъ (стр. 161—175) занятъ дополнительными примѣчаніями о проис-

хожденіи демоновъ, о дивахъ, о птицѣ Симургъ, о драконѣ и водяной лошади. Къ книжкѣ приложены четыре рисунка: Дивъ Акванъ, птица Симургъ, драконъ и водяная лошадь, заимствованные изъ мѣстныхъ мусульманскихъ сочиненій.

О сартовскихъ сказкахъ издатель въ предисловіи, между прочимъ, говоритъ:

«Напечатанные въ настоящемъ выпускѣ сказки сартовъ напоминаютъ русскому читателю не только дѣйствующихъ лицъ русскихъ сказокъ, но и подробности обстановки и положенія этихъ лицъ. Какъ въ русскихъ сказкахъ, такъ и въ сказкахъ сартовъ встрѣчаются: цари, царевичи и царевны, купцы-богачи, бѣдняки-нищіе, сироты съ злой мачихой, разбойники, колдуны и ихъ противники — богатыри, а затѣмъ, — разныя демоническія существа: баба-яга, дивы, пяри, драконы, волшебные кони, птицы и звѣри и волшебные предметы: дубинка, гребенка, скатерть, котель и богатырскій смертоносный мечъ. Сходство касается не только частныхъ, отдѣльныхъ чертъ; въ сказкахъ сартовъ есть цѣлые эпизоды, невольно бросающіеся въ глаза по своему сходству съ такими же подробностями сказокъ русскихъ.

Въ сказкахъ сартовъ упоминаются: лошади, бараны, верблюды, кошки, собаки, ослы, цапли, съ которыми встрѣчаются герои сказки и вмѣстѣ дѣйствуютъ. Состраданіе и услуги животнымъ, вознаграждаемая услугами ихъ герою сказки, указываютъ на нравственный элементъ, который въ сказкахъ сартовъ, выражается очень неопредѣленно: герои сказки — своего рода рыцари, ведущіе безкорыстную борьбу со зломъ въ разныхъ его видахъ и торжествующіе затѣмъ побѣду свою въ тихой, мирной жизни. Затѣмъ, въ сказкахъ сартовъ описываются нравственныя черты собственно семейнаго быта: супружеская любовь, любовь и почтительность дѣтей къ родителямъ, младшихъ братьевъ къ старшимъ и под. Въ бытовомъ отношеніи характерны указанія сказокъ на обычаи сватовства, на свадебные пиры, на охоту и проч. Земледѣльческія занятія народа въ сказкахъ сартовъ упоминаются, а богатство сказочныхъ героевъ описываются уже по позднѣйшимъ пред-

ставленіямъ (при чемъ имѣеть особенное значеніе число 40). Въ сказкахъ упоминаются дворцы, дорогія ткани для одежды, драгоценные камни, а также золотыя и серебряныя деньги. Мѣстный элементъ сказокъ сказался въ описаніи мѣстныхъ плодовъ, мѣстныхъ кушаньевъ, животныхъ и проч.

Для сравнительнаго изученія русскихъ сказокъ настоящей выпускъ даетъ новый матеріалъ и можетъ содѣйствовать разъясненію возбужденнаго въ русской литературѣ вопроса о томъ, въ какой степени и какимъ образомъ на русскомъ народномъ творчествѣ отразилось вліяніе восточныхъ (собственно иранскихъ) мотивовъ». Говоря это, авторъ предисловія имѣеть въ виду, кромѣ давно извѣстныхъ статей Вл. В. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ (Вѣст. Европы 1868 г.), новѣйшую монографію московскаго профессора Вс. Θ. Миллера «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса» (Москва, 1892 г.) и статью А. Н. Пыпина: «Иранскіе источники русской быliny» (Вѣст. Европы 1892 г. іюнь).

Не дѣлая дальнѣйшихъ выписокъ ихъ предисловія къ изданнымъ сказкамъ и не считая себя компетентнымъ для критическаго разбора этой книжки, позволимъ себѣ сказать одно, что сказки сартовъ, имѣя интересъ сами по себѣ, должны обратить на себя вниманіе людей, занимающихся изученіемъ русскаго народнаго эпоса. Желаніе довести до свѣдѣнія гг. преподавателей русской литературы въ гимназіяхъ о выходѣ въ свѣтъ названной выше книги и служило побужденіемъ написать настоящую краткую замѣтку.

Книжка «Сказки сартовъ» Н. П. Остроумова продается въ магазинахъ В. А. Жижиной и Д. Н. Захо въ Ташкентѣ и въ книжномъ магазинѣ И. И. Глазунова въ С.-Петербургѣ. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Подражанія древнимъ.

Chori tragici instar.

Фебъ лучезарный на коняхъ усталыхъ
Къ туманнымъ воротамъ
Мглою покрытаго Вечера
Быстро уже приближался,
Тамъ чтобы власть уступить
Свою нѣжной Селенѣ,
И уже рѣзко трубила свирѣль сборъ,
Овцы, коровы и козы бѣжали
Съ пастбища рѣзво домой,
Пастуху повинуюсь.
Тамъ же вдали, на опушкѣ лѣсной
Также, но плавно и ловко
И смертныхъ искусство
Искусствомъ своимъ побѣждая,
Игралъ на свирѣли
Своей Панъ. Томимая грустными
Нѣжными звуками Эхо
За чащей далеко,
Нехотя какъ бы, порой свои отклики
Въ воздухъ бросала,
А на лужайкѣ по близости
Въ пляскѣ веселой
Съ нимфами нѣжными
Лихо кружились Сатиры.

К. Котельниковъ, Владивостокъ.

Среднія учебныя заведенія въ Каринтіи и ихъ разнародующее вліяніе на словѣнскій Горотанъ.

О. Штифтаръ, Калуга.

Посвящается памяти Андрея Эйнспилера.¹⁾

Всякое дѣйствіе, значить, и обученіе, которое идетъ противъ природы, только задерживаетъ ея благотворное вліяніе... Развить или образовать человѣка безъ собственнаго его въ томъ участія, безъ его дѣятельности и усилія, невозможно.

П. В. Естафьевъ.

Есть ли что нибудь на свѣтѣ гнуснѣе приведенія въ систему несправедливости и насилія?

I. I. Rousseau.

Свобода, спокойствіе, счастье никогда не могутъ водвориться въ народѣ, который кишитъ гонителями.

Boiste.

По послѣдней всенародной переписи, произведенной въ Австріи запрошлаго 1891 г., въ Каринтіи²⁾ насчитывается пока еще 102,252 Словѣнца, что составляетъ 29.72⁰/₀ всего народонаселенія страны. Перепись производилась исключительно разными государственными учрежденіями, преслѣдующими вездѣ австро-нѣмецкій интересъ, а въ народной переписи австро-нѣмецкая точка зрѣнія подавно не была забыта. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если между официальнымъ счетомъ и предположеніемъ мѣстныхъ словѣнскихъ патріотовъ оказывается разница приблизительно въ 50,000 душъ. Впрочемъ, дѣло не въ точности цифровыхъ данныхъ, а въ томъ прискорбномъ историческомъ процессѣ, отъ котораго получаютъ

эти цифровыя данныя. 102,252 ли Словѣнца въ данное время въ Каринтіи, какъ это показываетъ офиціальная дата, или же ихъ 150,000 душъ, какъ это настойчиво утверждаютъ безпристрастные люди національнаго лагеря, отъ этого рѣшительно никому не холодно, ни тепло не будетъ; но что нѣкогда столь славный Горотанъ съ чисто словѣнскимъ народонаселеніемъ въ данную пору до одной трети положительно поглощенъ нѣмецкой волной, это въ настоящее время историческій фактъ, надъ которымъ нельзя не призадуматься даже наблюдающимъ только со стороны, изъ-далека за совершающимися событіями. Пресловутый «Drang nach Osten», а точнѣе и «nach Süden», значить, дѣлаетъ безпрестанно и успѣшно свое разрушительное дѣло, и если тысячелѣтнее, только исподволь усиливавшееся соприкосновеніе Словѣнцевъ съ Нѣмцами въ концѣ концовъ выразилось исчезновеніемъ двухъ третей первоначально чисто словѣнскаго народонаселенія страны, то при тѣхъ могущественныхъ двигателяхъ, которыми располагаетъ германизація въ наше время, для полной ассимиляціи жалкихъ словѣнскихъ остатковъ понадобится всего на все только нѣсколько десятковъ лѣтъ. Что эта отчаянная борьба за существованіе двухъ совершенно противоположныхъ по своему характеру народностей — германской и славянской — по роковой необходимости должна на послѣдокъ окончиться безошаднымъ, потому что безслѣднымъ истребленіемъ Словѣнцевъ, лучшимъ доказательствомъ тому служить та постановка учебнаго дѣла вообще, а среднихъ учебныхъ заведеній въ особенности, которая практикуется въ Каринтіи съ самаго начала исторической³⁾ встрѣчи германскаго со славянскимъ элементомъ въ странѣ по настоящій день.

Въ Каринтіи существуетъ въ данное время пять среднихъ учебныхъ заведеній съ общими для всей имперіи программами и одно специальное съ программой, соотвѣтствующей мѣстнымъ потребностямъ по части металлургической промышленности.

Самымъ древнимъ и лучшимъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ считается полная классическая гимназія въ г. Цѣловцѣ, средоточіи и главномъ городѣ провинціи.⁴⁾ Гим-

назія эта основана 1563 г., перешла 1604 г. въ завѣдываніе Іезуитовъ, была нѣкоторое время шести — и семиклассной, но 1773 г. она была пополнена въ восьмиклассную. Въ томъ же самомъ году уставъ ея измѣненъ былъ въ томъ смыслѣ, что преподавателями въ ней могли состоять не одни Іезуиты, но также и свѣтскія лица съ должной ученой степенью, каковой порядокъ продолжался до 1807 г. Съ этого времени по 1871 г. Цѣловецкая классическая гимназія находилась въ управленіи Бенедиктинцевъ, ордена пришлого, скупившаго въ Каринтіи громадныя имѣнія и свившаго себѣ особенно прочное и теплое гнѣздышко въ г. св. Павлѣ. Съ 1871 г. она стала государственнымъ учрежденіемъ и содержится исключительно на средства казны. Число учащихся заходитъ обыкновенно за 400 человѣкъ. Такъ, наприм., въ отчетѣ за минувшій учебный годъ оно показано въ 440 человѣкъ. По народности значится Словѣнцевъ только 66, прочіе принадлежатъ разнымъ народностямъ, въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, разумѣется, нѣмецкой. Учащихъ было 26 человѣкъ, родомъ почти исключительно изъ нѣмецкихъ, или же онѣмеченныхъ провинцій имперіи. Своего рода счастливое исключеніе составляютъ развѣ только два-три преподавателя, въ томъ числѣ Иванъ Шейникъ и Дг Скеть, пишущему эти строки лично знакомые и заявившіе себя въ своихъ работахъ разнаго содержанія не только знатоками словѣнскаго, но также и прочихъ славянскихъ нарѣчій, не исключая русскаго.

За цѣловецкой восьмиклассной классической гимназіей слѣдуетъ по старшинству прогимназія Бенедиктинцевъ въ г. св. Павлѣ. Она была основана 1777 г. въ царствованіе боготворимой Австрійцами императрицы Маріи Терезіи. 1782 г., въ бурный періодъ царствованія императора Іосифа II, она была закрыта, но уже 1809 г. опять возобновлена, и притомъ не въ видѣ четырех-, а шестиклассной прогимназіи, въ какомъ положеніи она просуществовала до 1827 г. Упомянутаго же года правительство опять уничтожило 2 старшихъ класса, а у четырехклассной прогимназіи отняло право и характеръ открытаго государственнаго учебнаго заведенія. Лишь 1874 г.

австрійское министерство народнаго просвѣщенія опять нашло возможнымъ возвратить прогимназиі въ св. Павлѣ прежнія права и придать ей снова характеръ открытаго государственнаго учебнаго заведенія. Число учащихся достигло въ прошлый учебный годъ цифры 151, въ томъ числѣ только 18 словѣнцевъ. Учащихъ было 9, родомъ всѣ нѣмцы, или же онѣмеченные Славяне, кромѣ учителя рисованія и словѣнскаго языка, Фр. Пирца изъ Крайны, принадлежащаго роду, довольно извѣстному въ словѣнской церковной литературѣ.

Къ учебнымъ заведеніямъ гуманистическаго типа принадлежитъ въ послѣднее время также и восьмиклассная гимназія въ г. Бѣлякѣ.⁵⁾ Она была основана центральнымъ правительствомъ 1869 г., но не классической, а реальной гимназіей. Отчаянная агитація противъ введенія въ Россіи германской классической системы образованія, поднятая въ концѣ 60-тыхъ и въ началѣ 70-тыхъ годовъ на столбцахъ русской quasi либеральной печати, отразилась довольно замѣтно и на умахъ австрійскихъ ненавистниковъ строгаго, т. е. чистаго классицизма. Какъ австрійскіе нѣмцы вообще, такъ австрійскіе «нѣмшкютари», т. е. отпадники отъ разныхъ славянскихъ народностей въ особенности, обыкновенно-то Россіи боятся, какъ только можно бояться чего-либо на свѣтѣ. Какова эта боязнь, сознательна ли она, или безсознательна, до этого намъ въ данномъ случаѣ нѣтъ дѣла; но она непременно всегда сопровождается какой-то ненавистью, доходящей нѣкоторымъ образомъ до крайней степени умопомѣшательства. И вотъ эта вѣчная тревога предъ Россіей, эта безумная ненависть всего, что могло бы, хотя бы только слегка, напомнить о Россіи, въ указанную выше эпоху времени почти окончательно исчезли въ предѣлахъ многоязычной Австріи. Между русской quasi либеральной прессой и весьма внушительнымъ меньшинствомъ заправиль австрійскимъ общественнымъ мнѣніемъ нежданно-негаданно по вопросу: быть, или не быть впередъ «проклятому» классицизму — водворилось полнѣйшее *entente cordiale*, на лицѣ здравомыслящей части австрійскаго общества кромѣ ядовито-саркастическихъ улыбокъ ничего не возбуждавшее.

Et meminisse juvat — а поэтому прошу извинить меня за маленькое отступленіе. Я никогда не забуду, мнѣ глубоко врѣзалась въ память та кислая гримаса, которая образовалась на лицѣ моего наставника, учителя греч. языка Цѣльской гимназіи, во время чтенія имъ ученикамъ 8-го класса съ преподавательской кафедры полученной только что редакціей мѣстнаго листка телеграммы о томъ, что русскій царь де по вопросу классицизма не утвердилъ мнѣнія большинства правительствующаго сената, относившагося къ введенію въ Россіи гуманизма отрицательно, а послѣдовалъ мнѣнію меньшинства, относившагося къ измѣненію системы преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сочувственно. Приведеннаго эпизода будетъ вполне достаточно для того доказательства, что русское эхо доходило не только до легкомысленной толпы, въ вопросахъ педагогики мало, или вѣрнѣе, ничего не смыслящей, но оно выводило изъ обычнаго квіетизма даже такихъ «знаковокъ-классиковъ», къ какимъ «съ гордостью» причислялъ себя мой теперь уже покойный учитель греч. языка, родомъ изъ ренегатовъ-Чеховъ, ораторствуя поздней ночью по мѣстнымъ пивнямъ въ «торжественныхъ собраніяхъ» цѣльскихъ нѣмшутарей о «здравыхъ основахъ педагогики», о «рутинѣ гимназическаго преподаванія», о «приливѣ новыхъ идей», о «полетѣ нѣмецкой мысли» etc. въ этомъ родѣ *in infinitum!*⁶⁾

• Я не берусь утверждать, что австрійское правительство поддалось будто бы давленію именно этого рода «новаго теченія общественной мысли»; оно могло и по какимъ нибудь инымъ соображеніямъ временно отступить отъ своего, такъ сказать, вѣкового взгляда на школьную систему. Но я отмѣчаю только тотъ несомнѣнный фактъ, что, по какому-то странному совпадению, именно къ упомянутому выше времени относится возникновеніе изряднаго количества реальныхъ гимназій въ Австріи, открытіе которыхъ въ то время на моей родинѣ, по крайней мѣрѣ, всѣ считали за своего рода уступку буйнымъ требованіямъ поборниковъ такъ называемаго «реального направленія» въ дѣлѣ обученія и воспитанія дѣтей. Даже въ предѣлахъ Словѣнцевъ, уже ни въ какомъ случаѣ не принад-

лежащихъ къ фаворитамъ австрійскаго правительства, именно въ это время вновь основаны были двѣ реальныя гимназіи, одна въ г. Птуѣ, другая въ г. Бѣлякѣ, а третья возникла въ г. Крайнѣ, вслѣдствіе преобразованія тамошней классической гимназіи въ четырехклассную реальную гимназію. Но не посчастливилось реальнымъ гимназіямъ въ тѣхъ австрійскихъ провинціяхъ, въ которыхъ Словѣнцы составляютъ большинство народоселенія, не посчастливилось также реальной гимназіи въ г. Бѣлякѣ, хотя характеръ страны и занятій ея населенія какъ будто требуютъ скорѣе такого, чѣмъ классическаго учебнаго заведенія. Она просуществовала только какихъ нибудь пять лѣтъ, да и то при самомъ незначительномъ контингентѣ учащихся. Съ 1874—75 учебнаго года началась ея метаморфоза, закончившаяся по истеченіи восьми лѣтъ преобразованіемъ ея въ восьмиклассную гимназію. Въ настоящее время число учениковъ Бѣлякской гимназіи доходитъ приблизительно до 200 человекъ; воспитанниковъ словѣнской народности по новѣйшимъ даннымъ 21; учительскій составъ состоитъ изъ 16 лицъ, нагнанныхъ сюда изъ всевозможныхъ провинцій Цислейтаніи, исключая, конечно, словѣнскихъ. Какихъ нибудь сто лѣтъ тому назадъ г. Бѣлякъ представлялъ еще одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ и укромныхъ уголковъ юго-западнаго Горотана со сплошнымъ словѣнскимъ населеніемъ. Теперь по буднямъ на улицахъ г. Бѣляка уже что-то неслыхать мелодичныхъ звуковъ словѣнскаго языка, а воскресные дни, когда городъ наполняется окрестнымъ словѣнскимъ людомъ, долго ли еще будутъ составлять счастливое исключеніе? Разумѣется, нѣтъ. Начала же бѣлякская городская прислуга за послѣдніе десятки лѣтъ говорить ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ, а подобное явленіе вездѣ смѣло можно считать вѣрнымъ признакомъ того, что данная мѣстность безвозвратно подпала переполненію безпощадной германской волны, разлившейся въ Каринтіи уже чуть не до береговъ могучей Дравы. Про мѣстную интеллигенцію въ этомъ отношеніи и говорить нечего. Она сознаніе своего словѣнскаго происхожденія отчасти уже значительно утратила, отчасти же

стыдится его и съ презрѣніемъ относится ко всему, что указываетъ на явную связь съ еще не столь давнимъ прошлымъ ихъ словѣнскихъ родителей, дѣдовъ и прадѣдовъ. Если лучшая въ г. Бѣлякѣ корпорація — гимназическая, состоящая изъ 16 членовъ, насчитываетъ въ крайнемъ случаѣ какихъ нибудь два-три члена, знающихъ свой материнскій языкъ и не стыдящихся своихъ словѣнскихъ отцевъ, то что же сказать про остальные правительственныя учрежденія чисто чиновничьяго характера?! И въ судѣ, и въ прочихъ учрежденіяхъ знаніе „der zweiten Landessprache“ не обязательно, мало того: чиновники, не знающіе или не желающіе знать словѣнскій языкъ, пользуются какъ будто предпочтеніемъ предъ тѣми изъ своихъ товарищей, которые еще не забыли словъ восторженнаго Косекаго: „Biti slovenske krvi bodi Slovencu ponos (гордость)!“⁴¹⁾ Въ 50-тыхъ годахъ, въ началѣ пробужденія національнаго самосознанія австрійскихъ народностей, прозвание „die südwestliche deutsche Insel“, данное г. Бѣляку горотанскими нѣмшкунтарями, словѣнскіе патріоты находили и дерзкимъ и несправедливымъ, такъ какъ оно дѣйствительному положенію вещей будто еще не вполне соответствовало. Съ тѣхъ поръ минуло еще только полвѣка, а картина печальной дѣйствительности представляется намъ въ видѣ полнѣйшей неузнаваемости. Железныя дороги съ исключительно нѣмецкимъ управленіемъ, тѣсно связывающія южную словѣнскую съ окончательно нѣмеченой сѣверной частью Каринтіи; массовой наплывъ иностраннаго рабочаго люда въ словѣнскую половину Горотана; безсмѣтное множество разныхъ обществъ политическаго и религіознаго характера, основанныхъ въ послѣднее время горотанскими нѣмшкунтарями отчасти на свои собственныя, а еще въ гораздо большей мѣрѣ на денежныя средства, идущія имъ на помощь прямо изъ „Reich-a“, т. е. изъ Германіи — общества, преслѣдующихъ подъ самыми разнообразными фирмами исключительно германизаторскія цѣли; густая сѣть народныхъ школъ, разбросанныхъ по всей странѣ въ видѣ частыхъ разсадниковъ нѣмецкаго духа и мышленія, среди которыхъ среднія учебныя заведенія съ исключительно нѣмецкой организаціей

занимають какое-то привилегированное положеніе; наконецъ разныя характерныя свойства словѣнскаго племени, не противодействующія въ должной мѣрѣ всеильному напору германской культуры, а, напротивъ, какъ бы облегчающія ей доступъ въ отдаленнѣйшіе словѣнскіе уголки: благодаря такимъ-то могучимъ культурнымъ двигателямъ, намъ въ настоящую пору не только уже не приходится усматривать въ приведенномъ выше прозвищѣ г. Бѣляка какую-нибудь высококомѣрную нѣмецкую гиперболу, нѣтъ, напротивъ, хладнокровные наблюдатели совершающихся событій находятъ названіе „Insel“ къ г. Бѣляку въ настоящее время уже непримѣнимымъ, такъ какъ съ сѣверо-западной стороны его окрестности уже почти плотно сомкнулись съ предѣлами Каринтіи, давнымъ давно вполне онемеченными. Та же участь по тѣмъ же причинамъ и въ той же степени постигнетъ въ не далекомъ будущемъ и столицу Горотана, нѣкогда столь славный г. Цѣловець, такъ что изъ всѣхъ маломальски значительныхъ городовъ и мѣстечекъ въ южной Каринтіи словѣнскій характеръ, да и то только въ нѣкоторой степени, остается пока еще только за Великовцемъ и Плиберкомъ. И это, быть можетъ, главнымъ образомъ, потому, что послѣдніе два города до сихъ поръ остаются безъ выдающихся умственныхъ центровъ, какіе представляютъ въ г. Бѣлякѣ, наприм., классическая гимназія, а въ г. Цѣловцѣ не только такая-же гимназія, но, какъ въ административномъ сосредоточеніи, также и изрядное количество самыхъ разнообразныхъ гуманитарно-культурныхъ заведеній съ болѣе или менѣе исключительно нѣмецкимъ оттѣнкомъ.

Къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, не классическимъ, а преслѣдующимъ общія практическія стороны образованія, принадлежитъ, въ 4-хъ, цѣловецкое реальное училище. Оно было основано австрійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 1851 г. въ видѣ самостоятельнаго четырехкласснаго реального училища. Въ самомъ началѣ его существованія приливъ учащихся былъ настолько великъ, что центральное учебное вѣдомство уже въ 1854 г. безъ всякихъ оговорокъ вняло просьбамъ мѣстнаго сейма продолжать образованіе по-

выхъ 5-го и т. д. классовъ, другими словами, расширить четырехклассное въ полное шестиклассное реальное училище, какимъ оно продолжаетъ свое существованіе и въ настоящее время. Число его воспитанниковъ дошло въ прошломъ учебномъ году до 220 человѣкъ, въ томъ числѣ только 17 учениковъ показано словѣнскаго происхожденія. Преподавателей въ немъ 15, изъ коихъ только 3 какъ будто родомъ Словѣнцы; всѣ прочіе принадлежатъ къ элементу пришлому, изъ разныхъ нѣмецкихъ или же онѣмеченныхъ провинцій Австро-Венгріи, а учитель новыхъ языковъ, французскаго и англійскаго, явился прямо изъ одной прирейнской провинціи, явленіе, въ классическихъ гимназіяхъ Каринтіи нами не замѣченное.

Къ типу среднихъ учебныхъ заведеній Каринтіи принадлежитъ, въ 5-тыхъ, учительская семинарія въ г. Цѣловцѣ. Это учебное заведеніе обращаетъ на себя вниманіе прежде всего нѣсколько своеобразнымъ устройствомъ, состоящимъ въ томъ, что въ него имѣютъ доступъ также и женщины, разумѣется, съ предварительной подготовкой въ предметахъ, составляющихъ центръ занятій въ учительскихъ семинаріяхъ. Эта предварительная подготовка женщинъ, однако, въ Австріи не такъ легко дается, какъ можно бы подумать на первый взглядъ, принимая Австрію за страну, школами всевозможныхъ типовъ довольно богатую. Дѣло въ томъ, что женское образованіе въ Австріи по настоящее время поставлено мало удовлетворительно. Есть кое-какія городскія женскія учебныя заведенія съ довольно продолжительными курсами и пространными программами общеобразовательнаго характера; но эти „Bürgerschulen für Mädchen“, во-первыхъ, и своимъ внутреннимъ устройствомъ далеко не удовлетворяютъ требованіямъ, предъявляемымъ испытательными комиссіями желающимъ поступить въ заведенія съ назначеніемъ для какой либо специальной дѣятельности, въ родѣ педагогической; а, во-вторыхъ, имѣется пока такихъ въ крайне ограниченномъ количествѣ, только въ самыхъ многолюдныхъ центрахъ, во всей Каринтіи едва ли болѣе двухъ или трехъ. Женскія гимназіи съ устройствомъ, подобнымъ тому, какое давнымъ давно при-

нято въ Россіи, австрійская женщина знаетъ пока еще только по наслышкѣ. И общество относится какъ-то равнодушно къ вопросу о женскомъ образованіи и вытекающему изъ него равноправію женщины съ мужчиной, и правительство, повидимому, еще не скоро намѣрено серьезно отвѣчать на запросы, предъявляемые въ этомъ отношеніи поборниками женской эманципаціи. Составъ преподавателей цѣловецкой учительской семинаріи дѣлится на 2 разряда, теоретическій и практическій. Первый состоитъ изъ директора заведенія, окружного инспектора для народныхъ школъ и четырехъ преподавателей-спеціалистовъ, читающихъ кандидатамъ и кандидаткамъ на званіе народныхъ и городскихъ учителей и учительницъ по разнымъ отраслямъ ихъ спеціальностей; второй составляютъ такъ называемые *Uebungslehrer*, т. е. учителя, подъ руководствомъ которыхъ кандидаты и кандидатки упражняются въ преподаваніи предметовъ, входящихъ въ программу для народныхъ и городскихъ училищъ. Это, значить, нѣчто въ родѣ подбора самыхъ лучшихъ учителей народной школы. Въ ихъ составъ входятъ 3 окружные инспекторы, изъ коихъ одинъ родомъ Словѣнецъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе члены учительскаго состава той и другой группы, числомъ 14 человекъ, по мѣстности своего происхожденія Нѣмцы, да только. Число кандидатовъ и кандидатокъ доходитъ въ послѣднее время до 150, а учениковъ, составляющихъ, такъ сказать, сырой матеріалъ для руководителей и руководимыхъ въ разработкѣ и усвоиваніи основныхъ правилъ преподаванія для народной школы, набирается обыкновенно до 100.

Къ числу среднихъ учебныхъ заведеній въ Горотанѣ относятся еще Машинно-промышленную школу въ Цѣловцѣ. Главное назначеніе этого преобогато обставленнаго правительственнаго учрежденія состоитъ въ приготовленіи спеціалистовъ-техниковъ по части металлургической промышленности, достигшей, благодаря мѣстнымъ богатствамъ природы, такихъ размѣровъ развитія и совершенства, которымъ любой горнопромышленный уголокъ въ Австріи можетъ, пожалуй, только позавидовать; а такихъ уголковъ въ предѣлахъ ав-

стрийской имперіи, благодаря ея почвеннымъ особенностямъ, не малое множество. Ни о внутреннемъ устройствѣ, ни о внѣшней дѣятельности даннаго учебнаго заведенія у насъ въ настоящую минуту подробныхъ свѣдѣній подъ руками не имѣется. Но впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ недавней поѣздки въ Каринтію, наводятъ насъ на крайне грустныя размышленія о состояніи въ Горотанѣ горнаго дѣла въ національномъ отношеніи. Всѣмъ извѣстно явленіе, вошедшее въ основаніе славянской этнологіи, что Славяне не на первыхъ стадіяхъ своего историческаго развитія чуждались всякихъ промышленныхъ занятій вообще, а горнаго дѣла въ особенности. По понятіямъ первобытныхъ Славянъ было грѣшно проникать въ нѣдра Матери-Кормилицы, т. е. земли. Люди старинныхъ понятій въ словѣнской части Каринтіи по сихъ поръ придерживаются этого взгляда. Они относятся болѣе или менѣе съ неудовольствіемъ, мало того, даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ своимъ соотчичамъ, если они отказываются отъ земледѣлія, которымъ преимущественно занимались ихъ праотцы. И такой взглядъ теперешнихъ старинныхъ людей въ Горотанѣ на горный промыслъ имѣетъ, помимо указанной общей черты славянскаго характера, еще инныя, не менѣе глубокія основанія. Мы уже выше, въ числѣ самыхъ могучихъ факторовъ современной германизациі въ Каринтіи, привели то обстоятельство, что въ новѣйшее время нахлынула въ страну тьма тьмущая иноземныхъ элементовъ въ видѣ рабочаго люда. Эта иммиграція иностранцевъ всевозможныхъ званій началась по отрасли горной промышленности съ самыхъ первыхъ ея зародышей, постепенно усиливалась, пока не достигла невѣроятныхъ размѣровъ нашихъ временъ. Если иные центры торгово-промышленной дѣятельности южнаго Горотана, по крайней мѣрѣ, въ нижнихъ своихъ слояхъ въ народномъ отношеніи сохранили еще нѣкоторые слѣды давно минувшихъ временъ, то про горную промышленность и этого нельзя утверждать, съ полною увѣренностью въ томъ, что сказанное вполнѣ будетъ соответствовать дѣйствительному положенію дѣла. По крайней мѣрѣ, стремленіе къ бахвальству и обособленію

себя отъ коренного земледѣльческаго населенія страны, замѣчаемое преимущественно въ нижнихъ сферахъ горнорабочаго люда, не составляетъ природнаго свойства Горотанскихъ Словѣнцевъ, и тотъ изъ нихъ, который поддался ему хоть на волокъ, вступилъ, хотя незамѣтно, но несомнѣнно на путь, ведущій постепенно и навѣрно къ полному отчужденію отъ своихъ словѣнскихъ предковъ. А что намъ сказать про горную администрацію? Это калейдоскопическое колесо состоитъ отъ первой до послѣдней своей спицы или изъ чистокровныхъ отпрысковъ германской культуры, или же изъ самыхъ заядлыхъ отпадниковъ мѣстнаго производства, главнымъ разсадникомъ которыхъ должно, конечно, считать цѣловецкую машинно-промышленную школу. На сколько радикально пропагандируется горнымъ вѣдомствомъ германизация южнаго Горотана, видно изъ слѣдующаго, хотя очень эффектнаго, но далеко не единичнаго примѣра: между относительно значительными селеніями, оставшимися пока, по крайней мѣрѣ, со своими ближайшими окрестностями еще внѣ теченія «Der mächtigen Deutschen Welle», привели мы выше городъ Плиберкъ. Названіе это, очевидно, произошло отъ нѣмецкаго Pleiburg. Окрестность Плиберка издавна славится богатыми оловяными рудниками. Отсутствіе словѣнскаго названія города можно объяснить двоякимъ образомъ: или городъ основанъ какимъ либо рыцаремъ приключеній, прочно устроившимся вмѣстѣ со своими Bergknappen (горными рабочими) среди чисто словѣнскаго народонаселенія, или же пришелець-нѣмецъ съ многочисленной дружиной вѣрныхъ слугъ (Leibknechtengesellschaft) просто захватилъ себѣ возникшее еще задолго до его грабительскаго вторженія словѣнское селеніе, сѣвши, такимъ образомъ, кореннымъ обитателямъ прекрасной словѣнской мѣстности, по просту сказать — на шею и окончательно уничтоживши, безслѣдно изгнавши первоначальное словѣнское названіе словѣнскаго селенія. Какъ бы то ни было, но одно безспорно: десятки подобныхъ примѣровъ пресловутой «historische Entwicklung» истолковать въ пользу просвѣтителей «инфериорныхъ расъ» едва ли удастся даже такимъ представителямъ мѣстной «unparteilicher Namen-

forschung», какимъ недавно заявилъ себя А. v. Jaksch, архиваръ мѣстнаго историческаго общества въ Цѣловцѣ⁷⁾. Этотъ припелець изъ чешскихъ ренегатовъ, безъ краски стыда на лицѣ, дерзнулъ морочить весь міръ широковѣщательными тирадами въ родѣ слѣдующей⁸⁾: «Die Veränderungen, welche die slovenischen Ortsnamen bei ihrer Aufnahme von Seite der Deutschen erfahren, ruhen im Volke. Nicht plötzlich und auf einmal wurden die slovenischen Ortsnamen von den Deutschen verändert; der ganze Process hat sich allmählig herausgebildet und historisch entwickelt⁹⁾».

Такова печальная картина современной дѣйствительности въ общихъ ея чертахъ. Ктонибудь, пожалуй, скажетъ: «Да причемъ тутъ среднія учебныя заведенія? Безъ нихъ вѣдь положеніе вещей было бы все то же. Коли вся правительственная и общественная администрація искони направлена къ систематическому истребленію кореннаго словѣнскаго населенія, то какихънибудь пять или шесть гимназій и реальныхъ училищъ, право, не могутъ имѣть рѣшающаго значенія». Вотъ это-то и неправда. Такой взглядъ на дѣло не только неправиленъ, онъ и крайне наивенъ, даже для того, кто имѣетъ хотя бы самыя поверхностныя понятія о той борьбѣ за существованіе, которая вѣками совершается между австрійскими народностями. Я далекъ отъ того мнѣнія, что средняя школа будто исключительно поглощаетъ горотанскихъ Словѣнцевъ. Я только утверждаю, что школа вообще, а средняя въ особенности, представляетъ одинъ изъ весьма важныхъ, а если угодно, одинъ даже изъ самыхъ важныхъ двигателей этой печальной, такъ сказать, вѣковой метаморфозы славянскаго племени въ германское. Это мое мнѣніе было бы вѣрно даже въ томъ случаѣ, еслибы въ Австріи школа была для славянскихъ племенъ на самомъ дѣлѣ школой, т. е. учрежденіемъ, въ которомъ дѣти обучаются грамотѣ, а юноши разнымъ отраслямъ науки. Но въ Австріи школа для Славянъ не тѣмъ, чѣмъ она бываетъ, напр., въ Италіи для Итальянцевъ, во Франціи для Французовъ и т. д. Въ Австріи школа для славянскихъ народностей съ самаго ея

начала до 50-хъ годовъ представляла мастерскую, въ которой всѣ власть имѣющіе на перерывъ старались, главнымъ образомъ, о томъ, какъ бы сырой славянскій матеріалъ поскорѣе переработать въ удобную массу для германской культуры. Съ 50-хъ годовъ положеніе школы въ Австріи у Сербовъ и Хорватовъ, у Чеховъ и Поляковъ значительно улучшилось, у Словаковъ и Угровъ замѣтно ухудшилось, а у большей части Словѣнцевъ осталось по прежнему мало отраднымъ. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что Австрія государство въ своемъ родѣ «конституціонное», т. е. произвольное, въ которомъ правящимъ партіямъ, какъ опорѣ самого правительства, все дозволено, сторонамъ же, находящимся *in oppositione*, все запрещено¹⁰⁾. Благодаря такому положенію вещей, школьная кафедра сплошь да рядомъ превращается въ политическую трибуну, съ которой произносятся самыя запальчивыя рѣчи по адресу «славянскаго варварства», въ сопоставленіи «славянской некультурности» съ «могучими твореніями нѣмецкаго генія». А чего только не продѣлываютъ австрійскіе педагоги всевозможныхъ категорій внѣ школьной атмосферы, на улицѣ, на площади, по пивнямъ, гдѣ происходятъ многочисленныя собранія «свободныхъ, равноправныхъ гражданъ съ разными политическими оттенками»! Всѣ эти собранія обыкновенно сильно смахиваютъ на шумныя сборища, гдѣ подъ покровомъ звонкихъ фразъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, всѣ и вся проповѣдуютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ кулачную расправу со всѣми, кто осмѣливается имѣть свое мнѣніе, не согласное съ мнѣніемъ правящаго большинства. На этихъ собраніяхъ обыкновенно, въ лицѣ преподавателей гимназій, фигурируютъ самыя ярые пропагандисты разныхъ правительственныхъ теченій. За примѣрами въ этомъ родѣ далеко ходить намъ не приходится. Такъ, напр., еще не далѣе, какъ 1-го ноября минувшаго года, происходило въ г. Цѣловцѣ торжество нѣмецкаго «*Parteitag'a*», на которое собралось со всѣхъ концовъ Каринтіи до 500 горотанскихъ Нѣмцевъ и ренегатовъ, съ цѣлью объявить горотанскимъ Словѣнцамъ, осмѣлившимся за

последніе десятки лѣтъ, въ сознаніи своихъ гражданскихъ правъ, проявляютъ нѣкоторые признаки самостоятельности въ своемъ собственномъ домѣ, войну на жизнь и смерть. На этомъ «Parteitag'ѣ», разумѣется, безъ *λυεῖς ἀγορεύται!* изъ педагогическаго міра не обходилось. А что за рѣчи раздавались на этомъ сонмищѣ, это наглядно показываетъ нижеслѣдующій отрывокъ изъ одного подобнаго *chief d'oeuvre*, сдѣлавшійся предметомъ обсуждения даже въ вѣнскомъ имперскомъ сеймѣ. Говоря о «борьбѣ нѣмецкой взаимности», храбрый ораторъ закончилъ свою храбрую же рѣчь слѣдующимъ восклицаніемъ: «Der Kampf ist also kein Kärnthner, — kein Alpenkampf, er erstreckt sich über ganz Oesterreich, reicht vom Norden bis nach dem Süden, und dieses allgemeine Bedrängniss nöthigt uns zur allgemeinen Gegenwehr»¹²). Вотъ вамъ и иллюстрація à la non plus ultra извѣстной басни о волкѣ и ягненкѣ! Знающій, въ чемъ дѣло, можетъ по поводу такого воззванія, конечно, только воскликнуть: *Risum teneatis, amici!* — воскликнуть не отъ избытка колкой ироніи, а преисполненный сильнѣйшаго негодованія на дерзкую ложь, подъ дырявымъ покровомъ которой эти пламенные друзья «нѣмецкой взаимности», но заклятые враги установленной пресловутымъ XIX членомъ австрійскихъ основныхъ законовъ народной равноправности, только прикрываютъ свои кровожадные инстинкты окончательнаго порабощенія бывшихъ нѣкогда полныхъ и законныхъ хозяевъ страны.

Итакъ, *sum cuique*, — а австрійскому центральному правительству, выдающему, между прочимъ, и просвѣщеніе горотанскихъ Словѣнцевъ, конечно, — *согопа аугеа*. . . За что же? Разумѣется, за его отличное умѣніе и отчѣнное рвеніе, при помощи противонароднаго и противоразумнаго устройства среднихъ учебныхъ заведеній, какъ можно скорѣе уничтожить существующіе еще пока жалкіе остатки древнихъ словѣнскихъ князей словѣнскаго Горотана. Да, какъ же не такъ, о *felix Austria*, если, не смотря на всѣ подобныя «благодѣянія», Словѣнцы въ лицѣ своихъ представителей въ имперскомъ сеймѣ, Словѣнцы прочихъ, конечно, провинцій, а не горотанскіе, не

имѣющіе въ послѣднее время ни единого своего представителя, даже *morituri te salutant*...

Примчанія.

I. Андрей Эйнспилеръ принадлежалъ къ лучшимъ культурно-политическимъ дѣтелямъ среди горотанскихъ Словѣнцевъ въ тѣ печальныя времена, когда австрійскій «конституціонный» режимъ прилагалъ всевозможныя усилія къ тому, чтобы не дать проснуться народному сознанию и разростись народному движенію австрійскихъ славянъ вообще, а Словѣнцевъ въ особенности. Состоя преподавателемъ Закона Божія въ цѣловецкомъ реальномъ училищѣ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, какъ отличный педагогъ и учитель, не только дѣтей разныхъ учебныхъ заведеній, но и всеѣми забытаго и невѣжественнаго народа своего, А. Э. на закатѣ своей бурной, но плодотворной жизни, благодаря своему свѣтлому уму, упорной энергіи и неутомимой дѣятельности въ духѣ пробужденія своихъ соотчичей отъ долготѣняго политическаго сна, достигъ того, что ему, несмотря на несправедливость избирательнаго закона и обшечную злобу своихъ противниковъ въ лицѣ всѣхъ горотанскихъ нѣмцевъ и нѣмшкитарей, все же удалось понасть въ число народныхъ представителей не только въ мѣстномъ цѣловецкомъ сеймѣ, но даже въ вѣнскомъ державномъ соборѣ, чего горотанскіе Словѣнцы сами никогда не ожидали. На вершинѣ своей славы, однако, А. Э. находился во время своего издательства и редакторства «Словѣнца», т. е. листка, выходившаго по 3 раза въ недѣлю и произведшаго своими пламенными статьями, принадлежавшими почти исключительно самому г. редактору, настоящій переворотъ въ умахъ и сердцахъ не однихъ горотанскихъ, но всѣхъ вообще Словѣнцевъ. Въ этомъ изданіи, просуществовавшемъ, впрочемъ, не долго, благодаря драконовской бдительности австрійской цензуры, въ 186— г. и моя малость съ ученической скамьи второго класса гимназіи помѣстила первую статейку описательнаго характера, но съ искорками пламенной любви къ своей сла-

вянской родинѣ, вызвавшими на глазахъ горячаго патріота-редактора, по его собственнымъ словамъ, слезы радости и умиленія. . . Другими словами: «Словѣнецъ» А. Эйнспилера и мнѣ далъ толчекъ, оставшійся не безъ послѣдствій на всю мою дальнѣйшую жизнь, по словамъ Горація: „*Quo semel est imbuta recens servabit odorem testa diu*“. Скончался А. Э. 19-го января 1888 г. На его могилѣ собрались лучшіе люди со всѣхъ концовъ Словѣніи. И какъ имъ было не собраться, ясно сознавая и свято помня о томъ, что они схоронили «отца горотанскихъ Словѣнцевъ»? Да, завидное, но заслуженное выпало на твою долю прозваніе, великій патріотъ и настырь-педагогъ! *sit tibi terra levis!*

II. Что касается самого названія страны, о средне-учебныхъ заведеніяхъ которой идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, то должно замѣтить слѣдующее. Каринтія образовано по сравнительно позднему латинскому *Carinthia*, происшедшему изъ древняго *Carnuntum*, *Carantanum* и *provincia Carantana*, каковыя названія встрѣчаются въ письменныхъ документахъ 8-го и 9-го столѣтій, у Лонгобардскаго лѣтописца *Paulus Diaconus* и императора Карла Великаго. Ихъ происхожденіе осталось до сихъ поръ темнымъ; оно безъ сомнѣнія не латинское, а скорѣе всего кельтское. Русскіе слависты называютъ страну Хоротаномъ, а ея жителей хорутанами, правописаніе, по моему мнѣнію, ни на чемъ не основанное, такъ какъ эти названія могутъ происходить только отъ гора, Горотанъ — гористая страна, Горотане — жители горныхъ странъ, горцы —, откуда даже нѣмецъ *Ankershofen* производитъ нѣмецкое названіе *Kärnthen*. Сами жители страны называютъ себя *Korosci*, а свою родину *Korosco*, или *Koroska*, съ подразумѣваемымъ *dezela* — страна, названія, происшедшія отъ древняго *Carnuntum*, но для русскаго языка не такъ удобныя, какъ Горотанъ или Каринтія. Наконецъ, *nom. gentile* словѣнецъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ писать черезъ *e*, какъ это дѣлаетъ русская періодическая печать, а черезъ *ь*, засвидѣтельствованное еще Лаврентіевскимъ спискомъ Несторовой Лѣтописи

отъ 1377 г. и въ новѣйшее время учеными, въ родѣ А. С. Будиловича, вѣрно и послѣдовательно опять вводимое и примѣняемое. Но «карта славянскихъ народностей», составленная И. С. Зарянко и изданная В. В. Комаровымъ, продолжаетъ преподносить «друзьямъ и доброжелателямъ славянства» названіе: «Нарѣчіе Хорутано-Словенское»! Названіе это 1) бессмысленное, потому что жители южнаго Горотана такіе же словѣнцы, какіе живутъ, напр., въ южной Штирії, по всей Крайнѣ и Приморьи ит. д., которыхъ до сихъ поръ, однако, еще никто не вздумалъ называть «Штиро-Словѣнцами»!! 2) Страдаетъ оно, какъ уже замѣчено, въ двухъ мѣстахъ противъ правилъ правописанія. Въдѣ подражать въ данномъ случаѣ мѣстному произношенію *z* какъ *x* не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, пришлось бы и въ прочихъ нарѣчіяхъ, не исключая и русскаго, писать хора, а не гора, потому что у нихъ придыханіе въ данномъ случаѣ слышно не яснѣе, чѣмъ у самихъ «хорутанъ». Что касается до *ь*, то его въ современномъ нарѣчіи Словѣнцевъ дѣйствительно не имѣется, но тѣмъ не менѣе сами Словѣнцы, придерживающіеся генетическаго правописанія, стараются изображать утраченное *ь* при помощи транскрипціи *ě*. А то, право, выходитъ не совсѣмъ ловко: противъ введенія фонетическаго правописанія у австрійскихъ руссовъ все истинное славянство стоитъ горою, а у себя даже простыхъ названій всѣхъ славянскихъ народностей не желаемъ писать безъ противорѣчій...

III. Историческая жизнь Каринтіи начинается со временъ владычества надъ нею римскихъ императоровъ, когда она входила въ составъ провинцій Rhoetia, Noricum и Raetia, не имѣя еще своего собственнаго опредѣленнаго названія. Такое даютъ ей лишь Словѣнцы, положившіе конецъ римскому могуществу, расположившіеся въ странѣ *jure valentioris et potentioris*, и обосновавшіе самостоятельное воеводство *Carantania*, по современнымъ и болѣе позднимъ латинскимъ лѣтописямъ. Начало этихъ событій относится къ первой половинѣ 7-го столѣтія послѣ Р. Хр. Словѣнская независимость продол-

жалась до начала 9-го вѣка послѣ Р. Хр. Упорнѣйшая борьба за свободу и обычаи своихъ предковъ противъ сосѣдняго германскаго племени баварцевъ составляетъ характеристическую черту этого славнаго времени въ исторіи горотанскихъ Словѣнцевъ. Древнее княженіе словѣнскихъ князей Горотана оставило по себѣ достаточное количество историческихъ памятниковъ, въ томъ числѣ даже каменный престолъ, сидя на которомъ выбираемые князья клялись своему народу въ непоколебимой вѣрности сѣдой старинѣ. И вотъ эти-то памятники и составляютъ главный *lapis offensiois* для «безпристрастныхъ» нѣмецкихъ и нѣмшкитарскихъ мѣстныхъ историковъ, желающихъ, во что бы то ни стало, придать странѣ «eine ursprünglich deutsche Färbung». Но напоръ Каролинговъ покончилъ и съ баварской и съ горотанской свободой: наступила для горотанскихъ Словѣнцевъ пресловутая «Christianisirungsperiode», нашедшая себѣ въ поэмѣ неподражаемаго Преширна «*Krst pri Savici*» свое безсмертное выраженіе и изображеніе.

IV. Древняя и цвѣтущая римская колонія—станція *Forum Claudii*; нѣмцы окрестили себѣ ее въ *Klagenfurt*, по протекающей мимо ея рѣчкѣ *Glan* и *die Furt* — бродъ, значить, выдающееся мѣсто переправы.

V. Нѣмецкое названіе *Villach* представляетъ собою только безсмысленное искаженіе словѣнскаго Бѣляка; но въ русской географіи не найдешь ни Бѣляка, ни Цѣловца, что, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ вещей, если даже бѣлая Любляна на страницахъ той же географіи фигурируетъ въ маскарадномъ костюмѣ нѣмецкаго *Laibach*!! Ахъ, премудренная наука эта географія австрійскихъ славянскихъ земель...

VI. Приведа этотъ эпизодъ изъ педагогической дѣятельности одного изъ своихъ бывшихъ наставниковъ, я вовсе не желалъ нарушить старинное правило: *de mortuis nihil, nisi bene*. Я хотѣлъ этимъ примѣромъ только показать, до какой степени развѣдаетъ австрійскую школу всякаго рода политиканство, до-нельзя вредно отзывающееся не только на ходъ преподаванія, но и на судьбѣ учащихся и учащихся... Лично я противъ своего покойнаго преподавателя

греч. языка — А. Н. ничего не имѣю: онъ былъ въ своемъ дѣлѣ довольно свѣдущій, а душою положительно наставникъ добрый и очень справедливый.

VII. Мы имѣемъ въ виду брошюру: „Ueber die Ortsnamen und die Ortsnamenforschung mit besonderer Rücksicht auf Kärnthén. Vortrag im Kärnthn. Geschichtsvereine von A. v. Jaksch, Archivar des Vereins. Klagenfurt. 1891.“

VIII. Смотри, главнымъ образомъ, стр. 25 выше упомянутой брошюры, въ высокой степени замѣчательной, какъ наивностью, такъ и нахальностью своихъ выводовъ, получившей должный отпоръ въ отвѣтной брошюрѣ слѣдующаго заглавія: „Zur Ortsnamenforschung in Kärnthén. Ein Wort der Richtigstellung und Abwehr. Herausgegeben und verlegt vom Kath. polit. u. landwirtschaftl. Vereine für die Slovenen Kärnthéns. Klagenfurt. 1891.“ Она, повидимому, принадлежитъ перу отличнаго полемиста, преподавателя цѣловецкой гимназіи — Ивана Шейника. Продолженіемъ и окончаніемъ этого интереснаго спора служатъ вторичныя брошюры, вышедшія тамъ же и того же года подъ заглавіемъ: 1) „Eine offene Antwort etc. Von A. v. Jaksch“, и 2) „Schlusswort zur Ortsnamenforschung in Kärnthén etc.“, принадлежащая катол. полит. земледѣльч. обществу для горотанскихъ Словѣнцевъ. Повторяю: эта полемика представляетъ большой интересъ и имѣетъ не только мѣстное, но также и общее, и къ тому же принципиальное значеніе для затрогиваемыхъ ею научныхъ вопросовъ. Вотъ почему мы позволили себѣ подробное указаніе брошюръ.

IX. «Измѣненія, какимъ подвергались мѣстныя названія, перенимаемая у Словѣнцевъ Нѣмцами, лежатъ въ народѣ. Не виѣзпно и не сразу измѣнились Нѣмцами словѣнскія названія. Весь этотъ процессъ совершался исподволь и развивался исторически». Подобнымъ взглядомъ на дѣло Нѣмцы оправдываютъ свою «культурную миссію»; но что они трудятся напрасно, это лучше всего доказалъ г. Шейникъ въ своей отвѣтной брошюрѣ: «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», а нѣмецкое насиліе, но никакъ не «мирная культурная работа ихъ

генія», насѣчено на скрижаляхъ печальной исторіи нѣкогда чисто словѣнскаго Горотана.

X. До чего доходитъ нетерпимость австрійскаго правительства въ этомъ отношеніи, лучше всего доказываетъ дѣло *rescissio* Вѣкослава Спиничча. Этотъ даровитый славянскій педагогъ и преподаватель среднихъ учебныхъ заведеній уже цѣлыхъ 15 лѣтъ прослужилъ на пользу истиннаго, т. е. народнаго просвѣщенія своего роднаго края — бѣдной Истріи. Въ послѣдніе же годы онъ имѣлъ несчастье попасть въ число народныхъ представителей своей хорватско-словѣнской родины, свобода дѣйствій которыхъ гарантирована особеннымъ обще-государственнымъ закономъ. Отстаивая всѣми законными средствами права своихъ соотечественниковъ, угнетаемыхъ за-разъ тремя враждебными элементами — италіянцами, мадьярами и нѣмцами, онъ, послѣ цѣлаго ряда всевозможныхъ гоценій, въ началѣ прошлаго года получилъ отъ австрійскаго министра народнаго просвѣщенія неожиданно-негаданно *consilium abeundi* безъ всякой пенсіи за свою долготѣльную и плодотворную дѣятельность, направленную, по словамъ министерскаго документа, къ подкочу и разрушенію современныхъ государственныхъ основъ и намѣреній правительства — и *basta...*

XI. Краткія свѣдѣнія объ этомъ выдающемся словѣнскомъ поэтѣ можно найти въ «Слав. Изв.» за 1890 г. № 22, стр. 420; въ тѣхъ же «Слав. Изв.», за тотъ же 1890 г., № 20, стр. 394 помѣщена краткая характеристика безсмертнаго Преширна, упоминаемаго нами въ концѣ 3-го примѣчанія.

XII. «Борьба, значитъ, ограничивается не Каринтіей, не Альпами, она распространяется по всей Австріи и простирается отъ сѣвера до юга; этотъ всеобщій гнетъ и вынуждаетъ насъ къ всеобщему отпору».

Дѣло понятное: чѣмъ несправедливѣе и противозаконнѣ поступаешь, тѣмъ большія дѣлаешь усилія, чтобы хоть какъ нибудь прикрыть свои беззаконія. Но сущность все остается въ Крыловскомъ двустишіи:

«Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать,
Но умыселъ другой тутъ былъ»...

Изъявительное и неопредѣленное наклоненія въ предложеніяхъ съ союзомъ *πρὶν*.

Г. Фишеръ, Москва.

Въ *Neue Jahrbücher f. Philol. u. Pädag.* (1892 S. 238) напечатана статья А. Вейске о конструкціи этихъ предложеній. За исключеніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ, все вѣрно, что сказано въ статьѣ. Недостатки ея слѣдующіе:

1) авторъ статьи не обращаетъ вниманія на литературу по этому предмету; вслѣдствіе этого онъ ошибочно полагаетъ, что обыкновенное правило, основанное на утвержденіи и отрицаніи главнаго предложенія, встрѣчается во всѣхъ грамматикахъ; еслибы онъ говорилъ, что обыкновенное правило встрѣчается во всѣхъ учебникахъ, то, пожалуй, онъ былъ бы правъ.

2) Другой недостатокъ статьи прямо вытекаетъ изъ перваго: будь Вейске знакомъ съ литературой, онъ не предлагалъ бы невысказанное въ учебникѣ правило.

Я перехожу къ разъясненію конструкціи. Такъ какъ сосл. съ *ἄν* послѣ *πρὶν* имѣетъ условное значеніе и такъ какъ орт. послѣ *πρὶν* встрѣчается только въ косвенной рѣчи послѣ историческаго времени, то я не буду касаться этихъ наклоненій, а ограничусь изъявительнымъ и неопредѣленнымъ, какъ это сдѣлалъ уже Вейске до меня. Относительно этихъ наклоненій мнѣ извѣстны слѣдующія правила и объясненія:

1) обыкновенное объясненіе, которое читается во всѣхъ безъ исключенія учебникахъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ;

2) объясненіе и правило Г. Бернгарди (*Wissenschaftl. Synt. d. gr. Spr. S. 368. 400*);

3) объясненіе и правило К. Шенкеля (*Griech. deut. Schulwörterb. подѣ словомъ πρὶν*);

4) объясненіе и правило Эллендта въ *Lex. Soph. 2 ed.*;

5) объясненіе и правило Муллаха (*Griech. Spr. und Dial. 1863 S. 138* въ *Ersch. und Grub. Encykl. 1 Sect 81 Th.*);

6) объясненіе А. Вейске.

Кажется, каждый изъ названныхъ пяти ученыхъ дошелъ самостоятельно до своего объясненія, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не ссылается на предшественника; однако положительно я могу утверждать это только о Бернгарди и подозреваю, что всѣ прочіе ученые находятся въ зависимости отъ него. На вопросъ, почему Бернгарди и другіе отвергли прежнее правило, получается слѣдующій отвѣтъ (ср. статью Вейске): прежнее правило чисто механическое и основано на одной случайности, такъ что изъ него нельзя вывести необходимости конструкціи, вслѣдствіе чего оно влечетъ за собою множество исключеній (Thuc. 1,118,2; 132,5; 3,29,1; 104,6; 7,39,2; Xenoph. Anab. 2,5, 33; 4,5,30; Soph. O. T. 776; Lysias 9,55; Isocr. 9,32).

Новое правило очевидно должно обладать противоположными качествами. Такое правило получимъ только въ двухъ случаяхъ: или правило (объясненіе) въ воспринимающемъ его возбудитъ то чувство, которое заставляло Грековъ правильно говорить, или правило (объясненіе) успѣетъ воспроизвести въ воспринимающемъ то впечатлѣніе, которое Греки получали отъ той или другой конструкціи. Такое правило не трудно составить на основаніи объясненій Бернгарди, Муллаха, Шенкеля и Эллента. Правило это будетъ слѣдующее: «изъявительное склоненіе въ соединеніи съ *πρίν* всегда относится къ какому-либо опредѣленному единичному факту; неопредѣленное же склоненіе употребляется тогда, когда дѣйствіе или вовсе не совершилось, или когда намѣревались его привести въ исполненіе, или когда дѣйствіе не относится къ опредѣленному единичному факту, а къ совокупности нѣсколькихъ случаевъ, изъ которыхъ нѣкоторые, «можетъ быть, и не совершились.»

Такое объясненіе конструкціи или такое правило примѣнимо рѣшительно ко всѣмъ безъ исключенія случаямъ. Не нужно доказывать, что въ этомъ объясненіи изъявительное склоненіе сохраняетъ свое обыкновенное значеніе; неопредѣленное же склоненіе въ соединеніи съ *πρίν* имѣетъ то значеніе, которое замѣчается у него въ соединеніи съ *ἀκόσῳ*, *μέμνημι*, *πρέπει*. Поэтому я полагаю, что древніе Греки руководились

именно такими соображеніями, которыя вложены въ основаніе моего объясненія, и думаю, что конструкція производила на нихъ именно такое впечатлѣніе.

Что касается аналогичныхъ русскихъ конструкцій, то я не беруся объяснить ихъ, но думаю, что то, что встрѣчается у Буслаева (Истор. гр. § 282, 5, б), недостаточно.

Выше названными учеными конструкція была объяснена слѣдующимъ образомъ:

G. Bernhardt (S. 400) объясняетъ, что употребляется „Indic. in historischer Erzählung... Inf. in subjektiver Kombination“ (ср. такъ же стр. 368);

Mullach (S. 138): „Ein Accusativus sum Infinitivo oder, bei demselben Subjecte, ein Infinitivus steht nach $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ ($\pi\rho\acute{o}\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{o}\nu$ $\pi\rho\acute{\iota}\nu$), wenn man ein einfaches Zeitverhältniss zu einer geschenehen Handlung oder zu einer bloss gedachten, die verhindert wird, bezeichnet. In diesem Falle ist die Partikel durch *ehe* oder *bevor* zu übersetzen... Von einer schon eingetretenen Bedingung steht $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ mit dem Indic. oder *wo* es bloss eine eingetretene Veränderung bezeichnet. In den letzteren Fällen wird die Partikel durch *bis* übersetzt.“

K. Schenk l: „ $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ mit dem Indic., wenn der Sprechende das faktische Eintreten einer Handlung unbedingt behaupten will... mit dem Inf., wenn die Handlung gar nicht eintritt oder ihr Eintreten nur Nebensache ist, so dass die Handlung weder als Faktum behauptet noch als eintretend vorausgesetzt werden soll“.

Léx. Soph. 2 ed. (p. 653): „ $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ cum indicativo rei gestae indice et aoristi quidem antequam significans... $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ sum infinitivo prius allatorum dicendi generum omnium significaciones in se resipit“.

A. Weiske: „ $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ regiert den Indic., wenn die beiden durch $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ verbundenen Handlungen sich zeitlich berühren; $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ regiert den Infin., wenn die durch $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ verbundenen Handlungen sich zeitlich nicht berühren, sondern vom Schriftsteller, beziehungsweise durch Nachdenken in Verbindung gebracht werden“.

Что касается до утвержденія и отрицанія въ главномъ предложеніи, то Бернгарди въ одномъ мѣстѣ (стр. 368) не

упоминаетъ ни о томъ, ни о другомъ, въ другомъ же мѣстѣ (стр. 400) онъ приводитъ отрицаніе только вскользь, такъ что оно не имѣетъ значенія для объясненія конструкции; почти такъ же поступаетъ Муллахъ; Шенкель же прямо заявляетъ, что изъявительное и неопредѣленное наклоненія у *πρὶν* одинаково встрѣчаются и послѣ утвердительныхъ, и послѣ отрицательныхъ главныхъ предложений; наконецъ, Эллентъ и Вейске отрицаніе и утверженіе совсѣмъ устраняютъ изъ правила, какъ и я.

Наконецъ, хочу показать, какимъ образомъ вышеизложенное правило въ теченіе двадцати лѣтъ я примѣняю на практикѣ:

Xenoph. Anab. II, 5, 33: еллины и наѣздничеству ихъ удивлялись изъ стана взирая, и, что дѣлали, недоумѣвали, *πρὶν Νίκαρχος ἦκε... καὶ εἶπε* — рассказываемое въ придаточномъ предложеніи относится къ опредѣленному единичному случаю, и дѣйствительно произошло, т. е. съ появленіемъ Никарха недоумѣніе прекратилось — потому изъяв. наклоненіе.

Xenoph. Anab. IV, 5, 30: на слѣд. день Кс., взявши комарха, пошелъ къ Хирисофу, и гдѣ проходили, повсюду заставлялъ пирующихъ, и ни откуда не отпускали, *πρὶν παραθεῖναι αὐτοῖς ἄριστον* — такихъ случаевъ, гдѣ предлагали имъ завтракъ, было много; слѣдовательно, дѣйствіе, хотя и совершилось, всетаки не относится къ опредѣленному единичному случаю. Можно и такъ сказать: вездѣ ихъ задерживали, желая прежде предложить имъ завтракъ.

Soph. Oed. Tyr. 774: Отецъ мой былъ Полибъ.... и я считался тамъ самымъ старшимъ *πρὶν μοι τὸ χη τοιάδ' ἐπέστη* — *antequam casus mihi talis accidit* (изд. Dindf.) — то, что рассказывается въ предложеніи съ *πρὶν*, дѣйствительно произошло и относится къ опредѣленному единичному случаю, о которомъ Эдипъ рассказываетъ въ слѣдующихъ затѣмъ стихахъ. Поэтому *indic.*

Изъ Краткаго Руководства къ греч. Синт. Э. Чернаго 3 изд. § 86 я привожу слѣдующіе примѣры: Хирисофъ восходитъ на вершину, *πρὶν τινα αἰσθῆσαι τῶν πολεμίων* — неприятели не замѣтили, какъ взобрался на вершину Хирисофъ;

слѣд. дѣйствіе не совершилось, поэтому inf. (Acc. с. Inf. вслѣдствіе разныхъ подлежащихъ).

Ὁὐ πρόσθεν ἐπαύσαντο, πρὶν ἐξέπολιτορχήσαν τὸ τεῖχος—и здѣсь дѣйствіе придаточнаго предложенія относится къ единичному случаю и совершилось, поэтому у πρὶν indicativus.

Въ своей статьѣ я не касаюсь генезиса конструкціи, такъ какъ полагаю, что не имѣетъ отношенія къ правилу учебника; впрочемъ, такая статья уже написана Гейкелемъ (Heikel) «Entstehung der Konstruktionen bei πρὶν» (въ Skand. Archiv. I, 3, 274—298), которую, къ сожалѣнію, я еще не видѣлъ.

„Топодиктическія упражненія“ проф. Эгли. (Къ вопросу о преподаваніи географіи).

Н. Вертинъ, Рыбинскъ.

Еще недалеко то время, когда на географію смотрѣли, какъ на предметъ крайне трудный, дающій ученикамъ много сухого, безжизненнаго матеріала для запоминанія. Въ новѣйшее время этотъ взглядъ, происходившій отъ неправильнаго пониманія сущности и задачъ географіи, оставленъ всѣми, и едва ли кто теперь видитъ въ ней только лишь сводъ именъ и чиселъ, «безъ внутренняго соотношенія и взаимодействія географическихъ элементовъ»^{*)}. Съ каждымъ годомъ какъ у насъ въ Россіи, такъ и на западѣ появляется много учебныхъ пособій и руководствъ по географіи, которыя, урѣзывая по возможности ея мнемоническій матеріалъ, предназначаются служить оживленію преподаванія этого труднаго предмета и пробужденію къ нему интереса въ средѣ учащихся.

^{*)} Методика географіи Оберлендера, пер. подъ ред. Воронцова, СПБ. 1880, 2-е изд. 25 стр.

Но совершенно обойтись безъ именъ и чиселъ, запоминаніе которыхъ требуетъ частыхъ повтореній и большого труда, — при изученіи географіи невозможно. Объяснительною запискою къ новому учебному плану географіи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ рекомендуется преподавателю даже обращать преимущественное вниманіе «на изученіе карты». Въ виду этого, нисколько нелишнимъ будетъ, кажется, съ нашей стороны сообщить всѣмъ, кто интересуется выработкой болѣе вѣрныхъ методовъ преподаванія въ нашихъ среднихъ и низшихъ школахъ, о томъ весьма цѣлесообразномъ способѣ повторенія учениками пройденнаго по географіи, какой рекомендуетъ, основываясь на долгомъ опытѣ своей педагогической практики, извѣстный ученый проф. Цюрихскаго унив. д-ръ И. И. Эгли на страницахъ одного небольшого спеціального журнала *Zeitschrift für Schul-Geographie*, Wien 1892, VII. Небольшая замѣтка профессора, посвященная этому вопросу, не носитъ строго научнаго характера и является, по выраженію самого автора, лишь практическимъ совѣтомъ опытнаго чловека младшей братіи, «скромнымъ труженикамъ» въ педагогическомъ «виноградникѣ».

Предлагаемый проф. Эгли способъ повторенія называется у него «топодиктическими упражненіями» и состоитъ въ слѣдующемъ. По мѣрѣ прохожденія извѣстныхъ отдѣловъ курса, ученики покупаютъ или сами составляютъ подъ руководствомъ учителя особыя (у всѣхъ одинаковыя) листки, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ помѣщаются столбцами всѣ встрѣчавшіяся въ курсѣ географическія названія, — городовъ, рѣкъ, горъ, заливовъ, проливовъ и т. д. Въ классъ, назначенный для повторенія, вызванный ученикъ прочитываетъ вслухъ одно названіе за другимъ или вразбивку, если того потребуетъ учитель, и затѣмъ сообщаетъ, что это названіе собою обозначаетъ (гору, рѣку, море и т. п.) и указываетъ на картѣ мѣсто, гдѣ оно находится; напр.: Абушеръ — гавань въ Персидскомъ заливѣ, Аденъ — англійская угольная станція у Бальмандебскаго пролива. Выслушавъ нѣсколько подобныхъ отвѣтовъ отъ одного ученика, учитель вызываетъ другого,

третьяго и т. д., спрашивая по возможности большее число учениковъ, для того, чтобы весь классъ дѣлался живымъ участникомъ такой несложной работы.

Этотъ простой приемъ, не составляющій самъ по себѣ ничего особеннаго, выдающагося, имѣетъ свои большія достоинства и удобства. Благодаря ему, повтореніе идетъ очень быстро: въ продолженіе одного часа можно повторить вкратцѣ около половины всего пройденнаго въ году. Легко и почти шутя, не подвергая себя рутинному перечитыванію книги, ученики одинъ за другимъ указываютъ на картѣ и объясняютъ всѣ находящіяся въ ихъ спискахъ географическія названія. Такое повтореніе, вызывая самодѣятельность учениковъ, очень занимаетъ ихъ и нравится имъ, особенно если ведется оживленно. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря частымъ поправкамъ учителя, они приучаются правильно выговаривать чуждыя ихъ слуху географическія названія*); въ этомъ смыслѣ никакой иной способъ повторенія не можетъ оказать такой пользы, какъ «топонимическія упражненія»: однажды поправленный, никто не скажетъ Гвадалквивиръ, Гранада, а если и ошибется еще разъ, то въ этомъ сейчасъ же ему помогутъ товарищи. При этомъ краткія объясненія учениковъ на каждое географическое названіе должны отличаться возможною полнотою и опредѣленностью; недостаточно сказать, напр., что Амазонка — рѣка въ Ю. Америкѣ; надо требовать отъ ученика болѣе обстоятельнаго объясненія, именно: Амазонка — царица рѣкъ, протекаетъ Перу и Бразилію. Этимъ вполне достигается приученіе учениковъ къ осмысленнымъ и полнымъ отвѣтамъ.

Въ виду того, что въ настоящее время въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ «ученики должны быть доводимы до того, чтобы при каждомъ географическомъ имени имъ ясно представлялось положеніе данной мѣстности на картѣ»,**) означенный приемъ повторенія, смѣемъ думать, можетъ оказать

*) Кому изъ учителей географіи не приходится съ ошибками учениковъ въ произношеніи ими географическихъ названій при отвѣтахъ даже не такъ давно разработаннаго урока?

**) Учеб. Планы 20-го іюля 1890 г., объяснит. зап. III, 2.

свою долю пользы въ ряду другихъ подобныхъ приѣмовъ въ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

При желаніи ввести такія «топодиктическія упражненія» въ нашихъ гимназіяхъ не представится никакихъ затрудненій, такъ какъ во всякой почти гимназіи есть свой гектографъ, которымъ легко отпечатать, не входя ни въ какіе расходы, требуемое число экземпляровъ списковъ географическихъ именъ. Въ курсѣ II класса, напр., имѣющемъ особенно много, судя по относительному развитію учениковъ, матеріала для запоминанія, встрѣчается всего максимумъ 600 названій, которыя всѣ легко могутъ умѣститься, въ 3—4 столбца, на одномъ листѣ.

Согласуясь до нѣкоторой степени съ требованіями объяснит. записки къ новымъ учебн. планамъ, гдѣ рекомендуются, напр., мысленныя путешествія отъ одной точки до другой и т. п., этотъ приѣмъ повторенія, при сравнительномъ недостаткѣ времени, отведеннаго географіи въ ряду предметовъ гимназическаго курса, является очень цѣлесообразнымъ для достиженія вышеупомянутой цѣли — основательнаго знакомства ученика съ картою, такъ какъ «топод. упражненіями» можно пользоваться не только во время, обыкновенно назначаемое въ гимназіяхъ на репетиціи (передъ выводомъ четвертныхъ отбѣтокъ), но и въ концѣ каждаго урока, удѣляя на это минутъ 5—7 передъ звонкомъ, — тѣмъ болѣе, что всякое возвращеніе къ пройденному всегда желательно въ цѣляхъ упроченія предмета въ памяти учащихся, ибо, по выраженію, употребленному самимъ проф. Эгли,

Repetitio est mater studiorum.

Нападки на учителей.

П. Адамовъ, Глуховъ.

Въ настоящее время, когда такъ много говорятъ и пишутъ объ облегченіи нашихъ гимназистовъ, однимъ изъ любимыхъ развлеченій нѣкоторой части общества является травля учителей гимназій. Ежедневно можно слышать и читать грозныя филиппики. Особенно сильныя обвиненія раздаются въ ж. «Вѣстникъ воспитанія» Д-ра Покровскаго: въ немъ помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей, направленныхъ противъ учителей гимназій

Въ этихъ статьяхъ учителя гимназій обзываются людьми съ плохими дарованіями, слабой волей, которые не пробили себѣ дороги борьбой съ житейскими бурями, а постарались пристроиться на казенные хлѣба; являются рутинерами, ремесленниками, не любящими и часто не знающими своего дѣла; выбрали учительскую профессію не по склонности, а вслѣдствіе бѣдности; нисколько не подготовлены къ своей дѣятельности, не знакомы ни съ педагогикой, ни съ дидактикой, ни съ основными правилами гигіены; попавъ въ провинцію, погрязаютъ въ пошлой дѣйствительности, предаются карточной игрѣ и проч. — проч. Вслѣдствіе этихъ причинъ, по мнѣнію, «Вѣстника воспитанія», обученіе и воспитаніе въ гимназіяхъ ведется плохо.

Но, обвиняя такъ сурово преподавателей гимназій, указываютъ ли г. г. обличители какія-либо средства для искорененія недостатковъ въ гимназическомъ образованіи?

Желающихъ ознакомиться съ этими средствами отсылаемъ къ статьѣ П. Головачева, помѣщенной въ № 3 «Вѣстника воспитанія» 1893 г. и носящей громкое названіе «фатальный вопросъ нашей средней школы». Авторъ статьи, послѣ грубаго и крайне несправедливаго обвиненія, говоритъ, что только «время — этотъ *optimus vitae magister* — можетъ исправить недостатки въ гимназическомъ обученіи и особенно въ обученіи древнимъ языкамъ». Хорошее средство?! Другіе обличители видятъ панацею въ реформѣ учительскаго состава.

Разберемъ эти обвиненія и посмотримъ, справедливы ли они.

И. Г. П. Головачевъ утверждаетъ, что историко-филологическіе факультеты и особенно институты, изъ которыхъ выходитъ большинство гимназическихъ преподавателей, наполняются юношами съ слабой волей и не особенно даровитыми, пугающимися житейской борьбы и старающимися пристроиться на казенные хлѣба.

На это мы скажемъ: Занятія на историко-филологическомъ факультетѣ и въ историко-филологическихъ институтахъ настолько серьезны, что требуютъ не менѣе, а, можетъ быть, болѣе силы воли и способностей отъ молодыхъ людей, чѣмъ на другихъ факультетахъ, и человѣкъ слабовольный въ рѣдкомъ только случаѣ, какъ исключеніе, можетъ окончить курсъ и получить званіе учителя гимназіи.

Наполняются филологическіе факультеты и институты лучшими воспитанниками духовныхъ семинарій, закаленными въ борьбѣ съ житейскими невзгодами, иногда пѣшкомъ прибывающими въ университетскій городъ и одушевленными высокою идеей послужить родной землѣ на поприщѣ просвѣщенія, проводящими по доброй волѣ иногда по 15—16 часовъ въ сутки въ занятіяхъ избраннымъ предметомъ. Это ли — отсутствіе воли?

Оцѣнить способности этихъ юношей и выходящихъ изъ филологическихъ факультетовъ и особенно институтовъ преподавателей можно, лишь справившись съ фактами.

Передъ нами лежитъ «Памятная книжка Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института. 1867—XXV—1892», изъ которой явствуетъ, что изъ 476 воспитанниковъ этого учебнаго заведенія, вышедшихъ изъ него въ теченіе 25 л., 125 заявили о себѣ въ наукѣ и литературѣ, другіе на поприщѣ практической педагогіи. Только одно предвзятое недоброжелательство можетъ обрывать лепестки прекраснаго вѣнка славы этого процвѣтающаго учебнаго заведенія.

Институтъ князя Безбородка въ Нѣжинѣ — совсѣмъ еще юный: 1-й выпускъ воспитанниковъ былъ въ 1879 г. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если это высшее учебное

заведеніе не заявило о себѣ такъ, какъ Императорскій С.-Петербургскій институтъ. Однако многіе воспитанники и этого учебнаго заведенія уже заявили о себѣ съ самой лучшей стороны на поприщѣ практической педагогійи и въ литературѣ.

Точно также и изъ филологическихъ факультетовъ университетовъ выходятъ бодрые, энергическіе и одушевленные дѣятели на поприщѣ воспитанія.

Если отъ насъ потребуютъ фактическихъ доказательствъ, мы попросимъ сомнѣвающихся развернуть научные и педагогическіе журналы*) и посмотрѣть, кто тамъ работаетъ. Ознакомьтесь также съ нашей учебной литературой — и вы увидите, что учителя гимназій, при своей сравнительно съ представителями другихъ профессій малочисленности, работаютъ болѣе другихъ.

Такимъ образомъ мы фактами доказали несправедливость обвиненія учителей гимназій въ слабости и бездарности.

II. Что учителя гимназій не рутинеры, а люди, слѣдующіе за наукой, за методикой и дидактикой своего предмета, объ этомъ свидѣлствуютъ выходящіе чуть не ежедневно методическія руководства и пробные и образцовые уроки, съ которыми желающіе могутъ ознакомиться въ ж. «Гимназія», въ «Филологическихъ запискахъ» и др.

III. Учителей гимназій называютъ ремесленниками, не одушевленными своимъ дѣломъ, гоняющимися за уроками и проч. Но виноваты ли въ этомъ учителя? Дайте имъ определенное количество уроковъ, назначьте определенное жалованье — и зло устранено. Можно ли обвинять учителя, обремененнаго семействомъ, не имѣющаго возможности сводить концы съ концами, надрывающагося отъ непосильной работы, въ томъ, что онъ вынужденъ искать уроковъ? Но сколько есть преподавателей, которые въ интересахъ своихъ личныхъ занятій отказываются отъ предлагаемыхъ имъ уроковъ.

Замѣчательно, что отъ учителей, и особенно отъ учителей

*) См., напр., «Филологическій вѣстникъ», «Филологическія записки», «Гимназія», «Филологическое обозрѣніе», «Кіевскую старину» и др.

древнихъ языковъ*), требуютъ, чтобы они всегда были переполнены поэтическимъ жаромъ, а отъ представителей другихъ профессій этого не требуютъ.

Собственный нашъ опытъ говоритъ намъ слѣдующее: учитель ни въ какомъ случаѣ не долженъ имѣть болѣе 18 уроковъ въ недѣлю (по 3 урока въ день): если имѣешь въ день 4 урока, то лишь иногда, выйдя изъ гимназіи, остаешься доволенъ сдѣланнымъ дѣломъ. Чаше же бываетъ такъ: 1-й, 2-й уроки прошли хорошо, 3-й такъ себѣ, 4-й — плохо; 5-е же уроки обыкновенно проходятъ дурно: и самъ утомишься такъ, что языкъ заплетается, да и ученики на 5-мъ урокъ совсѣмъ не тѣ, что на 1-мъ и на 2-мъ. И это испытываешь послѣ многолѣтней службы; въ первые же годы службы неудавшихся уроковъ бываетъ не менѣе половины. Часто приходится выходить съ урока съ горькимъ сознаниемъ, что мало сдѣлано, и только надежда на то, что со временемъ можно исправить, поддерживаетъ учителя въ этихъ случаяхъ.

Для того, чтобы и 3 урока въ день прошли хорошо, необходимо, чтобы здоровый физически учитель былъ спокоенъ духомъ, во время ложился спать (не позже 11 ч.), не засиживался за полночь, во время вставалъ, чтобы голова его была свѣжа, мысль ясна, организмъ успокоился. Можетъ быть, ни одна профессія не требуетъ такого тщательнаго за собой наблюденія, какъ профессія учительская, чтобы сохранить необходимыя для успѣшнаго веденія дѣла благодушіе, ясность, бодрость. Только развитое чувство чести, сознание долга, важности, серьезности и высоты дѣла поддерживаютъ учителей гимназій въ ихъ трудной дѣятельности.

IV. Обвиняютъ учителей въ томъ, что они не подготовлены къ своей дѣятельности. Но филологическіе институты для того только и существуютъ, чтобы готовить учителей для гимназій. При нихъ состоятъ образцовыя гимназіи, гдѣ студенты слушаютъ преподаваніе лучшихъ педагоговъ и подъ руководствомъ ихъ сами даютъ уроки, которые затѣмъ подробно

*) См. упомянутую статью П. Головачева.

разбираются. Идеальныхъ учителей — мало. Быть хорошимъ учителемъ возможно, но этого можно достигнуть при усердномъ отношеніи къ дѣлу только по прошествіи многихъ лѣтъ преподавательской дѣятельности и, во всякомъ случаѣ, не менѣе 5. Конечно, возможны и здѣсь исключенія: есть даровитые юноши, которые съ 1-го же года оказываются отличными учителями; есть и такіе преподаватели, которые не только не совершенствуются въ своемъ дѣлѣ, но постепенно идутъ назадъ.

У. Обвиняютъ учителей гимназій въ томъ, что они часто пошлѣютъ въ провинціи. Если это опошленіе и бываетъ, то оно, можетъ быть, въ меньшей мѣрѣ является удѣломъ провинціи. Въ настоящее время и по глухимъ закоулкамъ находятся такіе преподаватели, дѣятельность и образъ мыслей которыхъ могли бы сдѣлать честь и столичному преподавателю. Мы даже убѣждены, что преподаватели столицъ и большихъ университетскихъ городовъ гораздо болѣе связаны въ своей дѣятельности, чѣмъ преподаватели маленькихъ провинціальныхъ городовъ: первые имѣютъ болѣе уроковъ, количество которыхъ доходитъ иногда до 40, — болѣе учениковъ, почти не имѣютъ возможности тщательно подготавливаться къ урокамъ; если они и имѣютъ болѣе большую возможность жить умственно, то эта возможность въ значительной степени парализуется указанными выше обстоятельствами. Часто можно читать и слышать о презрительномъ отношеніи къ захолустнымъ, провинціальнымъ учителямъ; но какъ это несправедливо! Въ глухой провинціи учителя — крестоносцы, работники, поднимающіе цѣлину, насаждающіе цивилизацію.

Наконецъ, обвиняютъ учителей гимназій въ томъ, что они играютъ въ карты. Играть въ карты — дурно; но смѣемъ увѣрить г. г. обличителей, что представители другихъ профессій играютъ въ 10 разъ болѣе.

Но намъ могутъ возразить: чѣмъ же можно объяснить тотъ фактъ, что на гимназій постоянно жалуются?

Когда говорятъ о нашихъ гимназіяхъ и особенно объ изученіи въ нихъ древнихъ языковъ, то обыкновенно сравниваютъ съ гимназіями нѣмецкими, французскими, англійскими,

и сравненіе это, конечно, говоритъ не въ пользу нашихъ гимназій. Но могутъ ли наши гимназій въ настоящее время равняться съ таковыми же учебными заведеніями Запада?

Классицизмъ сдѣлался господствующей системою образованія на Западѣ много столѣтій тому назадъ, а у насъ введенъ 23 года тому назадъ, и мы желаемъ, чтобы онъ вдругъ поднялся на такую же высоту, какъ на Западѣ. Мнѣніе о томъ, что у насъ будто бы плохо идетъ классическое образованіе, основано только на сравненіяхъ съ гимназіями западно-европейскими. Обыкновенно говорятъ: «Вотъ посмотрите, какъ хорошо идетъ дѣло у нѣмцевъ, англичанъ, французовъ!» Такое сравненіе просто смѣшно: это все равно, еслибы мы дали одну и ту же работу младенцу и взрослому и потребовали бы одинаковаго исполненія.

Классическое образованіе готовитъ къ высшимъ сферамъ дѣятельности, требуетъ поэтому, по крайней мѣрѣ, хорошихъ способностей и не можетъ быть удѣломъ всѣхъ. На Западѣ и поступаютъ въ гимназій только даровитѣйшіе и по своей духовной организаціи болѣе способные къ воспріятію классическаго образованія мальчики. У насъ же, въ Россіи, особенно въ маленькихъ городахъ, поступаютъ въ гимназій всѣ дѣти, за отсутствіемъ другихъ училищъ, и изъ такой среды, которая и понятія не имѣетъ о классицизмѣ, удивляется, зачѣмъ это мальчиковъ учатъ латинскому и греческому языкамъ, и часто спрашиваетъ, скоро ли выведутъ эти языки изъ гимназій.

На Западѣ мальчикъ, прежде чѣмъ поступитъ въ гимназію, 5—6 лѣтъ учится въ начальной школѣ, разовьется достаточно, прекрасно усвоитъ основныя правила грамматики роднаго языка: ему легко поэтому изучать всякіе языки. Такъ ли это у насъ? У насъ въ приготовительный классъ поступаютъ едва читающіе, а въ 1-й кое-какъ читающіе по-русски и плохо знающіе основныя элементы грамматики, кое-какъ усвоенные за 1 годъ пребыванія въ приготовительномъ классѣ. Можетъ ли при такихъ условіяхъ быть большой успѣхъ въ изученіи древнихъ языковъ?

Малый выборъ учениковъ въ небольшихъ провинціальныхъ городкахъ тоже не можетъ способствовать успѣхамъ обученія въ гимназіяхъ.

И если мы примемъ въ соображеніе все выше изложенное, то должны будемъ признать, что имѣемъ теперь своихъ классиковъ, заявившихъ о себѣ въ наукѣ и литературѣ, создавшихъ прекрасныя руководства, и своихъ русскихъ учителей, которые оказываются и лучше и благороднѣе, сравнительно съ иностранцами.

Varia.

Изъ посѣщеній Г. Министромъ Нар. Пр. Варш. уч. округа. Во время перемѣнъ Графъ Деляновъ осмотрѣлъ вновь строящійся гимнастическій залъ, затѣмъ изволилъ посѣтить учительскую и обошелъ всѣ классы. Трогательная сцена произошла при посѣщеніи Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія приготовительнаго класса въ одну изъ перемѣнъ: когда, по предложенію директора гимназіи, — не благоугодно ли будетъ Его Сіятельству прослушать, какъ ученики въ лицахъ декламируютъ басни, Графъ далъ благосклонное согласіе, ученики этого класса окружили Господина Министра и наперерывъ другъ предъ другомъ, съ сіяющими отъ радости лицами, начали просить Его Сіятельство дозволить отвѣчать имъ: поднялась вверхъ масса рукъ и раздались восклицанія: «Ваше Сіятельство, я — Демьяна, я — Мартышку, а онъ — Соловья, я — Любопытнаго, меня спросите» , и Графъ, съ свойственною ему ласковостію и добротою, устанавливалъ группы чтецовъ и урезонивалъ одного мальчика, что не можетъ спросить и его, потому что въ «Любопытномъ» только два лица, а онъ уже таковыхъ выбралъ. Ученики бойко и смѣло произносили басни: «Демьянова Уха», «Квартетъ», «Любопытный», и, по окончаніи этой импровизированной декламации, радостно благодарили за оказанную имъ честь.

(Изъ Отчета Радомской м. г. за 1891—92 уч. г.)

Глава V.

Сѣмена знанія, добродѣтели и религіи врождены намъ отъ природы.

1. (Человѣкъ отъ природы былъ добръ и къ этому состоянію (послѣ грѣхопаденія) мы снова призываемся). Подъ природою здѣсь мы разумѣемъ не приставшую къ намъ чрезъ грѣхопаденіе испорченность (вслѣдствіе которой мы называемся отъ природы сыновьями гнѣва, такъ какъ мы недостойны даже только думать, чтобы изъ насъ вышло что-нибудь доброе), но наше первоначальное состояніе, къ которому мы должны возвратиться. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Лудвигъ Вивесъ: кто такой христіанинъ, какъ не человѣкъ, возвращенный къ своей природѣ и поставленный на то мѣсто, къ которому принадлежитъ по происхожденію и съ котораго былъ низведенъ діаволомъ? (1 книга о согласіи и раздорѣ). Этотъ же смыслъ можетъ быть приданъ тому, что пишетъ Сенека: мудрость есть возвращеніе къ природѣ, отъ которой удалило насъ общее заблужденіе человѣчества, наслѣдуемое отъ первыхъ людей. Или еще: человѣкъ не добръ, но становится такимъ чрезъ образованіе, послѣ чего онъ долженъ стремиться уподобиться Богу, памятуя свое происхожденіе. Никто не дерзнетъ подняться туда, откуда онъ пришелъ (93 письмо).

2. (Силою вѣчнаго промысленія, возстановляющаго падшее). Также подъ голосомъ природы мы разумѣемъ общее промысленіе Божіе или непрестанное попеченіе Божественной благодати обо всемъ, именно чтобы всякое твореніе было тѣмъ, чѣмъ назначено быть. Божественная премудрость не создала ничего безъ цѣли, т. е. ни безъ опредѣленной цѣли, ни безъ сообразныхъ съ цѣлью средствъ. Потому, что существуетъ, то существуетъ съ какою-нибудь цѣлью и, чтобы твореніе достигало своей цѣли, оно снабжено извѣстными необходимыми органами и вспомогательными средствами, даже извѣстнымъ побужденіемъ, чтобы ничто не направлялось

къ своей цѣли противъ своей воли, но легко и пріятно, по побужденію самой природы и чтобы всякое недостиженіе цѣли сопровождалось болью и даже смертью. Слѣдовательно, вѣрно, что человѣкъ способенъ, рожденъ и сотворенъ для познанія вещей, совершенства нравовъ и высшей божественной любви и что корни этихъ трехъ потребностей также крѣпко въ немъ заложены, какъ корни дерева въ землѣ.

3. (Премудрость вложила въ человѣка вѣчныя основанія и именно:) Чтобы яснѣе стало, что значать слова сына Сирахова, что премудрость имѣетъ вѣчныя основанія въ человѣкѣ (Экклес. 1, 14), мы рассмотримъ, какія основанія мудрости, добродѣтелей и религіи вложены въ насъ, чтобы намъ знать, что за чудное орудіе премудрости человѣкъ.

4. Не подлежитъ сомнѣнію, что всякій человѣкъ рождается способнымъ къ приобрѣтенію познанія всѣхъ вещей (1. Она сдѣлала его опять способнымъ къ приобрѣтенію познанія всѣхъ вещей, такъ какъ онъ образъ и подобіе Божества.), такъ какъ онъ прежде всего есть образъ и подобіе Божества. Когда образъ сдѣланъ тщательно, то онъ необходимо передаетъ черты Первообраза, иначе онъ не образъ. Такъ какъ между свойствами Божества выдается Его всѣвѣдѣніе, то что-нибудь подобное должно быть и въ человѣкѣ. И почему нѣтъ? Человѣкъ стоитъ среди твореній Божіихъ, обладая свѣтлымъ духомъ, который можно сравнить съ повѣшеннымъ въ комнатѣ круглымъ зеркаломъ и который принимаетъ въ себя образы всѣхъ вещей, я говорю, всѣхъ — кругомъ. Нашъ духъ воспринимаетъ не только близкое къ нему, но также отдаленное (мѣстомъ и временемъ) приближаетъ къ себѣ, поднимается на крутыя вершины, развѣдываетъ и открываетъ сокровенное и занимается даже изслѣдованіемъ неизслѣдимаго; — настолько онъ безграниченъ и безконеченъ. Еслибы человѣку было дано жить тысячу лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ постоянно чему-нибудь учился бы, и послѣ того онъ все-таки еще найдетъ, чему поучиться; такъ ненасытна воспри-

нимающая способность человеческого духа, что онъ въ дѣлѣ познанія уподобляется безднѣ. Нашему тѣлу назначены очень узкія границы. Голосъ простирается нѣсколько дальше; взоръ ограничить съ высотой неба; духу же не можетъ быть положена граница ни на небѣ, ни гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; онъ возносится на небо и опускается въ бездну и еслибы небо и бездна были въ тысячу разъ дальше своего разстоянія и тогда бы онъ проникъ въ нихъ съ замѣчательною быстротою. И мы стали бы отрицать, что ему все доступно? отрицать, что онъ способенъ все воспринять?

5. Философы называли человѣка микрокосмомъ (2. Сдѣлала міромъ въ маломъ объемѣ), міромъ въ маломъ объемѣ, потому что онъ въ сжатомъ видѣ воспринимаетъ все, что является далеко и широко разбросаннымъ по макрокосму (великому міру); доказательства этого будутъ даны въ другомъ мѣстѣ. Духъ рождающагося на свѣтѣ человѣка очень удачно сравнивается съ сѣменемъ или зерномъ; хотя въ послѣднемъ и нѣтъ формы растенія или дерева, то всетаки въ немъ дѣйствительно уже содержится растеніе или дерево, какъ это обнаруживается, когда положенное въ землю сѣмя подъ собою распускаетъ корни и поверхъ себя вѣточки, которыя естественною силою превращаются въ сучья и большія вѣтви, покрываются листьями и украшаются цвѣтами и плодами. Слѣдовательно, ничего извнѣ не можетъ быть привнесено въ человѣка, а что онъ въ себѣ содержитъ въ неразвитомъ видѣ, то только должно быть развито и раскрыто. Такъ мы знаемъ, что Пифагоръ говаривалъ, что для человѣка такъ естественно все знать, что если семилѣтняго мальчика съ толкомъ спрашивать по всѣмъ вопросамъ философіи, онъ на все могъ бы опредѣленно отвѣчать, именно потому что свѣтъ разума есть достаточная форма и мѣра всѣхъ вещей; только нынѣ, послѣ грѣхопаденія, разумъ затемненъ и заброшенъ и самъ не можетъ выбраться на правильный путь, а тѣ, на чьей обязанности лежало направлять его, еще больше запутывали его.

6. (3. Снабдила органами ощущенія). Кромѣ того

присущей намъ разумной душѣ даны орудія, чрезъ которыя, какъ чрезъ вѣстниковъ, до нея доходитъ все, что внѣ ея находится — это: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, такъ что ничто не можетъ быть скрыто отъ нея, что только есть въ твореніяхъ. Такъ какъ въ видимомъ мірѣ нѣтъ ничего, что не можетъ быть воспринимаемо зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ и различаемо этими чувствами, то отсюда слѣдуетъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего, чего не могъ бы воспринять человѣкъ, одаренный чувственностью и разумомъ.

7. (4. Сильнымъ желаніемъ знанія). Человѣку врождено также сильное желаніе знанія и не только выносливость работы, но также стремленіе къ ней. Это обнаруживается въ первомъ дѣтскомъ возрастѣ и продолжается всю жизнь. Кто не имѣетъ горячаго желанія видѣть, слышать или дѣлать что-нибудь новое? Кому не доставляло бы удовольствія ежедневно куда-нибудь ходить, съ кѣмъ-нибудь говорить, что-нибудь узнавать, что-нибудь рассказывать? Однимъ словомъ, зрѣніе, слухъ, осязаніе и самъ духъ — ища себѣ пищи — постоянно выступаютъ внѣ себя; и для живой природы нѣтъ ничего столь несноснаго, какъ праздность и лѣность. И что ученымъ людямъ удивляются сами несвѣдущіе, что иное это, какъ не признакъ того, что и они чувствуютъ прелесть извѣстнаго естественнаго желанія, въ которомъ сами охотно участвовали бы, еслибы можно было надѣяться что-нибудь сдѣлать? Но такъ какъ они отказываются отъ надежды, то вздыхаютъ и удивляются тѣмъ, кого видятъ выше себя.

8. (Потому многіе сами по себѣ достигаютъ разнообразнаго знанія вещей). Примѣры автодидактовъ³⁾ свидѣтельствуютъ намъ яснѣйшимъ образомъ, что человѣкъ подъ руководствомъ природы можетъ достигнуть всего. Бѣльшихъ успѣховъ достигли нѣкоторые изъ тѣхъ, кто сами по себѣ учились или у кого — какъ говоритъ Бернгардъ — учителями были дубы и буки (такъ какъ они учились гуляя въ лѣсу), чѣмъ другіе чрезъ обученіе искусныхъ учителей. Не учить ли насъ это, что у человѣка дѣйствительно имѣется

все, и лампа и масло и огнивица со всёмъ снарядомъ? Еслибы онъ только умѣлъ выбивать искры, схватывать ихъ и зажигать огни, то онъ тотчасъ же увидѣлъ бы чудныя сокровища божественной мудрости какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ великомъ мірѣ (какъ все раздѣлено по числу, мѣрѣ и вѣсу), въ высшей степени пріятное зрѣлище. Нынѣ, когда въ немъ не возженъ внутренній свѣтъ, а только внѣ его кругомъ носится свѣтъ чужихъ мнѣній, дѣло не можетъ быть иначе, какъ мы его видимъ, именно какъ еслибы вокругъ человѣка, заключеннаго въ темной темницѣ, носились факелы, лучи которыхъ проникали бы къ нему сквозь щели, а полный свѣтъ не могъ бы доходить. Подобное же говоритъ Сенека: въ насъ вложены сѣмена всѣхъ знаній и учитель Богъ выводитъ изъ скрытаго состоянія наши таланты.

9. (Нашъ духъ сравнивается 1) съ землею, 2) съ садомъ). Тоже показываютъ предметы, съ которыми сравнивается нашъ духъ. Не воспринимаютъ ли въ себя земля (съ которою въ Писаніи очень часто сравнивается наше сердце) сѣмена всякаго рода? Одинъ и тотъ же садъ не можетъ ли быть насажденъ травами, цвѣтами и овощами всякаго рода? Конечно можетъ, если у садовника нѣтъ недостатка въ заботливости и прилежаніи. И чѣмъ больше разнообразіе, тѣмъ пріятнѣе получается видъ для глазъ, тѣмъ прелестнѣе благоуханіе и сильнѣе восхищеніе для сердца. (3) Съ доскою для письма). Аристотель сравнивалъ духъ человѣка съ чистою доскою, на которой ничего не написано, но на которой все можетъ быть написано.⁴⁾ Какъ на чистой доскѣ писецъ можетъ написать и рисовальщикъ нарисовать, что онъ хочетъ, насколько онъ искусенъ; такъ и тому легко все начертать въ человѣческомъ духѣ, кто свѣдуецъ въ искусствѣ обученія. Если же это такъ не бываетъ, то это, разумѣется, не вина доски (исключая тотъ случай, если она не выровнена), а неловкости писца или рисовальщика. Только та разница существуетъ, что на доскѣ линіи могутъ быть только такой длины, какъ позволяютъ края; въ духѣ же можно писать и начертывать все дальше и дальше и никогда

не дойдутъ до края, такъ какъ онъ (какъ уже замѣчено) безграниченъ.⁵⁾

10. (4. Съ воскомъ, на который можно наложить безчисленное множество печатей). Удачно сравнивается также нашъ мозгъ, мастерская мыслей съ воскомъ, на который накладывается печать или изъ котораго дѣлаются фигуры. Какъ воскъ, принимающій всякую форму, допускаетъ переформировку себя какимъ угодно образомъ: такъ и мозгъ, воспринимающій въ себя образы всѣхъ вещей, обнимаетъ собою весь мѣръ. Этимъ же тонко указывается на то, что такое наше мышленіе и знаніе. Что соприкасается съ моимъ зрѣніемъ, съ моимъ обоняніемъ, съ моимъ вкусомъ, съ моимъ чувствомъ — это для меня печать, чрезъ которую образъ вещи напечатлѣвается въ мозгѣ; и это въ такой мѣрѣ, что даже послѣ того, какъ вещь удалена отъ глаза, уха, носа, руки, образъ ея остается во мнѣ; также и не возможно, чтобы онъ во мнѣ не оставался, кромѣ того случая, когда, вслѣдствіе небрежности вниманія, случилось слабое впечатлѣніе. Когда я, напр., видѣлъ какого-нибудь чело-вѣка или съ нимъ говорилъ, когда я во время путешествія видѣлъ гору, ручей, поле, лѣсъ, городъ и т. п., когда я въ какомъ-нибудь писателѣ что-нибудь внимательно прочиталъ и т. д., все это такъ напечатлѣвается въ мозгу, что всегда при воспоминаніи о немъ какъ будто стоитъ передъ моими глазами, слышится моими ушами и осязается руками.

Если даже мозгъ эти впечатлѣнія одно воспринимаетъ, или представляетъ ясныя или удерживаетъ долже, чѣмъ другое, то всетаки каждое изъ нихъ какимъ-нибудь образомъ воспринимается, представляется издерживается.⁶⁾

11. (Способности нашего духа чудо Божіе). И здѣсь мы видимъ достойное удивленія зеркало премудрости Божіей, которая установила, чтобы не особенно большой массы мозга было достаточно для того, чтобы воспринимать въ себя тысячи тысячъ образовъ⁷⁾. Что всякій изъ насъ (разумѣю грамотныхъ) въ продолженіе столь многихъ лѣтъ видѣлъ, слышалъ, читалъ, воспринималъ

вкусомъ, собралъ опытомъ или размышленіемъ и что по свойству обстоятельствъ можетъ припоминать, все это мозгъ долженъ носить въ себѣ; образы вещей, которыя мы видѣли, слышали, о которыхъ читали и т. д., которыхъ имѣемъ тысячи тысячъ, которыхъ въ тысячу разъ еще больше существуетъ и которыя разнообразятся почти до безконечности, тогда какъ ежедневно мы видимъ, слышимъ, читаемъ и узнаемъ что-нибудь новое и т. д. — все воспринимается мозгомъ. Какъ неизслѣдима эта премудрость всемогущаго Бога! Соломонъ удивляется рѣкамъ, которыя всѣ втекаютъ въ море и однако его не переполняютъ (Екклез. 1, 7) а кто можетъ надивиться этой безднѣ нашей памяти, которая все исчерпываетъ и все отдаетъ, но никогда не переполнится и не опустѣетъ? Такимъ образомъ нашъ духъ на самомъ дѣлѣ больше, чѣмъ міръ, содержащее необходимо больше, чѣмъ содержимое.

12. (Нашъ духъ — зеркало). Наконецъ глазъ или зеркало⁸) точно изображаетъ нашъ духъ. Что бы ему ни представили, какого бы то ни было вида или цвѣта вещь: тотчасъ отражается въ немъ сходный съ предметомъ образъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда предметъ приближаютъ къ нему въ темнотѣ или сзади или ставятъ на слишкомъ большое разстояніе или есть какія-нибудь препятствія для полученія впечатлѣнія: въ такихъ случаяхъ отраженіе образа невозможно. Я говорю о томъ, что естественно бываетъ при свѣтѣ и при надлежащемъ приближеніи предмета. Какъ не нужно принуждать глазъ открываться и смотрѣть на предметъ — такъ какъ онъ это дѣлаетъ естественно (какъ отъ природы стремится къ свѣту) и никогда не утомляется (только не слѣдуетъ запутывать его чрезмѣрнымъ множествомъ предметовъ) и не пресыщается видѣніемъ: такъ и духъ нашъ жаждетъ предметовъ; онъ постоянно горитъ желаніемъ и стремится смотрѣть⁹); онъ воспринимаетъ все, даже хватаетъ все, вездѣ неутомимо, пока предметы представляются ему одинъ за другимъ въ надлежащемъ порядкѣ;

а не запутываютъ его, представляясь заразъ въ чрезмѣрномъ множествѣ.

13. (Гармонія, какъ корень нравственности въ человѣкѣ). Что нравственная гармонія естественна для человѣка, это сознавали даже язычники, хотя они не зная другого даннаго Богомъ свѣта, вѣрнаго путеводаителя къ вѣчной жизни — эти искры (въ напрасномъ усиліи) выставляли факелами. Такъ Цицеронъ говоритъ: «нашему духу врождены зародыши добродѣтелей и еслибы они могли развиваться, то природа сама вела бы насъ къ счастливой жизни». Это слишкомъ много¹⁰). Нынѣ же какъ только появляемся на свѣтъ, мы находимся уже въ состояніи испорченности, такъ что мы какъ будто съ молокомъ матери всасываемъ въ себя заблужденія». (3 Тускул.). Что это именно такъ, что зародыши добродѣтелей врождены человѣку, это заключается изъ слѣдующихъ двухъ доказательствъ: во первыхъ, изъ того, что человѣкъ отъ гармоніи чувствуетъ удовольствіе¹¹), во вторыхъ, — что онъ въ самомъ себѣ съ внутренней и внѣшней стороны есть ничто иное, какъ гармонія.

14. (1. Отъ которой онъ чувствуетъ удовольствіе, именно во всѣхъ видимыхъ вещахъ, слышимыхъ и осязаемыхъ). Что человѣкъ чувствуетъ удовольствіе отъ гармоніи и ревностно къ ней стремится, это ясно. Кто не чувствуетъ удовольствія при видѣ стройнаго человѣка, красивой лошади, прелестной картины? Отъчего другого это, какъ не отътого, что соразмѣрность частей и красокъ заключаетъ въ себѣ пріятное? Это услажденіе глазъ вполне естественно. Я спрашиваю далѣе: на кого музыка не производитъ впечатлѣнія? и опять, почему это? Потому что гармонія звуковъ производитъ пріятное созвучіе. Кому не кажутся вкусными хорошо приготовленныя кушанья? Потому что надлежащее смѣшеніе вкусовъ пріятно раздражаетъ небо. Всякій

чувствует пріятность при умѣренныхъ градусахъ теплоты, при умѣренной прохладѣ, при умѣренномъ напряженіи и движеніи членовъ. Это потому, что для природы все умѣренное и соразмѣрное полезно, а все безмѣрное враждебно и губительно.

Также самыя добродѣтели мы цѣнимъ въ другихъ (также въ самыхъ добродѣтеляхъ) тѣ, что сами не имѣютъ добродѣтелей, удивляются имъ въ другихъ, такъ какъ считаютъ за возможное преподѣждать превратныя привычки); почему всякому не цѣнить и свои? Поистинѣ мы были бы слѣпы, еслибы не видѣли, что всякій изъ насъ имѣетъ въ себѣ корни гармоніи!

15. (2. Ее онъ находитъ въ себѣ самомъ — въ отношеніи тѣла). Но также самъ человѣкъ есть ничто иное, какъ гармонія, какъ въ отношеніи тѣла, такъ и въ отношеніи души. Какъ великій міръ изображаетъ собою удивительныя часы, которые такъ искусно сложены изъ множества колесъ и колокольчиковъ, что, возбуждая другъ друга, поддерживаютъ гармонію движеній во всемъ мірѣ: такъ и человѣкъ. Что касается тѣла, устроеннаго съ удивительнымъ художественнымъ чувствомъ, то здѣсь подвижное сердце служить источникомъ жизни и дѣйствій, изъ котораго другіе члены получаютъ движеніе и мѣру движенія. Тяжесть же, которая производитъ движеніе, есть мозгъ¹²⁾; онъ чрезъ посредство нервовъ, какъ нитей, заставляетъ остальные колеса (члены) двигаться и впередъ и назадъ. Различіе отправленій внутреннихъ и внѣшнихъ и есть соразмѣрное отношеніе движеній.

16. (Въ отношеніи души). Такимъ же образомъ въ движеніяхъ души роль главнаго колеса занимаетъ воля; причиняющія движеніе тяжести суть желанія и аффекты, толкающіе волю туда и сюда. Тормазъ, открывающій и закрывающій движеніе, есть разумъ, который измѣряетъ и опредѣляетъ, что гдѣ когда должно быть захвачено и отчего должно уклониться. Остальные движенія души подобны меньшимъ колесамъ, слѣдующимъ за большими. Потому когда на желанія и аффекты не давить слишкомъ большая тяжесть

и тормазъ, разумъ ловко открываетъ и закрываетъ, то не можетъ быть гармоніи и созвучія добродѣтелей, т. е. надлежащаго соединенія дѣятельности и страданія.

17. (Нарушенная гармонія можетъ быть восстановлена). Такимъ образомъ человѣкъ въ самомъ себѣ дѣйствительно есть ничто иное, какъ гармонія! Какъ о часахъ или музыкальномъ инструментѣ, сдѣланномъ руками опытнаго мастера, когда они испортились или разстроены, тотчасъ нельзя сказать, что они больше не годятся (вѣдь могутъ быть опять исправлены и настроены): такъ и о человѣкѣ, въ котораго чрезъ грѣхопаденіе вошла порча, нельзя утверждать, чтобы при помощи Божіей чрезъ извѣстныя средства нельзя было восстановить въ немъ первоначальное состояніе.

18. (3. Что корни религіи вложены въ человѣка, это доказывается 1. природою образа). Что корни религіи отъ природы вложены въ человѣка, это доказывается тѣмъ, что онъ образъ и подобіе Божества, а образъ имѣетъ сходство съ тѣмъ, кого изображаетъ; что сходное сходному радуется, это неизмѣнный законъ всѣхъ вещей (Екклес. 13, 18). Такъ какъ человѣкъ не имѣетъ никого подобнаго себѣ, кромѣ Бога, по образу котораго онъ созданъ, то отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ ничего, къ чему онъ могъ бы направлять свои желанія прежде, чѣмъ къ своему Первоисточнику, изъ котораго онъ самъ произошелъ, еслибы онъ Его только достаточно хорошо позналъ.

19. (2. врожденнымъ благоговѣніемъ передъ всѣми высшими существами). Это ясно видно также изъ примѣра язычниковъ, которые, не наставляемые Словомъ Божіимъ, по скрытному инстинкту природы познали Высшее Существо, хотя вмѣсто единого Бога ошибочно почитали многихъ боговъ: «Всѣ люди имѣютъ знаніе о богахъ и всѣ высшее мѣсто отводятъ одному извѣстному Божескому Существо», пишетъ Аристотель въ 1 книгѣ о небѣ, глав. 3. И Сенека говоритъ: Первое почитаніе боговъ состоитъ въ вѣрованіи въ нихъ,

затѣмъ въ приписываніи имъ величія и благодати и наконецъ въ признаніи того, что они владѣютъ міромъ, все держатъ въ своей власти и пекутся о поддержаніи человѣческаго рода (Письмо 96). Какъ мало это различается отъ того, что говоритъ апостоль (Евр. 11, 6): приходящій къ Богу долженъ вѣровать, что Богъ есть и ищущимъ Его воздаетъ.

20. (3. стремленіемъ къ высшему благу, (что есть Богъ). И Платонъ: Богъ есть высшее благо, возвышеннее надъ всѣмъ существующимъ и природою, къ которому все стремится (Пл. въ Тимеѣ). Это такъ рѣшительно справедливо (что Богъ есть высшее благо, къ которому все стремится), что Цицеронъ могъ сказать: первая учительница благочестія есть природа (I. о природѣ боговъ). Такъ какъ мы (какъ пишетъ Лактанцій въ 4 кн. 28 гл.) рождаемся подъ условіемъ, чтобы мы Богу, своему Виновнику, оказывали должное послушаніе, то мы должны заботиться о томъ, чтобы Его одного познавать, Ему одному слѣдовать. Черезъ этотъ союзъ благочестія мы соединены съ Богомъ и отсюда религія (означающая союзъ) получила свое названіе.

21. (Которое также чрезъ грѣхопаденіе человѣческаго рода не вполне изгладилось). Хотя и должно признаться, что естественное стремленіе къ Богу, какъ высшему Благу, чрезъ грѣхопаденіе было извращено и направлено на ложный путь, съ котораго никто своею собственною силою не могъ выйти на истинный путь, однако въ тѣхъ, кого Богъ снова просвѣтилъ Своимъ Словомъ и Своимъ Духомъ, оно настолько опять пробуждалось, что Давидъ могъ взывать къ Богу: когда я имѣю Тебя, то не спрашиваю ничего ни на небѣ, ни на землѣ, когда изнемогаетъ плоть моя и сердце мое, то Богъ твердыня сердца моего и часть моя вѣкъ (Пс. 72, 25, 26).

22. (Отговорка противъ стремленія къ благочестію придумывается съ забвеніемъ долга). Пусть никто не возражаетъ намъ указаніемъ на самую испорченность, когда мы предлагаемъ цѣлебныя средства противъ испорченности, ибо самъ Богъ чрезъ Своего Святаго Духа и чрезъ

подходящія средства старается содѣйствовать уничтоженію ея. Какъ у Новуходоносора, когда у него былъ отнятъ человѣческій разумъ и дано ему животное сердце, оставалась надежда на человѣческій духъ и даже на царское достоинство, когда онъ познаетъ власть неба (Дан. 4, 23), такъ и въ насъ, выброшенныхъ изъ рая деревьяхъ, остаются корни, которые, подъ вліяніемъ дождя и сіянія божественной благодати, снова могутъ пустить ростки. Развѣ Богъ тотчасъ послѣ грѣхопаденія и угрозы изгнаніемъ (смертнымъ наказаніемъ) не привилъ къ человѣческому сердцу новые отпрыски своей благодати общаніемъ благословеннаго сѣмени? не послалъ ли Онъ Сына Своего, чтобы чрезъ Него восстановить падшее?

23. (Также не должно вооружать стараго Адама противъ новаго). Постыдно, незаконно и явный знакъ неблагодарности, когда мы постоянно указываемъ на нашу порчу и умалчиваемъ о благодати — когда мы постоянно только ссылаемся на то, что сдѣлалъ въ насъ старый Адамъ, и не хотимъ знать, что сдѣлалъ новый Адамъ, Христосъ! Потому апостоль отъ имени себя и своихъ послѣдователей говорить: все могу въ укрѣпляющемъ меня Иисусѣ Христѣ (Фил. 4, 13). Если возможно, что черенокъ, привитый къ ивѣ, шиповнику или къ какому-нибудь другому дикому дереву, растетъ и приноситъ плоды: не нужно ли считать то же возможнымъ, когда онъ привитъ къ собственному корню? Обратите вниманіе на доказательство апостола въ посл. къ римл. гл. 12, ст. 24. Кромѣ того: если Богъ изъ камней могъ произвести дѣтей Аврааму, то неужели Онъ не можетъ побудить ко всякому добродѣлю людей, отъ начала созданныхъ дѣтьми Божиими, чрезъ Христа снова усыновленныхъ и возрожденныхъ духомъ благодати?

24. (Благодатию Божіею не должно пренебрегать, а съ достоинствомъ принимать ее). Остережемся отказываться отъ благодати Божіей, которую Онъ столь обильно на насъ изливаетъ! Если мы, соединенные со Христомъ вѣрою и духовнымъ братствомъ, за себя и за свое потомство будемъ отказываться отъ надежды войти въ царство Божіе, то какъ

Христосъ могъ сказать о дѣтяхъ, что ихъ есть царство небесное? или какъ Онъ могъ намъ указать на нихъ, когда сказалъ, что мы должны обратиться и быть какъ дѣти, если желаемъ войти въ царство небесное (Мѡ. 18, 3).

По какому праву апостоль дѣтей христіанъ, (также когда только одинъ изъ родителей былъ вѣрующимъ) могъ называть святыми или отрицать ихъ нечистоту (1 Кор. 7, 14))? Даже о тѣхъ, кто фактически были запутаны въ тяжкихъ порокахъ, апостоль дерзаетъ утверждать: такими были нѣкоторые изъ васъ; но омылись, но освятились, но оправдались именемъ Господа нашего Иисуса Христа и Духомъ Бога нашего (1 Кор. 6, 11). Потому можетъ ли казаться кому-нибудь невозможнымъ, когда мы дѣтей христіанъ (не первородство древняго Адама, а возрожденіе новаго, дѣтей Божіихъ, меньшихъ братьевъ и сестеръ Христа) призываемъ къ образованію и когда мы считаемъ ихъ способными воспринять въ себя сѣмя вѣчности? Мы не ищемъ плодовъ у дикой маслины, но вновь прививаемъ дереву жизни его вѣтви, чтобы онѣ, приросши къ нему, приносили плоды.

25. Такимъ образомъ, для человѣка естественнѣе, чтобы онъ сдѣлался мудрымъ, нравственнымъ и святымъ — что для него облегчается и благодатию Святаго Духа, — чѣмъ еслибы случайная порча задержала движеніе впередъ. Всякая вещь легко возвращается къ своей собственной природѣ.

(Заключеніе). И это и есть то, что говоритъ Писаніе: премудрость легко созерцается любящими ее и обрѣтается ищущими ея. Она даже упреждаетъ желающихъ познать ее; Съ ранняго утра ищущій ея не утомится, ибо найдетъ ее сидящею у дверей своихъ (Прем. Сол. 6, 12—14). Тоже самое заключается въ извѣстномъ выраженіи венувійскаго поэта¹³):

Никто такъ не одичалъ, чтобы его нельзя было обуздать;

Если только онъ охотно открываетъ свой слухъ для ученія и науки.

Глава VI.

Человѣкъ, чтобы быть человѣкомъ, долженъ получить образованіе.

1. (Сѣмя еще не есть плодъ). Какъ мы уже видѣли, природа даетъ сѣмена знанія, нравственности и религіи; самой науки, добродѣтели и религіи она не даетъ. Потому кто-то довольно удачно назвалъ человѣка «существомъ, подлежащимъ школенію»¹⁾, такъ какъ онъ можетъ быть человѣкомъ только будучи воспитанъ.

2. (Человѣку врождена способность къ наукамъ, а не самыя науки). Когда обратимъ вниманіе на познаніе вещей, то мы видимъ, что Богу свойственно знать все безъ начала, безъ продолженія и конца чрезъ одно простое возрѣніе, чего не дано человѣку и ангелу, такъ какъ они не имѣютъ безконечности и вѣчности, т. е. божественности. Достаточное отличеніе для ангеловъ и людей состоитъ въ томъ, что они получили пронизательный разумъ, чрезъ который могутъ наблюдать дѣла Божіи и собирать себѣ запасъ знаній. И объ ангелахъ извѣстно, что они учатся чрезъ возрѣніе (1 Петр. 1, 12; Ефес. 3, 10; 1 Цар. 22, 20; Іов. 1, 6), и потому ихъ знаніе, подобно нашему, есть опытное.

3. (Что человѣкъ долженъ быть воспитываемъ, это доказывается: 1. примѣромъ другихъ твореній). Потому никто пусть не думаетъ, что можно быть человѣкомъ, не учившись поступать по человѣчески. Это очевидно изъ примѣровъ всѣхъ твореній, которыя, назначенныя къ пользованію человѣку, не достигаютъ этого назначенія иначе, какъ если не будутъ приготовлены нашими же руками. Напр. камни даны намъ для того, чтобы служить къ построенію домовъ, башенъ, стѣнъ, колоннъ и т. д.; но они не служатъ къ тому до тѣхъ поръ, пока не будутъ сломаны, обтесаны и сложены нашими руками. Такъ

же служащiе украшенiемъ перлы и драгоцѣнныя камни рѣжутся и шлифуются людьми. Производимыя для отѣннаго употребленiя въ нашей жизни металлы выкапываются, плавятся, чистятся, различно переливаются и куются; безъ этого они мало намъ полезны. Изъ растений мы имѣемъ кушанья, напитки, цѣлебныя средства, однако такъ, что травы и зерна сѣются, полются, жнутыя, молотыя, мелятся и толкутся, деревья сажаются, обрѣзываются, унавоживаются, плоды собираются, сушатся и т. д. Еще больше требуется приготовленiя, когда они употребляются для производства цѣлебныхъ средствъ или на постройки. Животныя, отличающiяся жизнью и движенiемъ, повидимому, удовлетворяютъ самихъ себя, однако чтобы пользоваться ими для дѣла, къ которому они способны, необходимы приученiе и дрессировка. Лошадь отъ природы способна служить для войны, быкъ возить телѣгу, осель носить тяжести, собака сторожить и охотиться, соколь и перепелятникъ пригодны для птичьей охоты и т. д.; и однако если каждаго чрезъ упражненiе не приучать къ своему назначенiю, то годятся мало.

4. (2. самаго человѣка въ отношенiи его тѣла). Человѣкъ по своему тѣлу способенъ работать; однако мы видимъ, что ему прирождена одна только способность къ этому; для того, чтобы ходить, стоять, сидѣть, работать руками, онъ нуждается въ ученiи. Почему же нашъ духъ долженъ имѣть преимущество быть совершеннымъ безъ предварительнаго обученiя, когда для всѣхъ творенiй существуетъ законъ постепеннаго развитiя какъ въ отношенiи матерiи, такъ и въ отношенiи дѣйствиiй? Даже объ ангелахъ, стоящихъ ближе всего къ совершенству Божию, извѣстно, что они не все знаютъ, а постепенно достигаютъ познанiя удивительной премудрости Божiей, какъ мы на это уже указывали.

5. (Такъ какъ уже до грѣхопаденiя онъ нуждался въ упражненiи, то тѣмъ болѣе это необходимо нынѣ послѣ порчи). Ясно, что для человѣка уже въ раю было открыто училище, въ

которомъ онъ постепенно долженъ былъ дѣлать успѣхи. Ибо хотя у первыхъ людей, тотчасъ послѣ ихъ созданія, не недоставало ни прямой походки, ни языка, ни разума, но всетаки намъ изъ разговора Евы со Змѣемъ извѣстно, что у нихъ не было знакомства съ вещами, каковое знакомство вполнѣ получается отъ опыта, ибо Ева, если бы она была опытиѣ, не такъ легко просмотрѣла бы, что этому созданію способность языка несвойственна и что потому здѣсь скрывается лукавство. Тѣмъ больше, слѣдовательно, теперь въ состояніи испорченности должно имѣть значеніе правило, что всему должно учиться, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ отъ природы получаемъ чистое сознаніе, какъ неисписанную таблицу безъ умѣнія что-нибудь дѣлать, говорить, познавать, и такъ какъ все должно быть изучаемо отъ своихъ основаній. Но теперь это для насъ гораздо труднѣе, какъ было бы въ состояніи совершенства, такъ какъ для насъ не только вещи затемнены, но также языки запутаны³⁾ (такъ что вмѣсто одного нужно изучать много языковъ, если кто для учености хочетъ имѣть дѣло съ различными живыми и мертвыми людьми); также и родные языки сдѣлались много запутаннѣе и ничего намъ не прирождено.

6. (Примѣры показываютъ, что изъ чело-
вѣка безъ обученія получается дикое жи-
вотное). Имѣются примѣры, что люди, дѣтми по-
хищенные дикими животными и у нихъ выросшіе,
незнавшіе ничего кромѣ неразумныхъ существъ, не отличались
отъ животныхъ ни языкомъ, ни руками, ни ногами, прежде
чѣмъ нѣсколько обращались съ людьми. Я приведу нѣкоторые
примѣры. Около 1540 года въ одной Гессенской лѣсной де-
ревнѣ по небрежности родителей исчезъ трехлѣтній мальчикъ.
Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того видѣли крестьяне, что въ
стаѣ волковъ бѣжало живое существо, по виду отличное отъ
волковъ, четвероногое, а по лицупохо жее на челоуѣка; когда
рассказъ объ этомъ распространился изъ устъ въ уста, то
сельскія власти поручили имъ подстеречь, не можетъ ли какъ-
нибудь это существо быть захвачено живымъ. Оно было поймано

LXIII. О судахъ.

656. Когда двое о чемъ-либо ведутъ споръ, необходимо третьему стать между ними, который-бы покончилъ споръ, или примирилъ въ томъ, о чемъ спорять: иначе ссоры и споры будутъ безъ конца. 657. Итакъ или выбираютъ себѣ посредника, посредничество котораго одобряютъ обѣ стороны, или слѣдуютъ въ судъ и судятся по закону. 658. Кто противнику тяжбу предлагаетъ (пишетъ), то вызываетъ и обвиняетъ его у судьи (кромѣ дня неприсутственнаго) и осуждаетъ проступокъ. 659. По требованію стряпчаго обвиняемый приглашается въ судъ, выслушивается обвиненіе и оправданіе; а если заpiresя, призываются свидѣтели, и притомъ поклявшіеся, если авторитетъ самъ собою не достаточенъ. 660. Адвокатъ или ходатай не долженъ оставлять своего кліента (такъ какъ послѣдній принялъ его покровительство), но долженъ защищать, по справедливости, чтобы не назвали крючкотворцемъ. 661. Судья всячески долженъ избѣгать предубѣжденій, и, подкупленный подарками, не склоняться въ ту или другую сторону: но долженъ судить откровенно по яснымъ доводамъ. 662. Если есть засѣдатели, предсѣдатель долженъ собирать голоса, резюмировать ихъ точно и правдиво, чтобы виновные были приговорены, невинные оправданы. 663. Ибо приговоры и постановленія, сдѣланные съ общаго согласія, отмѣнять, отрѣшять и уничтожать неприлично. 664. Какъ только рѣшеніе суда опубликовано, тотчасъ-же должно быть произведено исполненіе; если осужденный не протестуетъ и не обращается къ высшему суду (апеллируетъ), гдѣ бываютъ: отсрочка, остановка и даже секвестрованіе дѣла. 665. Но отъ тяжущагося требуютъ поручительства, что явится (въ судъ). 666. Иногда дается отсрочка по ходатайству и за порукой поручителей, но кто въ чемъ ручался, долженъ сдерживать.

LXIV. О преступникахъ и наказаніяхъ.

667. Должно наблюдать за злодѣями и за раскрытые проступки налагать пеню, чтобы безнаказанность не обратилась въ всеволіе. 668. Для удержанія и обузданія виновныхъ служатъ розги, прутья, плети, кандалы, цѣпи, колодки, позорные столбы, остроги, тюрьмы, пытки, висѣлицы: чтобы преступники могли быть схвачены чиновниками и палачами, связаны, закованы, биты, бичеваны, пытаемы, истязуемы, или неисправимые даже казнены. 669. Именно: воровъ вѣшаютъ; прелюбодѣевъ обезглавливаютъ; убійць и разбойниковъ колесуютъ (нѣкогда ихъ распинали); отцеубійць, зашитыхъ въ мѣшокъ съ змѣями, потопляютъ; старыхъ волшебницъ (колдуній), чародѣекъ и поджигателей сжигаютъ на кострѣ; злыхъ (коварныхъ) клеветниковъ лишаютъ языка; блудницъ губятъ въ водахъ; распутныхъ

impudicis canterio stigmata inuruntur. 670. Colapho seu alapa caedi, ob quidvis contingit: talitrum jocosum est. 671. Supplicii mitigatio fit relegatione, vel proscriptione. 672. Exul in loco determinato exulabat, extorris vagabatur.

LXV. De statu regio.

673. Potestates esse omnium interest, ne potentior imbecillioem opprimat, sed cum unus rerum potitur, monarchia dicitur: (quanquam caesares collegas sibi legere soliti sunt). 674. Is, si ex legum praescripto regnat, rex est: si ex libidine (ut quod libet, liceat) etiam sub corona (*diademate*) sceptroque tyrannus. 675. Sedes ejus in metropoli est: ubi in solio sedet eburneo, bysso, (*sindone*) trabea acupicta, magnifice vestitus, aulicorum vero caterva stipatus. 676. Qui vel sunt consiliarii, vel praefecti: ut aulae magister, ensifer, dapifer, pocillator, magister stabuli, cancellarius, (suos amanuenses habens) secretarius, cubicularii atrienses, celeres (*a pedibus*). 677. Aliorsum legant vicarios, satrapas, quaestores, publicanos et legatos, qui diplomate regio instructi res gerunt. 678. In defunctorum locum substituuntur (*sufficiuntur, surrogantur*) alii, qui successores dicuntur. 679. Regiae aulaeis et tapetibus picturisque refulgent, et personant musica. 680. Geronones, moriones, parasiti (*Gnathones*) et sycophantae, aularum appendices sunt: eunuchorum usus desuevit (*obsolevit*). 681. Majestas invidiae obnoxia est: sed clementia praesidii vice erit. 682. Non tam principem satellites tutantur, nec tam locupletant fisci reditus, aut repositus thesaurus (*gaza*) quam subditorum amor. 683. Angariis igitur censibus et exactionibus ne exhauriantur: congiariis potius et donativis (*donariis*) demulceantur (*deliniantur*). 684. Imperandum sic populo, ut illi parere lubeat: obsequia coacta, periculosa sunt.

LXVI. De regno et regione.

685. Regnum est, ubi sunt liberi status, statutorum vinculo inter se colligati. 686. In arduis negotiis concientur comitia, sed e proceribus (*optimatibus*) comitibus, baronibus, et equestri ordine: rustici non intersunt; ruri occupantur, et suis pagi magistris obsecundant. 687. In territorio suo quilibet magistratus sancire potest, quod vult: sed velle non debet, nisi quod publice expediat. 688. Dicio (*dominium*)

клеятъ горячимъ желѣзомъ. 670. Получить за что либо ударъ или пощечину-случается; щелчокъ дается въ шутки. 671. Смягченіемъ наказанія служить изгнаніе или ссылка. 672. Ссылный живетъ на опредѣленномъ мѣстѣ; изгнанникъ же скитается.

LXV. О царскомъ санѣ.

673. Всѣмъ важно, чтобы были власти, дабы сильнѣйшій не притѣснялъ слабѣйшаго; и когда одинъ управляетъ всѣмъ, то это называется единодержавіемъ (хотя государи обыкновенно избирали себѣ товарищей). 674. Тотъ, кто управляетъ по предписаннымъ законамъ, будетъ государь; если по прихоти (чтобы возможно было все, что захочется), даже если онъ подъ короной (діадемой) и со скипетромъ, будетъ тираннъ. 675. Онъ живетъ въ столицѣ, гдѣ сидитъ на тронѣ изъ слоновой кости, великолѣпно одѣтый въ виссовъ и вышитое одѣяніе, окруженный толпою придворныхъ. 676. Послѣдніе или совѣтники, или начальники, какъ-то: начальникъ дворца, хранитель меча, кравчій, виночерпій, смотритель конюшни, канцлеръ (имѣющій своихъ писцовъ), секретарь, спальники, сторожа, слуги. 677. Въ другіе мѣста назначаютъ намѣстниковъ, областныхъ правителей, казначеевъ, сборщиковъ податей, сборщиковъ таможенныхъ пошлинъ, посланниковъ, которые отправляютъ дѣла, уполномоченные царскою грамотою. 678. На мѣсто выбывшихъ назначаютъ другіе, которые называются преемниками. 679. Царскіе дворцы блистаютъ обоями, коврами и картинами и оглашаются музыкой. 680. Шуты, скоморохи, блюдолизы, дармоѣды, льстецы — принадлежность дворцовъ: евнухи вышли изъ употребленія. 681. Царскій санъ подверженъ зависти, но милосердіе служитъ защитой. 682. Не столько охраняютъ государя тѣлохранители, не столько обогащаютъ государственные доходы или собранныя сокровища, сколько любовь подданныхъ. 683. Поэтому послѣдніе не должны быть истощаемы общественными работами и налогами, но ласкаемы щедротами и подарками. 684. Управлять народомъ надо такъ, чтобы ему пріятно было слушаться: вынужденное послушаніе опасно.

LXVI. О государствѣ и мѣстности.

685. Государствомъ будетъ, гдѣ находятся свободныя сословія, связанныя между собой законами. 686. При важныхъ обстоятельствахъ созываются собранія, но изъ знатныхъ: графовъ, бароновъ и рыцарей: крестьяне не присутствуютъ; они работаютъ на поляхъ и слушаются своихъ старостъ. 687. Въ своей области какія угодно власти могутъ постановлять, что желаютъ; но они не должны желать иного, какъ что будетъ имѣть общую пользу. 688. Областью (вла-

est, ubi quis dominatur: districtus, ubi jurisdictionem habet: provincia, quam devicit. 689. Gentes finitimae de confiniis et limitibus contendunt plerumque: sed si limitent et paciscantur, foedus, est: quod per juri temerant violentaque.

LXV. 0

LXVII. De pace et bello.

690. Pacatus status optatissimus est: sed aliquando nisi vi armorum retineri nequit. 691. Si quidem turbatores clandestinas factiones et conspirationes disseminant, et cum conjurarunt, tumultos et seditiones concitant; quae nisi sedantur, bella intestina erunt. 692. Hostis externus, externe irrumpit: adversus quem bello defensivo opus. 693. Quod per facialem denunciatur, aut per caduceatorem pax petitur, si quis se imparatum, aut hostili potentiae imparem, arbitratur. 694. Imbellis nequicquam bellare (*belligerare*) praesumet. 695. Apparatus enim bellicus multa deposcit, militem (qui scribendus, armandus, lustrandus) commeatum, confederatorum auxilia, dapsilesque sumtus. 696. Mature ergo stips cogenda, sicut et victualia: et praestandi, qui erogant. 697. Tum congregandus et ordinandus exercitus, per legiones, cohortes, vexillationes, turmas: praeficiendique decuriones, centuriones, magistri equitum, tribuni; omnibus denique imperator. 698. Tirones intermiscantur veteranis, volones et dimachae peditatui vel equitatui se agglomerant, lixae calones et caculae ob servitia adsciscuntur. 699. Armaturae satis erit, si tectus sis lorica, galea (*casside*) scuto seu clypeo (*ancili, parma, pelta vel cetra*) instructus vero quibus dimices. 700. Classis navalis etiam uncos (*harpagines*) hamasque poscit. 701. Gladius accingitur, vel balteo appenditur, ut e vagina stringatur promptius, evaginatuseque recondatur capulo tenus. 702. Sagittarii e pharetra sagittas promere, arcum nervo tendere, ingruentesque proteolare, consuescant. 703. Sclopetarii sclopeto nitrato pulvere onerent, post displodant: sed ad scopum prorsus collimantes. 704. Expeditione suscepta, castra metari, tentoria paxillis figere, munitionibus sese valare, et excubiis circummunire opus est. 705. Emittendi subinde (sive armati, sive inermes) speculatores et exploratores, quorum in militia insignis usus est: ut et tesserae (*symboli*) qua sui se recognoscunt. 706. Excursionibus pabulationis causa fiunt, non sine populatione. 707. Induciae si panguntur, dantur obsides. 708. Ad praelium eductae copiae, vel in cuneum coguntur, vel in phalangem alis munitam. 709. Vexilla in medio ferunt signiferi: quos antesignani cum spathis (*romphacis*) praecedunt. 710. Tympanistae et tibicines classicum canentes,

дѣніемъ) будетъ, гдѣ кто управляетъ; округъ, — гдѣ имѣеть судъ; провинція — земля, которую покорилъ. 689. Сосѣдніе народы часто сеорятся изъ за границъ и рубежей; но если размежуются и договорятся, то будетъ союзъ: его вѣроломные нарушаютъ и преступаютъ.

LXVII. О мирѣ и войнѣ.

690. Мирное состояніе самое желательное, но иногда можетъ быть удержано только силой оружія. 691. Такъ, если мятежники распространяютъ тайныя общества, заговоры и, когда сговорятся, поднимаютъ смуты и возстанія; если ихъ не подавить, произойдутъ междоусобныя войны. 692. Внѣшній врагъ вторгается извнѣ; противъ него нужна оборонительная война. 693. Войну объявляютъ черезъ феціала или черезъ посла ищутъ мира, если кто считаетъ себя неприготовленнымъ или неравнымъ силѣ врага. 694. Невооруженный не долженъ начинать войны, 695. такъ какъ военныя приготовленія требуютъ многого: воиновъ (они должны быть набраны, вооружены и обучены), припасовъ, помощи союзниковъ и большихъ издержекъ. 696. Поэтому нужно заранѣе собирать деньги и припасы и назначить подходящихъ людей, которые бы выдавали. 697. Потомъ нужно собирать войско и раздѣлить его на полки, роты, отряды, взводы; начальствуютъ надъ ними десятники, сотники, начальники всадниковъ, трибуны и, наконецъ, надъ всѣми главнокомандующій. 698. Новичковъ размѣщаютъ между ветеранами; добровольцы вступаютъ въ пѣхоту или конницу; для услуженія принимаются слуги, погонщики и конюхи. 699. Ты будешь достаточно вооруженъ, если будешь облеченъ въ латы, шлемъ (каска), щитъ, и будешь обученъ, какъ биться. 700. Морской флотъ требуетъ также крюковъ и багровъ. 701. Мечомъ опоясываются или привѣшиваютъ его на перевязи, чтобы легче можно было вынуть изъ ноженъ и вложить опять по рукоятку. 702. Стрѣлки должны умѣть вынимать стрѣлы изъ колчана, натягивать лукъ за тетиву и отражать нападающихъ. 703. Мушкетеры должны заряжать свои ружья порохомъ, затѣмъ стрѣлять, но мѣтя прямо въ цѣль. 704. Когда предпринять походъ, нужно разбивать станъ, составить при помощи кольевъ палатки, окружаться укрѣпленіями и ограждаться часовыми. 705. Нужно также разсылать (вооруженныхъ или невооруженныхъ) шпионовъ и лазутчиковъ, нужда въ каковыхъ на военной службѣ очень велика; также имѣть пароли, по которымъ свои узнавали-бы своихъ. 706. Набѣги производятся для корма и не безъ опустошенія. 707. Когда дѣлается перемиріе, выдаются заложники. 708. Выведенныя на сраженіе войска строятся или угломъ или квадратомъ, укрѣпленнымъ по флангамъ. 709. Знаменоносцы несутъ въ серединѣ знамена, имъ предшествуютъ съ мечами защитники знаменъ. 710.

tubarum et lituorum ingeminato clangore, atque tympanorum strepitu, ad alacritatem incendunt. 711. Velites usitate pugnae faciunt initium velitando, mox concurritur agmine toto et pugnatur; 712. Eminus quidem lapides fundis et catapultis, tela balistis, glandes bombardis et tormentis, jacula (*spicula missilia*) amentis, ejaculando; 713. Cominus autem, sarissis et lanceis mucronatis (*cuspidatis*) hastisque et bipennis, magno nisu vibratis transverberando, caestibus, clavis, acilidibus et calis proturbando; frameis et pugionibus pungendo et confodiendo; ensibus, acinacibus et sicis caedendo. 714. Fit strages cruenta, cadunt promiscue hinc et hinc, ejulatu et boatu horrendo (*tremendo*). 715. Conflictu durante succenturiati (nisi receptui canatur) ex insidiis supervenientes a tergo adoriuntur (*invadunt*), aciem disturbant, fugant, insectantur, trucidant. 716. Illi terrore perculsi, partim se dedunt aut capiuntur, partim fugiunt et dispersi palantur. 717. Civitas rebellis et arx, castrumve, quo se clade affecti et profligati receperunt, obsidetur, undique circumvallatur, machinis bellicis oppugnatur. (718. Obsessi, si erumpant, repelluntur, et impetu majore debellantur). 719. Expugnata ante ultroneam deditionem (urbs) diripitur; aliquando et aboletur, ad interneccionem exciditur, desolatur et evertitur. 720. Munimenta, si quae antea fuerunt occupata, recuperantur. 721. Victores spoliis et manubiis onusti, trophaeis erectis, ovantes et paeana canentes, cum triumpho redeunt. 722. Ubi strenui ob heroica facinora insignibus condecorati nobilitantur, proditores turbarumque autores plectuntur, transfugae et desertores multantur, saucii sanantur, captivi redimuntur aut permutatione liberantur. 723. Ad extremum stipendiis (quantum quisque meruit) exsolutis, miles exautoratur atque exarmatur, emeriti rude donantur, qui pro patria occubere, adorea afficiuntur.

LXVIII. De schola et institutione.

724. Quoniam literati ad omnia habiles esse, idiotae vice versa parum societati humanae conferre deprehenduntur, scholis, ubi rudes erudiantur, opus est. 725. At hae non sunt, ut fatui opinantur, carnificinae, sed ludus: dummodo discipulus docilis callidum cordatumque nanciscatur praeceptorem. 726. Ille enim si discit sponte, percontatur (*quaerit*) avide et auscultat attente; hic si docet lubenter, informat provide, uterque habet eximium delectamentum. 727. Quod et rectores, et ludimagistrorum adjutores paedagogi, atten-

Барабанщики и трубачи, подавая сигналы, соединеннымъ звукомъ роговъ и трубъ и трескомъ барабановъ возбуждаютъ къ смѣлости. 711. Обыкновенно въ сраженіи начало дѣлаютъ легковооруженные стычкой; скоро сталкиваются всѣ войска и завязывается битва. 712. Издали бросаютъ камни пращами и катапультами, стрѣлы — балистами, пули — пушками и орудіями, конья — ремнями. 713. Вблизи бьются острыми рогатинами, пиками, копьями, бердышами, размахиваясь съ большою силою; отбиваются щестами, палицами, дротиками; рапирами и кинжалами колютъ и пронзаютъ; рубятъ мечами, саблями и кортиками. 714. Происходитъ кровопролитіе, падаютъ повсюду — здѣсь и тамъ, при страшныхъ вопляхъ и крикахъ. 715. При жестокой сѣчѣ, скрытые (если не дается сигналъ къ отступленію), выйдя изъ засады, нападаютъ съ тыла, смѣшиваютъ строй, обращаютъ въ бѣгство, преслѣдуютъ и рубятъ. 716. А тѣ, объятые страхомъ, одни сдаются, другихъ берутъ въ плѣнъ, третьи бѣгутъ и, разсѣявшись, блуждаютъ. 717. Возмутившійся городъ, крѣпость или лагерь, гдѣ укрылись потерпѣвшіе поражение и разбитые, осаждаютъ, со всѣхъ сторонъ окапываютъ и штурмуютъ военными машинами. 718. (Если осажденные дѣлаютъ вылазки, ихъ отбиваютъ и нападаютъ на нихъ съ большою стремительностью). 719. Городъ, взятый прежде добровольной сдачи, предають грабежу; иногда разрушаютъ, предають избиенію, опустошаютъ и разоряютъ. 720. Укрѣпленія, которыя были раньше захвачены, отвоевываютъ. 721. Побѣдители, обремененные грабежомъ и добычею, съ поднятыми знаменами, ликуя и распѣвая пѣсни, возвращаются съ триумфомъ. 722. Здѣсь доблестныхъ, за геройскіе подвиги, жалуютъ дворянскими гербами; измѣнниковъ и бунтовщиковъ наказываютъ; бѣглецевъ и перебѣжчиковъ штрафуютъ; раненныхъ лѣчатъ, плѣнныхъ выкупаютъ или обмѣниваютъ. 723. Наконецъ, когда выдано жалованіе (сколько кто заслужилъ), воиновъ отпускаютъ и разоружаютъ; выслужившіе получаютъ отставку, а тѣмъ, которые легли за отечество, воздаютъ почести.

LXVIII. О школь и воспитаніи.

724. Такъ какъ находятъ, что образованные способны ко всему, а невѣжественные, наоборотъ, мало полезны человѣческому обществу, то нужны школы, гдѣ бы обучались необразованные. 725. Но онѣ не мучилища, какъ думаютъ глупцы, а мѣсто игръ, только бы понятливый ученикъ получилъ умнаго и преданнаго учителя. 726. Ибо если ученикъ желаетъ учиться, онъ жадно спрашиваетъ и внимательно слушаетъ; если учитель охотно обучаетъ, предосмотрительно руководитъ, оба имѣютъ чрезвычайное удовольствіе. 727. Это да замѣтять и ректоры и помощники школьныхъ

dant. 728. Adjungenda tamen est institutioni disciplina (id est, censura et ferula), ne vel dissolutio vel desidia surrepat. 729. Qui monita non moratur vapulet. 730. Cathedra docentis est, subsellia discentium. 731. Calamo (cujus crena scalpello temperatur) scribimus in charta vel membrana, stylo (*graphio*) in pugillaribus (*codicillis*), ut expungi possit. 732. Quod formator dictat, tu calamo excipe, ille vero mendas commonstrans emendabit, si quid vitiose positum; ut quod dedocet, dediscas. 733. Memoriae quod mandare vis, relege frequenter, non cursim, obiter et perfunctorie, sed rebus intentus, inhaerebit. 734. Repetitio tacita est, recitatio clara, examen quotidianum vel extraordinarium. 735. Si feliciter proficere vis, quicquid modo comprehendisti, statim alteri enarra. 736. Decet enim te praemonstrantem studiose imitari, condiscipulos certatim aemulari. 737. E trivialibus (scholis) gradatim promovemur ad gymnasia, inde in academias; quae bacca-laureos, magistros et doctores creant.

LXIX. De museo.

738. Idoneus musis locus solitarius est, a turba remotus, ubi studiosus bibliothecam, pulpitum, atramentarium (cum calamario cultelloque scriptorio) habebit. 739. Libellos munde tractet, quos non plurimos habebit, sed selectos. (740. Quorsum enim numerosa et in tomos divisa volumina, quorum indices vel catalogum vix perlegit possessor?) 741. Lituris ne maculet: asteriscis ad marginem notatis reminiscantiam nemo sublevare vetat, quin consultum est. 742. Si quid incidit, evanescere non patieris, annota protinus, non in rejectaneas schedas, sed in palimpsestum, indeque in diarium vel adversaria, quae penes te, aut in promptu habe. 743. Lucubranti ad lychnum, cereus prae sebacea candela conducit, cui accendendo igniarium cum fomite adsit. 744. Tædæ fumant et fumigant. 745. Candelabrum sit pensile, umbraculum viride, emunctorium praesto, quo emunge, ne ellychnium obumbret; sed illud, ne quid sordidetur, sepone. 746. Proditurus lucernam absque laterna ne feras, facibus (*faculis*) non fidendum.

LXX. De grammatica.

747. Grammaticus literas orthographice (majusculis sola periodorum capita et emphatica) pingit, syllabas copulat, dictiones (*vocabula*)

ИЛІАДА.

(См. «Гимназія» кн. LXV).

Пѣснь вторая.

(Продолженіе).

Віотянъ вели: Пинелей, Ліитъ, Аркесилай, Прооиноръ
и Клоній; въ Ирїи жили они да въ Авлидѣ скалистой, 495
Схинѣ, Сколѣ, Етеонѣ ущелистомъ, Фесіи, Греѣ, Микалисѣ
пространномъ; а также, что жили при Армѣ, Илесіи,
Ериерахъ; также и тѣ, что были въ Елеонѣ, Илѣ, Пе- 500
теонѣ, Окалеѣ, Медеонѣ—доброжитномъ городищѣ, а также
въ Копахъ, Евтрисѣ, многогорличной Фисвѣ, въ Короніи
и травянистомъ Алиартѣ. Были и тѣ, что жили въ Платеѣ,
Глисантѣ, въ крѣпкомъ городищѣ Подъ-Фивахъ, въ свя- 505
щенномъ Онхистѣ — славной Посидоновой рошѣ, а также
въ Арнѣ многовиноградной, въ Мидіи, въ Нисѣ боже-
ственной, въ крайнемъ Анейдонѣ. Ихъ пришло пять-
десять судовъ, а въ каждомъ было сто двадцать мужей 510
віотійскихъ.

Тѣ, что жили въ Асплидонѣ и Орхоменѣ Минійскомъ,
тѣхъ вель Аскалафъ съ Галменомъ, Арея сыны; родила
ихъ Астіоха, дѣва стыдливая, въ домѣ Актора Азида отъ бога 515
Арея въ покояхъ высокихъ и тайно съ нимъ сочеталась.
Съ ними шло тридцать глубокихъ судовъ.

Фокеянъ вели Схедій и Епистрофъ, сыновья Ифита

великой души, Науволида. Они Кипариссъ занимали, ска-
 520 листый Пиѳонъ, Крису священную, Давлиду и Панопей, а
 также Анеморію, Іамполь, и тѣ, что въ Лилеѣ селились
 при истокахъ Кефиса. Съ ними шло 40 черныхъ судовъ.
 525 Они фокеецъ ряды уставляли заботливо, вооружая на
 лѣвой сторонѣ около віотянъ.

Локровъ вель скорый Аяксъ Оилеевъ, меньшій, не
 такой, какъ Аяксъ Теламоновъ; былъ онъ гораздо меньше.
 530 Былъ малъ, льянопанцырный, но копьемъ отличался надъ
 всѣми ахейцами и еллинами. А локры жили въ Кинѣ,
 Опунтѣ, Калиарѣ, Виссѣ, Скарфѣ, Авгіяхъ веселыхъ,
 Тарфѣ и Өроніи около истоковъ Воагрія. Ихъ было сорокъ
 535 черныхъ судовъ, отъ локровъ, живущихъ за Еввіей свя-
 щенной.

А тѣ, что въ Еввіи жили, гнѣвомъ дышущіе Аванты,
 а также въ Халкидѣ, Еретрії и въ многовиноградной
 Истіеѣ, въ Кириноѣ приморскомъ, въ высококомъ городѣ
 540 Діѣ, Каристѣ и Стирѣ, — тѣхъ вель Елефиноръ, отрасль
 Арея, Халкодонтидъ, вождь великодушныхъ авантовъ;
 за нимъ шли быстрые аванты, войны съ косою назадъ,
 желавшіе крѣпкими ясеневыми копьями разрывать пан-
 545 цыри на груди противниковъ. За нимъ шло сорокъ чер-
 ныхъ судовъ.

Тѣ, что жили въ Аѳинахъ, доброданномъ городѣ, и
 области Ерехоея, великаго сердца, коего нѣкогда Аѳина
 вскормила дочь Зевса, а родила живодарная Пашня, и
 550 утвердила въ Аѳинахъ въ своемъ тучномъ храмѣ, гдѣ
 ублажаютъ его быками, баранами аѳинскіе мужи, съ
 теченіемъ годовъ, — этихъ вель Менесоей Петеевъ. Съ
 нимъ ни одинъ смертный мужъ не равнялся въ устройствѣ
 555 коней и мужей щитоносныхъ; Несторъ одинъ состязался,
 но былъ гораздо старше годами. За нимъ пятьдесятъ чер-
 ныхъ судовъ шло.

Аякъсь велъ изъ Саламина двѣнадцать судовъ и поставилъ ихъ тамъ, гдѣ стояли фаланги аѳинянъ.

Тѣ, что въ Аргосѣ жили, въ крѣпкостѣнномъ Тиринѣ, Ермионѣ и Асинѣ, при глубокомъ заливѣ лежащихъ, 560
въ Тризинѣ, Ионахъ, въ Епидаврѣ виноградномъ, а также въ Эгинѣ, Маситѣ,—этихъ ахейскихъ мужей велъ славный воинскимъ кликомъ Діомидъ съ Сѳенеломъ, милымъ сыномъ Капанея знаменитаго, а третій съ ними шелъ Евріаль, 565
мужъ богоравный, сынъ Микистея царя Таланида; но всѣми Діомидъ управлялъ, славный воинскимъ кликомъ. Съ ними шло восемьдесятъ черныхъ судовъ.

Тѣ, что въ Микенахъ жили, доброданной оградѣ, а также въ богатомъ Коринѣ, въ доброданнхъ Клеонахъ, Орнеяхъ, веселой Агеѳирѣ, въ Сикіонѣ, гдѣ впервые Адрасть воцарился, въ Иперисіи, высокой Гонозѣ, Пеллинѣ, Эгіи, по всему побережью (Эгіалу) и около широкой 575
Елики,—тѣхъ сто кораблей велъ сильный Атридъ Агамемнонъ. За тѣмъ шло людей наибольше наилучшихъ, и самъ онъ блестящую мѣдь надѣвалъ и гордился, предъ всѣми отличался героями, какъ былъ наилучшій и людей велъ 580
наибольше.

Тѣ, что жили въ глубокомъ извилистомъ Лакедемонѣ, Фарисѣ, Спартѣ, многогорличной Мессѣ, въ Врисеяхъ, Авгіяхъ веселыхъ, а также Амиклахъ, Елосѣ, приморской оградѣ, а также около Лааса, Итила, — тѣхъ велъ 585
братъ его, славный воинскимъ кликомъ Менелай, шестьдесятъ кораблей; но они отдѣльно стояли. Самъ Менелай ходилъ между ними, на храбрость свою полагаясь: въ войнѣ побуждалъ; и очень желалъ онъ въ сердцѣ отметить 590
за труды и лишенія ради Елены.

Тѣ, что въ Пилосѣ жили, веселой Аринѣ, Оріи, около теченья Алфея и въ доброданномъ Эписѣ, а также Кипариссіантѣ, Амфигеніи, Птелеѣ, Елосѣ, Доріи, гдѣ музы 595

встрѣтились съ Фамирисомъ оракомъ и отняли голосъ, когда изъ Ихаліи шель отъ Еврита Ихалійскаго, — такъ какъ хвалился, что побѣдитъ, даже если съ нимъ пѣть будутъ музы, дочери Зевса эгиднаго, и тѣ прогнѣвались и
 600 изувѣчили и божественный отняли голосъ, лишили и знанья кивары, — этихъ вель Несторъ, конникъ почтенный, и подъ нимъ стояло девяносто глубокихъ судовъ.

Тѣ, что въ Аркадіи жили, подъ высокой горой Киллины, около могилы Эпита, мужи рукопашцы, а также жившіе въ Фенеѣ, многостадномъ Орхоменѣ, Ригѣ, Стратіи, вѣтристой Ениспѣ, Тегеѣ, веселой Мантинеѣ, Стимфалѣ, Паррасіи, — тѣхъ вель Анкея сильный сынъ Агапиноръ,
 610 шестьдесятъ судовъ, и въ каждомъ много было аркадянъ умѣвшихъ сражаться, такъ какъ далъ имъ суда доброснастные плыть по темному морю самъ царь Агамемнонъ; самихъ ихъ морскія дѣла не заботили.

Тѣ, что жили въ Вупрасіи въ Илідѣ священной, а также сколько въ себѣ заключаетъ Ирмина, Мирсина послѣдняя, скала Оленийская, Алисій, — у этихъ было четыре вождя и за каждымъ вождемъ шло десять быстрыхъ
 620 судовъ; въ судахъ было много епеянъ. Ихъ вели Амфимахъ и Фалпій, сыны — тотъ Ктеата, а этотъ Еврита, Актора внуки; другихъ вель сильный Діоръ Амаринкидъ; четвертый былъ вождь Поликсенъ боговидный, сынъ Агасоена царя, внукъ Авгея.

Тѣ, что изъ Дулихія и великихъ острововъ Ехинадскихъ, что стоятъ по ту сторону моря, противъ Илиды, — тѣхъ вель Мегить, подобный Арею Филидѣ, сынъ богомилаго конника Филея, что нѣкогда въ Дулихію переселился, разгнѣвавшись на отца. За нимъ шло сорокъ черныхъ судовъ.
 630

Одиссей вель кефалинянъ великодушныхъ, что жили въ Итакѣ и Ниритѣ многолиственномъ, а также Кро-

килеѣ, Эгилипѣ гористомѣ, а также въ Закинѣѣ, Самѣ и 635
вдоль берега и за берегомъ. Всѣхъ ихъ вель Одиссей,
по уму равный Зевсу, и съ нимъ шло двѣнадцать судовъ
краснощекихъ. 639

Θоантъ, сынъ Андромена, этоловъ вель, что жили 640
въ Плевронѣ, Оленѣ, Пилинѣ, Халкидѣ приморской и
Калидонѣ скалистомъ, такъ какъ не были живы сыны
Инея великой души, не было и его самого, умеръ и
Мелеагръ свѣтлорусый, и Θоанту поручено было царство- 645
вать надъ всѣми этолами. За нимъ шло сорокъ черныхъ
судовъ. 649

Идоменей, копейщикъ славный, вель критянь, что 645
въ Кносѣ жили, крѣпкостѣнной Гортинѣ, Ликтѣ, Милитѣ,
свѣтломъ Ликастѣ, Фестѣ и Рити, городахъ доброжитныхъ,
и съ ними другихъ, что Критъ населяли стоградый. Ихъ 650
вель Идоменей, копейщикъ славный, и съ нимъ Меріонъ,
подобный Еніалію мужеубійцѣ. Съ ними шло восемь-
десять черныхъ судовъ. 654

Тлиполемъ Ираклидъ, красивый, высокій, изъ Родоса 655
вель девять судовъ родосцевъ гордыхъ, что въ Родосѣ
жили, дѣлились на трое: Линдъ, Іалисъ и свѣтлый Ка-
миръ. Ихъ вель Тлиполемъ, славный копейщикъ, рожденный
Астіохіей для силы Иракла, а Астіохію изъ Еѳиры Иракль 660
вывелъ отъ рѣки Селліента, разрушивъ много твердынь сча-
стливыхъ смертныхъ. А Тлиполемъ, какъ только подросъ
въ своемъ доброданномъ чертогѣ, тогда же дядю убилъ
отца своего, престарѣлаго Ликимнія, отрасль Арея, а за- 665
тѣмъ снарядилъ плоты, набралъ много народа и бѣжалъ
въ море, какъ ему пригрозили другіе сыновья и внуки,
отъ силы Иракла; и вотъ онъ, скитаясь, къ Родосу присталъ,
послѣ тяжкихъ страданій. Тамъ они поселились тремя 670
племенами, были возлюблены Зевсомъ, царемъ надъ людьми
и богами, и Зевсъ несмѣтно на нихъ богатства излилъ. 675

Нирей изъ Симы привелъ три прекрасныхъ судна; Нирей былъ сынъ Харона царя и Аглаи; Нирей былъ красивѣе всѣхъ межъ данаями, что пришли къ Иліону, послѣ безпорочнаго Пилеева сына; но самъ былъ без-
675 сильный и за нимъ шло мало народа.

Тѣ, что въ Нисирѣ жили, Крапаѳъ, Касѣ, Косѣ, городѣ Еврипила, и на островахъ Калиднахъ,—этихъ вели Фидишъ и Антифъ, сыновья Ѡессала царя Ираклида. За
680 ними шло тридцать глубокихъ судовъ.

Тѣхъ опять, что жили въ Аргосѣ Пеласгійскомъ, а также въ Алѣ, Алопѣ, Трихинѣ и также въ Фтіи, въ Елладѣ, гдѣ жены красивы, тѣхъ, что звались мирмидоны, еллины, ахеи, — тѣхъ велъ пятьдесятъ судовъ вождь
685 Ахиллъ; но теперь о войнѣ убійственной они и не думали, такъ какъ некому было въ ряды ихъ поставить: дивный Ахиллъ быстроногій лежалъ при судахъ, негодуя за дѣву Бризеиду съ прекрасной косой. Ее онъ изъ Лирнеса вывезъ, много при томъ трудился, разрушилъ Лирнесъ, стѣны Ѡивы, Минита убилъ и Епистрофа, славныхъ копейщиковъ, Евина сыновъ, царя Селипіада. За нее то онъ гнѣвался и лежалъ, но скоро былъ
690 долженъ встать снова.

Тѣ, что жили въ Филакѣ и Пирасѣ цвѣтистомъ, въ удѣлѣ богини Димитры, въ Итонѣ, матери стада, приморскомъ Антронѣ, Птелѣ травянистомъ, — тѣхъ велъ Протесилай войнолюбивый, пока былъ живъ; теперь же его
700 держала земля черная. Отъ него осталась въ Филакѣ супруга печальная, домъ неоконченный, а убилъ его дарданскій мужъ, когда первѣе всѣхъ изъ ахеянъ онъ прыгнулъ съ судна. Но тѣ не были безначальны, хотя о вождѣ тосковали; строилъ ихъ Подаркъ, отрасль
705 Арея, сынъ Ификла многостаднаго, Филака внука, родной братъ Протесилая великодушнаго, но младшій рожденьемъ.

Тотъ былъ старше и сильнѣе, герой Протесилай воинственный. И люди въ вождѣ не нуждались, хотя тосковали о славномъ героѣ. За нимъ шло сорокъ черныхъ судовъ. 710

Тѣ, что въ Ферахъ жили, около озера Вивиды, въ Вивѣ, Глафирахъ и доброжитномъ Іолкѣ, — тѣхъ вель одиннадцать судовъ милый сынъ Адмита Евмилъ; онъ родился Адмиту отъ дивной жены Алкестиды, дочери Пелія, вѣдомъ прекраснѣйшей. 715

Тѣ, что въ Миѳонѣ жили, Фавмакии, Мелевеѣ, Олизонѣ гористомъ, — тѣхъ вель семь судовъ Филоктить, отлично знавшій стрѣльбу; гребцовъ же на каждое судно вступило пятьдесятъ, хорошо знавшихъ лукомъ сражаться. Но теперь Филоктить лежалъ на островѣ въ тяжкихъ страданьяхъ, на Лимнѣ священномъ, гдѣ его оставили сыны ахейнъ въ мученьяхъ раны злой отъ гидры, мыслящей смертию. Тамъ онъ лежалъ и стоналъ, но скоро вспомнить аргивцы должны Филоктета царя при судахъ черныхъ своихъ. И они не были безначальны, хотя тосковали о томъ предводителѣ. Ихъ Медонъ строилъ, побочный Илея сынъ, рожденный отъ Рины Илею градорушителю. 720

Тѣ, что жили въ Тригкѣ, въ Иѳомѣ скалистой, а также въ Ихалии, городѣ Еврита Ихалийца, — тѣхъ вели два сына Асклипія, врачи добрые: Подалирій и Махаонъ. За ними шло тридцать глубокихъ судовъ. 730

Тѣ, что жили въ Орменіи, около истока Иперіи, а также въ Астеріи на бѣлыхъ вершинахъ Титана, — тѣхъ вель Евришилъ, славный сынъ Евемона; за нимъ шло сорокъ черныхъ судовъ. 735

Тѣ, что жили въ Аргиссѣ, Гиртонѣ, Орѣѣ, Илонѣ, въ бѣломъ Олосонѣ, — тѣхъ вель войнолюбивый Полихитъ, сынъ Пириѳеоя, рожденнаго отъ безсмертнаго Зевса, а его родила Пириѳеюю славная Ипподамія, въ тотъ день, какъ 740

онъ наказаль лохматыхъ звѣрей: изъ Пилии прогналь и
745 приближилъ къ Эеикамъ. Но вель корабли не одинъ, а
съ нимъ былъ Леонтей, Ареева отрасль, сынъ гордаго
Корона Кенида. Съ нимъ было сорокъ черныхъ судовъ.

750 Гуней изъ Кифа вель двадцать два судна; съ нимъ
шли Еніаны и войнолюбивые Перевы, что жилища поста-
вили около холодной Додоны, а также, что жили около
Титарисія любезнаго: онъ въ Пиней посылаетъ прекрасныя
755 воды, но самъ не сливается съ Пинеемъ сребропучиннымъ,
а сверху течеть, какъ елей: онъ отпрыскъ клятвы ужа-
сной — Стикса рѣки.

Магнитовъ вель Прохой, сынъ Теоридона, а жили
они при Пинеѣ да густолистномъ Пилии. Ихъ вель бы-
стрый Прохой, а за нимъ шло сорокъ черныхъ судовъ.

760 Таковы тамъ были вожди, главари при данаяхъ.

Повѣдай богиня: кто же былъ лучший изъ нихъ и
коней ихъ, изъ всѣхъ, что пошли подъ Атридами?

765 Кони лучше были — Евмила кобылицы, сына
Фирита; Евмилъ ихъ гналь, быстроногихъ, какъ
птицы, и одношерстныхъ, и однолѣтныхъ; спины, какъ
цвѣтъ винограда. Вскормилъ ихъ въ Піеріи самъ Апол-
лонъ сребролукій, обѣихъ — полъ женскій, страхъ разно-
сившихъ Арея.

770 Наилучшій былъ изъ мужей Теламоновъ Аяксъ, по-
куда Ахиллъ пребывалъ въ своемъ гнѣвѣ: Ахиллъ былъ
лучше гораздо, какъ и кони, что носили Ахилла. Но
775 теперь Ахиллъ лежалъ при судахъ мореходныхъ высокихъ,
въ гнѣвѣ на царя Агамемнона, пастыря народовъ, а люди
по обрыву морскому тѣшились дисками, луками, копьями;
Кони стояли при своихъ колесницахъ и грызли лотось,
петрушку болотную; колесницы могучія въ ставкѣ стояли
800 господъ, а мужи томилась тоской по своемъ воеводѣ
войнолюбивомъ, ходили по стану сюда и сюда, не сражались.

Данаи шли, какъ еслибъ земля занялась вся пожаромъ; и все поле стонало подъ ними, словно подъ гнѣвомъ Зевса, метателя молній, когда надъ Тифоемъ землю въ Аримахъ разить, гдѣ, молвится, ложе Тифоя. Такъ отъ нихъ подъ ногами тяжело стонала земля, отъ идущихъ; и быстро они проходили равнину.

Къ троянамъ Ирида, вѣтроногая вѣстница, быстро пришла отъ Зевса эгиднаго, съ вѣстью прискорбною. Тѣ совѣщались совѣтами около дома Пріама, вмѣстѣ собравшись всѣ, молодые и старые. Близко тамъ ставши, такъ

быстроногая имъ говорила Ирида, подобная голосомъ сыну Пріама Политу: былъ онъ троянскій дозорщикъ; полагаясь на быстрыя ноги, сидѣлъ на высокой могилѣ старца Эсита и ждалъ, какъ ахейцы двинутся всѣ отъ судовъ. Ему то себя уподобивъ, сказала Ирида, быстрыя ноги:

— Старецъ! Все лишь тебѣ околичныя рѣчи угодны, какъ еслибы было при мирѣ; теперь же война поднялась непрерывная. Былъ я на многихъ битвахъ; но столько такого народа не видывалъ; словно какъ листья или же несокъ, идутъ по равнинѣ сразиться подъ Троей. Гекторъ, тебя я наибольше прошу, и ты сдѣлай вотъ такъ. Въ великомъ Пріамовомъ городѣ много есть ратниковъ, разныхъ языкъ у разныхъ людей разнородныхъ. Пусть каждый, надъ кѣмъ управляетъ, тѣхъ и ведетъ, тѣми властвуетъ, строить своихъ горожанъ.

Такъ говорила Ирида. И Гекторъ понялъ слово богини, собраніе кончилось, и всѣ поспѣшили къ оружію. Быстро раскрыли всѣ городскія ворота, и изъ нихъ устремились народы, пѣшіе, конные; гулъ раздавался великій.

Есть же предъ городомъ насыпь высокая, въ полѣ, подалше; обѣжать ее можно сюда и сюда. Люди ее «Ватіея» зовутъ, а безсмертные — «Могилы безстрашной Мирины». Тамъ раздѣлились трояне и ихъ соратники.

Троянъ вель великій, блещущій шлемомъ Пріамовъ сынъ Гекторъ, и съ нимъ шли въ оружїи лучшіе люди, въ наибольшемъ числѣ, потрясавшіе копьями.

820 Дардановъ вель славный сынъ Анхиза Эней, что Анхизу родился отъ дивной Афродиты, у подошвы Иды горы, отъ богини, сочетавшейся со смертнымъ. Но вель не одинъ, а съ нимъ и два сына шли Антинора, Архелохъ съ Акамантомъ, знавшіе всякую битву.

Тѣ, что жили въ Зелеѣ, у крайней подошвы Иды горы, богатые, пившіе черную воду Эсипа, трояне, — тѣхъ Пандаръ вель, славный сынъ Ликаона; ему и лукъ даль самъ Аполлонъ.

830 Тѣ что въ Адристіи жили, въ землѣ Апеса, въ Питіи, на высокой горѣ Тирей, — тѣхъ вели Адристь и Амфій, въ льяняныхъ панцыряхъ, два сына Мерона Перкосія: онъ больше всѣхъ предсказанія зналъ, сыновей не пускалъ на войну душегубную, но сыновья не послушались: къ черной смерти вела ихъ судьба.

835 Тѣ, что жили вокругъ Перкоты и Практія, Систа, Авида, дивной Арисвы, — тѣхъ вель Асій, мужей предводитель, сынъ Иртака. Его принесли изъ Арисвы черные кони великіе, отъ рѣки Селіента.

840 Иппоооой племена вель пеласговъ копейщиковъ, что обитали въ тучной Ларисѣ. Онъ ихъ вель и Пилей, потомокъ Арея, два сына Либа Пеласга Тевтамида.

845 Фракійцевъ вель Акамантъ съ Пироемъ героемъ, сколько ихъ Гелмеспонтъ прекрасно текущій въ себѣ заключаетъ.

848 Евфимъ былъ вождь киконъ копейщиковъ, сынъ Тризина Кеада, отъ бога рожденного.

850 Пирехмъ привелъ криволукыхъ пеоновъ, издалека изъ Амидона, отъ широкотекущаго Аксія, коего воды прекрасныя тамъ орошаютъ равнину.

Пафлагоновъ вель Пилемень — мохнатое сердце, изъ Енетовъ, откуда дикій родъ муловъ, а жили тѣ пафлагоны въ Киторѣ, около Сисама и при водахъ Пареніи, жилища имѣли прекрасныя; также въ Кромнѣ селились, 855
Эгіалѣ и Ериѳинахъ высокихъ.

Ализоновъ Одій вель и Епистрофъ, издалека, изъ Аливы, гдѣ родина есть серебра.

Мисянъ вель Хромисъ и Еинномъ птицагадатель; но и гаданьями не спасся отъ черной судьбы: погибъ подъ 860
руками быстроногаго Ахилла въ рѣкѣ, гдѣ тотъ и другихъ троянъ убивалъ.

Фриговъ вель Форкисъ и съ нимъ боговидный Асканій, издалека, изъ Асканіи; и Фриги сильно желали въ сѣчѣ сразиться.

Міоновъ вель Меселъ и Антифъ, сыновья Талемена, 865
коихъ родило Гигейское озеро; они то міоновъ вели, подъ Тмоломъ родившихся.

Настъ вель карійцевъ варвароязычныхъ, что жили въ Милетѣ, по горѣ густолиственной Фѳирѣ, при теченьи Меандра, по высокимъ вершинамъ Микалы. Ихъ вели 870
Амфимахъ и Настъ, славные сыны Номіона, и Настъ шель на войну съ золотомъ, будто дѣвица, неразумный. 801
И это его не спасло отъ смерти ужасной: погибъ подъ руками Ахилла, быстроногаго внука Эака, въ рѣкѣ, а золото 875
взялъ твердый сердцемъ Ахиллъ.

Ликіянъ привели Сарпидонъ и Главкъ безпорочный, издалека, изъ Ликии, отъ шумящаго Ксанеа.

ОДИССЕЯ.

(См. Гимназія кн. LXV.)

Пѣснь третья.

Въ Пилосѣ.

Оставивъ чудесныя волны, Гелій на мѣдное небо
поднялся свѣтить безсмертнымъ богамъ и смертнымъ
5 людямъ на ихъ живодарныхъ поляхъ, и тѣ приближались
къ Нилееву мирному жительству — Пилосу. Тамъ, на
обрывѣ, пилійцы, въ жертву, черныхъ быковъ приносили
земли колебателью синекудрявому. Было тамъ девять сидѣнній,
10 на каждомъ сидѣли пилійцы — пятьсотъ, и предъ
каждымъ сидѣньемъ лежали девять быковъ. Пилійцы
кости сожгли, потроховъ всѣ вкусили, какъ тѣ передъ
ними пристали: спустивши, сложили вѣтрила суденныя,
15 судно причалили, стали сходить. Сошелъ, наконецъ, Тилемахъ;
впереди шла Аѳина. И первая такъ говорила богиня,
свѣтлыя очи:

— Тилемахъ! Ты не долженъ быть такъ застѣнчивъ
15 нисколько! Затѣмъ ты и въ море отплылъ, дабы самому
распросить объ отцѣ, гдѣ земля его скрыла, какую настигъ
онъ судьбу. Иди же; и прямо ступай къ почтенному
Нестору коннику; свѣдаемъ тайны, какія онъ въ
сердцѣ таитъ. И ты самъ попроси, чтобъ сказалъ безъ
20 обмолвокъ; а лжи онъ не скажетъ: онъ очень разуменъ.

Тилемахъ разумный сказалъ: — Какъ же я подойду и къ нему обращусь? Да я никакихъ разговоровъ не знаю; и юношѣ спрашивать стараго стыдно.

Богиня Аѣина, свѣтлыя очи, сказала: 25

— Кое что самъ ты придумаешь въ сердцѣ, кое что также твой демонъ поможетъ. Не можетъ же быть, чтобъ безъ воли боговъ ты родился и выросъ.

Такъ сказавши, Аѣина Паллада скоро пошла впередъ; Тилемахъ шель за нею. 30

Пришли къ пилійцамъ, къ собранію ихъ и сидѣньямъ, гдѣ Несторъ сидѣлъ съ сыновьями, въ кругѣ заботъ пировыхъ: одно тамъ жарили мясо, другое на вертель втыкали. А тѣ, при видѣ гостей, толпою пошли къ нимъ, всѣ привѣчали руками, просили садиться. И первый къ нимъ подошелъ Писистратъ, сынъ Нестора; руки ихъ взявъ, усадил на мягкихъ овчинахъ, на прибрежномъ пескѣ, въ серединѣ, между отцомъ и братомъ своимъ Эрасимидомъ, тотчасъ далъ потроховъ, вина налилъ въ кубокъ, и кубкомъ такъ привѣчалъ Аѣину Палладу, дочь Зевса эгиднаго: 35

— Гость, помолись Посидону царю: къ намъ пріѣхавши, вы застали какъ разъ его жертву; а послѣ, возливши, богамъ помолитесь, какъ это обычно, дашь и ему совершить возліянье. Надѣюсь, и другъ твой безсмертнымъ молится: всякій нуждается въ богѣ. Но какъ онъ моложе тебя, — должно быть, со мной однолѣтокъ, — то я подаю тебѣ первому кубокъ. 40

Такъ сказалъ Писистратъ, и въ руки Аѣинѣ вина благовоннаго кубокъ подаль, и Аѣина рада была учтивству разумнаго мужа, что ей первой кубокъ подаль золотой, и тотчасъ богиня очень молилась царю Посидону: 45

— Услышь, Посидонъ земледержецъ, и нашимъ моленьямъ свершиться не возбраняй: первое, Нестору и 50

сынамъ его славу пошли, а потомъ и другимъ пилійцамъ, всѣмъ и каждому, общеніе радости даруй при сей гекатомбѣ прекрасной; даруй и мнѣ съ Тилемахомъ домой
60 возвратиться, услѣвши во всемъ, что сюда привело насъ на черномъ суднѣ.

Такъ молилась Аѳина, — сама же и все совершила, — и кубокъ двудонный прекрасный дала Тилемаху. Также молился и милый сынъ Одиссея.

65 А тѣ, какъ обжарили мясо поверху, его снимали, на части порѣзали и угощеньемъ желаннымъ себя угощали; когда же желанье ѣды и питья всѣ насытили. Несторъ началъ къ нимъ слово, конникъ почтенный:

70 — Теперь, когда гости ѣдой насладились, прилично спросить ихъ и свѣдать, кто они. Гости, кто вы такіе? Откуда плывете по влажнымъ дорогамъ? За дѣломъ какимъ или такъ по морямъ, на удачу, гуляете, какъ ѣздить добычники — бѣды несутъ иноземцамъ, и душу свою предлагаютъ.

75 Тилемахъ разумный, отважившись, такъ отвѣчалъ, — сама Аѳина вложила въ сердце отвагу, чтобъ спросилъ о пропавшемъ отцѣ, да и имени добраго въ людяхъ набрался:

80 — Несторъ Нилеевъ, великая слава ахеянъ! Спросилъ ты, откуда мы. Я и скажу: изъ Итаки подѣ-Нейской; а дѣло, о коемъ повѣдаю, дѣло — мое, не народное. Выѣхаль я за вѣстями, не услышу ль что объ отцѣ
85 моемъ, Одиссеѣ божественномъ, многострадальномъ. Съ тобой, говорятъ, онъ ратоваль тамъ и Троию разрушилъ. О всѣхъ, кто сражался съ троянами, слышно, кто гдѣ погибъ ужасною смертью; его же и гибель сынъ Крона оставилъ безвѣстной: никто не можетъ мнѣ точно сказать,
90 гдѣ отецъ мой погибъ: на сушѣ ль осилили злобные мужи, въ пучинахъ ли сгинулъ, въ волнахъ Амфитриты. За

этимъ то я и пріѣхалъ къ колѣнамъ твоимъ: скажи мнѣ печальную гибель отца: ты, можетъ быть, видѣлъ своими глазами, а можетъ быть, слышалъ разсказъ отъ другого, проѣзжаго. . . . Очень несчастнымъ родился я въ домѣ, у матери. И не смягчай, не умалчивай въ жалости: прямо скажи, что ты видѣлъ, что встрѣтилъ. . . . Умоляю тебя! И если когда мой отецъ Одиссей благородный готовно тебѣ послужилъ или словомъ или дѣломъ, когда вы подѣ Троей терпѣли, вспомни объ этомъ теперь и скажи мнѣ всю правду.

Несторъ, почтенный конникъ, ему отвѣчалъ:

— Милый мой! Какъ ты напомнилъ мнѣ горести эти! Сколько, въ упорствѣ своемъ, ахеяне вынесли тамъ отъ народовъ туземныхъ! сколько за тѣмъ на судахъ, въ безпредѣльной пучинѣ, когда, подѣ началомъ Ахилла, добычи искали! сколько подѣ самой великой Троей Пріама царя! . . . И все тамъ лучшіе пали! . . . Тамъ лежитъ Аяксъ исполинъ, тамъ Ахиллъ, тамъ Патроклъ, воитель, подобный богамъ, тамъ и милый мой сынъ Антилохъ: а былъ онъ и смѣлый и умный, первый на бѣгъ и на стойкость. . . . Много мы вынесли бѣдъ, ни одинъ человѣкъ не разскажетъ, хотя бы и пять и шесть лѣтъ ты сидѣлъ и все слушалъ: столько тамъ вынесли горя герои ахеи! И слушать усталъ бы, домой возвратился. Вѣдь, девять лѣтъ мы сплетали троянамъ худое, ходили со всякою хитростью, и то едва намъ dokonчили сынъ Крона. И тамъ никто никогда не рѣшался равняться умомъ съ Одиссеемъ: во всякой хитрости много гораздо всѣхъ побѣждалъ Одиссей, отецъ твой божественный, — если ты истинно отрасль его. Я просто гляжу и дивлюсь: и рѣчь совершенно такая! Никакъ не сказалъ бы, чтобъ такъ молодой говорить могъ похоже! . . . И вотъ, за все время, я и отецъ твой, въ людяхъ ли, на дому ли, врозь никогда не ходили: единой

душою, совѣтомъ радушнымъ, придумать старались, какъ
 130 будетъ аргеемъ наилучше. . . . Когда былъ разрушенъ городъ
 высокій Приама, сѣли мы на суда, но богъ разсѣялъ
 ахеянъ: Зевсъ замыслилъ въ сердцѣ своемъ печальный
 135 возвратъ для аргеевъ. Не всѣ то тогда разумливы да
 совѣстны были: за то и настигли жестокою участь отъ
 мстящаго гнѣва богини — свѣтлыя очи, дочери Зевса
 великаго: ибо она положила вражду межъ Атридами
 братьями. Атриды, вдвоемъ, созвали ахеянъ на сборище,
 и не разумно, и не обычно — къ закату солнца! Тѣ и
 140 пришли, нагрузившись виномъ. Атриды начали слово,
 зачѣмъ созывали народъ. И вотъ Менелаю хотѣлось на-
 помнить всѣмъ о возвратѣ домой по широкимъ воднымъ
 145 хребтамъ: Агамемнону это не нравилось вовсе: хотѣлъ
 онъ еще задержать и великую жертву Аѳинѣ принести,
 утишить гнѣвъ грозной богини. Не зналъ неразумный
 того, что богиня смириться не думала: мысли боговъ
 150 обратятся не скоро. Такъ они оба при томъ и остались,
 браня другъ друга обидною рѣчью; ахеи же мыслили
 также двойкою и съ крикомъ ужаснымъ къ судамъ разбѣ-
 жались. Ночь провели мы со злобою въ сердцѣхъ одни на
 155 другихъ, — Зевсъ началъ уже всѣ бѣдствія злыя, — а
 утромъ мы потащили суда на великое море, сложили до-
 бычу, высокоопоясанныхъ женщинъ; другіе же тамъ и
 остались съ царемъ Агамемнономъ. Мы взошли на суда
 и поплыли; суда наши быстро бѣжали: самъ богъ угла-
 160 дилъ пучину бездонную. Прибыли мы въ Тенедось, совер-
 шили жертвы богамъ, и домой поспѣшали, но Зевсъ не-
 преклонный хотѣлъ не возврата: и здѣсь онъ, вторично,
 возбудилъ тяжелую роспрю: одна часть, съ мудрымъ
 165 царемъ Одиссеемъ, назадъ повернула суда свои круглыя,
 въ радость царю Агамемнону, я же, со всѣми своими
 судами и спутными, дальше бѣжалъ: я видѣлъ, что демонъ

бѣду намъ готовить. Бѣжалъ и могучій Тидея сынъ, Діо-
 мидъ, собравъ своихъ ратниковъ. Позже уже, послѣ насъ,
 Менелай свѣтлорусый уѣхалъ, нагналъ насъ въ Лесбоѣ,
 гдѣ мы обсуждали далекій путь — ильте ли намъ выше 170
 Хіоса скалистаго, къ острову Псиріи, влѣво оставивъ ее,
 или ниже Хіоса, на бурный Мимантъ. Просили мы бога
 дать знаменье; онъ намъ и даль: указалъ разсѣгать пу-
 чину морскую, прямо на Еввію, чтобъ мы поскорѣ бѣ- 175
 жали отъ бѣдствій. Вѣтеръ поднялся сильный, попутный,
 и мы пробѣжали пути рыбоводные скоро, и ночью при-
 стали къ Гересту, и здѣсь, какъ измѣривъ пучину вели-
 кую, мы Посидону много бедръ сожитали. Четвертый 180
 былъ день, когда Діомидъ, сынъ Тидея, съ друзьями при-
 сталъ съ кораблями къ Аргосу, а я повернулъ къ себѣ,
 въ Пилосъ; а вѣтеръ, какъ богъ послалъ его дуть, ни-
 когда не стихалъ. И такъ то, мой сынъ, я прибылъ до-
 мой безъ вѣстей о нихъ, и не знаю, какіе ахеи спаслись, 185
 и какіе погибли. Но что я слышалъ здѣсь, въ моемъ
 домѣ, все ты узнаешь, какъ слѣдуетъ; я ничего не укрою.
 Такъ, говорятъ, счастливо вернулись мирмидоны — ко-
 пейщики, вмѣстѣ съ доблестнымъ сыномъ Ахилла; сча- 190
 стливо Пянтіевъ сынъ, Филокитъ знаменитый; привезъ
 товарищей въ Критъ и Идомей, кто спасся отъ битвъ;
 море не отняло ни одного. О царь Агамемнонъ вы и
 сами слышали, какъ онъ домой возвратился, какую ему
 Эгисѣю приготовилъ печальную участь, и какъ онъ самъ 195
 поплатился ужасно... Какъ хорошо, когда остается сынъ
 послѣ смерти отца, какъ и тотъ отомстилъ Эгисѣу преда-
 телю, убійцѣ отца знаменитаго!... Такъ вотъ и ты,
 мой милый, — я вижу, ты и хорошъ, и большой уже,
 — будь всегда мужественъ, чтобъ и тѣ, кто послѣ насъ 200
 будетъ, о тебѣ хорошо говорили.
 Тилемахъ разумный ему отвѣчалъ:

— Несторъ Нилеевъ, великая слава ахеянъ! Да, отомстилъ, и слава его разнесется широко въ ахеяхъ, чтобъ знали и послѣ! О, если бы боги дали мнѣ силу отомстить женихамъ за всю тяжесть обиды, за ихъ издѣвательства, замысль преступный. Но судьба не напряла мнѣ счастья такого, ни мнѣ, ни отцу; и мнѣ остается терпѣть.

210 Почтенный конникъ Несторъ ему отвѣчалъ:
— Да, мой милый, когда уже самъ ты объ этомъ напомнилъ: говорятъ, жениховъ собирается множество въ вашихъ палатахъ, для матери, противъ желаній твоихъ, и они замышляютъ худое? Скажи же: ты самъ имъ поддался или же народъ ненавидитъ тебя, по внушенію голоса бога? Но кто же то знаетъ? быть можетъ, онъ самъ возвратится и имъ отомститъ, одинъ ли, или же со всѣми ахеями. О, еслибъ тебя такъ любила Аѣина — свѣтлыя очи, какъ тамъ Одиссея жалѣла въ народѣ 220 троянскомъ, когда мы страдали! Я никогда не видалъ, чтобы боги такъ явно любили, какъ явно ему пособляла Аѣина Паллада. Еслибы такъ и тебя богиня любила и въ сердцѣ жалѣла, тогда бы тамъ и думать забыли о бракѣ.

225 Тилемахъ разумный сказалъ:
— Нѣтъ, старецъ. Кажется, слову не сбыться сему, никогда: сказалъ ты слишкомъ великое; мнѣ самому стало страшно. Нѣтъ, не случится сему, и мнѣ на то не надѣяться, даже еслибъ и боги того захотѣли.

Богиня Аѣина — свѣтлыя очи Тилемаху сказала:
230 — Тилемахъ! Какое слово у тебя изъ ограды зубовъ убѣждало? Богъ, если хочетъ, легко и вдали спасетъ чело-
вѣка. Я лучше желалъ бы вернуться домой даже послѣ долгихъ страданій и день возвращенья увидѣть, чѣмъ такъ возвратиться и послѣ погибнуть застольнымъ,

какъ вотъ Агамемнонъ погибъ отъ измѣны Эгисѳа и отъ жены. Конечно, смерть — общій удѣлъ, и даже отъ друга боги не могутъ ее отвратить, если участь его поражаетъ безжалостной смерти.

Тилемахъ разумный такъ отвѣчалъ:

— Менторъ, не будемъ о томъ говорить, хотя намъ и прискорбно. Ему возвращенья правдиваго нѣтъ; безсмертные смерть присудили ему и черную участь. Но я желалъ бы спросить о другомъ у Нестора: онъ больше всѣхъ знаетъ правду и сердце другихъ. Говорятъ, что онъ царствуетъ три поколѣнья. Мнѣ онъ безсмертнымъ глядѣть. О Несторъ Нилеевъ! Скажи мнѣ по правдѣ: какъ умеръ могучій Атридъ Агамемнонъ? гдѣ былъ Менелай? какую смерть придумалъ предатель Эгисѳъ, убивши гораздо сильнѣйшаго? Значить, онъ не былъ въ ахейскомъ Аргосѣ и странствовалъ гдѣ то далеко, если тотъ посягнулъ на убійство?

Конникъ почтенный Несторъ ему отвѣчалъ:

— Расскажу тебѣ, сынъ мой, всю правду, и самъ ты увидишь, какъ это случилось. Еслибъ Атридъ, Менелай свѣтлорусый, вернувшись изъ Трои, засталъ Эгисѳа живымъ, то тѣло его и прахомъ земнымъ никто не посыпалъ бы. Въ полѣ, за городомъ, онъ бы лежалъ, на съѣденіе птицъ и собакъ! ни одна бы ахейка плакать не смѣла: Эгисѳъ посягнулъ на слишкомъ великое дѣло. Мы тамъ томились и столько трудовъ выносили, а онъ тамъ, спокойно, въ Аргосѣ конеобильномъ, въ углу, жену обольщалъ Агамемнона, благородную Клитемнестру. Та непристойнаго дѣла гнушалась сначала и добрыхъ мыслей держалась: при ней и пѣвецъ находился, которому царь, отправляясь подъ Трою, наказывалъ много супругу беречь. Когда же судьба оковала ее на погибель, вотъ тогда то Эгисѳъ отвезъ пѣвца на островъ безлюдный, птицамъ въ

добычу и въ радость, и та уступила, и онъ ее въ домъ свой повелъ. Много сжегъ бедръ на ступеняхъ священ-
ныхъ, много святыни повѣсилъ, покрововъ, сосудовъ зо-
275 лотыхъ, совершивъ это дѣло, — на что не надѣялся.

Мы между тѣмъ — я съ Менелаемъ —плыли
изъ Трои, въ любовномъ общеннн взаимномъ; когда же
достигли священнаго Сунія, мыса Аѳинянь, тамъ Фебъ
280 Аполлонъ настигаетъ тихой стрѣлой — убиваетъ Менелаева
кормчаго Фронтиса, сына Онитора, въ то самое время,
какъ тотъ держалъ руль; а онъ превзошелъ племена че-
ловѣковъ умѣньемъ направить судно, когда буря бушуетъ.
285 Такъ Менелай, хотя и спѣшилъ, задержался, чтобъ друга
тамъ погребсти и воздать ему должнымъ. Когда же залѣмъ
Менелай продолжалъ свой путь по темнымъ волнамъ, съ
своими судами глубокими, и до высокихъ утесовъ Малей
290 достигъ, то всевидящій Зевсъ указалъ ему путь ужа-
сующій: дыханьемъ вѣтровъ свистящихъ послалъ громады
вздымавшихся волнъ, будто горы, разсѣялъ суда, и одну
часть погналъ на Критъ, гдѣ кидоны живутъ, у теченья
рѣки Гарлана. А тамъ, на безбрежномъ пути, на самомъ
295 краю Гортинской земли есть гладкій, изъ моря, утесъ. На
этотъ грозный утесъ вѣтеръ Нотъ постоянно гонитъ высокія
волны, въ сторону Феста, и та небольшая скала отбива-
етъ громадныя волны. Сюда то волны пригнали и часть
судовъ Менелая. Люди едва спаслись отъ гибели, все
же суда объ утесъ тотъ разбились. Но пять судовъ съ
300 Менелаемъ волны и вѣтеръ къ Египту погнали. Тамъ
Менелай скитался по разнорѣчивымъ народамъ, золото
тамъ собиралъ со всякимъ богатствомъ. Въ это то время,
305 дома, Эгисѣеъ совершилъ ужасное дѣло: брата убилъ и
людей покорилъ. Семь лѣтъ былъ царемъ многозлатной
Микены, послѣ смерти царя Агамемнона, и народъ поко-
рился, но на восьмой годъ къ нему бѣда подошла —

возвратившійся дивный Орестъ изъ Аѳинъ и убилъ
 Эгисѳа предателя, убійцу отца знаменитаго. И вотъ,
 по убійствѣ, Орестъ устроилъ народу пирь погребальный
 по матери ужасной и низкомъ Эгисѳѣ, и въ этотъ же 310
 день къ нему прибылъ славный воитель, царь Менелай,
 и столько сокровищъ привезъ, сколько суда могли тя-
 жести взять. . . . Такъ вотъ и ты, милый мой, не долго
 скитайся вдали, когда дома оставилъ богатства и столько 315
 обидчиковъ: какъ бы всего не поѣли, себѣ не забрали, и
 ты не проѣздилъ напрасно! Теперь мой совѣтъ насто-
 ятельный — ѣхать тебѣ къ Менелая царю, въ Лакеде-
 монъ. Онъ возвратился недавно, пришелъ отъ далекихъ
 людей, изъ чужбины такой отдаленной, откуда и думать
 нельзя возвратиться: бури въ такія моря занесутъ, что и 320
 птицы оттуда едва лишь въ годъ долетаютъ; моря велики
 тамъ и страшны. Такъ ты съ судномъ своимъ скорымъ,
 съ друзьями, сейчасъ и плыви къ Менелая, а если же-
 лаешь, можно и сушею: есть у меня и повозки, и ло-
 шади, въ спутники есть для тебя сыновья мои въ слав- 325
 ный Лакедемонъ, гдѣ теперь Менелай свѣтлорусый. По-
 просишь, и онъ тебѣ скажетъ всю правду, а лжи онъ не
 скажетъ: онъ очень разумный.

Несторъ такъ говорилъ. И Гелій въ волнахъ пото-
 нулъ, на землю мраки пришли, и богина Аѳина, свѣтлыя 330
 очи, сказала :

— Старецъ, все ты сказалъ справедливо. Такъ вы-
 рѣжемъ мы языки (и бросимъ въ огонь), смѣшаемъ вино,
 совершимъ возліянье царю Посидону и прочимъ безсмерт-
 нымъ и сну предадимся; къ тому же пора: дневной 335
 свѣтъ подъ мраки ушелъ. Не слѣдуетъ также на пирь
 боговъ оставаться подолгу, а нужно къ себѣ уходить.

Такъ сказала дочь Зевса, и всё ея слова послуша-
 лись. Слуги имъ воду на руки слили, отроки въ чаши

340 налили вина и кубки роздали всѣмъ; совершивши начатки,
бросили въ жаръ языки, встали и всѣ возливали. Когда
же возлики и вышили, сколько хотѣла душа, тогда Аѳина
345 и Тилемахъ боговидный уйти пожелали на судно; но Несторъ
того не позволилъ и ихъ удержалъ, сказавши:

— А да хранить меня Зевсъ и всѣ боги, чтобы вы
отъ меня ушли спать на судно!! Точно бѣднякъ я
какой неимущій, и дома въ запасѣ ковра не найдется,
350 подушки, чтобъ мягко поспать самому и гостямъ! Найдутся
ковры и подушки, отличные. Нѣтъ; пока живъ я,
сынъ человѣка такого, сынъ Одиссея, не ляжетъ на
палубѣ спать. А послѣ меня сыновья мои въ домѣ останутся,
355 будутъ гостей принимать, если кто мой домъ
посѣтитъ.

Богиня Аѳина, свѣтлыя очи, сказала:

— Несторъ почтенный! это — добро ты сказалъ.
Тилемахъ тебя долженъ послушаться: такъ будетъ лучше.
360 Онъ пойдетъ за тобой и будетъ спать въ твоемъ домѣ,
но я посѣщу на судно успокоить товарищей и все, что
нужно, имъ приказать, потому что я тамъ одинъ между
ними постарше; они же всѣ молодые, по дружбѣ поѣхали,
365 все однолѣтки Тилемаха. Тамъ я желалъ бы заснуть
на черномъ суднѣ, а утромъ отправлюсь къ славнымъ
Кавконамъ свой долгъ получить съ нихъ, не малый и
давній. Такъ если онъ уже въ домѣ твоемъ, ты и отпра-
вишь его съ повозкой и съ сыномъ, и дашь лошадей,
370 полегче въ ходу и покрѣпче.

Такъ сказала Аѳина, свѣтлыя очи, и, принявъ видъ
орла, удалилась. Всѣ изумились; изумился и старецъ,
увидя все это своими глазами. Взявъ Тилемаха за руку,
слово сказалъ и такъ называлъ:

375 — Милый! Теперь, я надѣюсь, не будешь ты
больше ни слабъ, ни трусливъ, когда тебѣ боги соутствуютъ

въ юности. Это никто иной изъ боговъ Олимпійскихъ,
 какъ Аѳина, дочь Зевса, Тритогенія, податель благого,
 та, что чтила отца твоего именитаго между аргеями.
 Смилуйся, царица, и даруй славу благую и мнѣ и сы- 380
 намъ моимъ, и скромной супругѣ; тебѣ же я принесу
 годовалую телку, лобастую, работы не знавшую, въ иго
 еще не ходившую, самъ заколю, и рога оболую позолотой.
 Тагъ оны молился, и слушала Паллада Аѳина. 385
 Почтенный конникъ Несторъ повель затѣмъ всѣхъ
 сыновей и зятьевъ въ хоромы прекрасные. Здѣсь, какъ
 въ хоромы пришли, по скамьямъ сѣли въ рядъ и по
 кресламъ, старецъ въ чашѣ смѣшалъ вино благовонное, 390
 съ коегоя ключница крышку сняла и открыла чрезъ
 десять годовъ. Такое вино мѣшалъ имъ почтенный ста-
 рецъ, него возливалъ и много молился Аѳинѣ, дочери
 Зевса эгиднаго. Тамъ, совершивъ возлянье и выпивъ, 395
 сколько душа захотѣла, всѣ пошли спать, въ свою гор-
 ницу каждый, а Тилемаха, Одисеева милаго сына, кон-
 никъ почтенный тамъ же спать уложилъ, на точеной
 кровати, въ гулкихъ сѣняхъ; при немъ же спалъ Писи- 400
 страть, копейщикъ славный, мужей предводитель, который
 одинъ изъ всѣхъ сыновей оставался еще неженатымъ. Самъ
 Несторъ внутри, въ хоромехъ высокихъ своихъ, почивалъ
 и постелю ему постигала супруга царица.
 Утромъ, когда изъ тумана заря показалась — посы- 405
 нала прозами, всталъ съ постели Несторъ конникъ почтен-
 ный, вышелъ изъ дома и сѣлъ на тесаныхъ камняхъ,
 какіе стояли всегда предъ воротами высокими, бѣлыхъ,
 блестящихъ какъ будто отъ жира. На нихъ еще си- 410
 живалъ мудрый Нилей богоравный, давно сраженный
 судьбой и сошедній въ Аидъ, и теперь на камняхъ си-
 дѣлъ почтенный конникъ Несторъ, защита ахеянъ, посохъ
 имѣя въ рукахъ. Къ нему сыновья собирались изъ гор-

ниць: Ехефронъ, Стратій, Персей, Аритъ, Орасимидъ бо-
 415 горавный; скоро къ нимъ вышелъ шестой, герой Писи-
 стратъ, и съ нимъ Тилемахъ боговидный: всего подвели,
 420 посадили при Несторѣ. И началъ къ нимъ слово ста-
 рець почтенный: — Милыя дѣти! Скорѣе исполните просьбу мою,
 425 чтобы прежде всего склонить намъ милость Аѳины, такъ
 явно явившейся къ намъ на цвѣтущій пиръ Посидону.
 Одинъ пусть въ поле азателкой идетъ, чтобы тотчасъ
 явилась, и гналъ бы ееи самый старшій пастухъ; другой
 430 пусть сходитъ на черный корабль Тилемаха, великой души,
 и сюда приведетъ всѣхъ товарищей, оставивъ тамъ двухъ,
 435 и еще одинъ пусть Лаерка попроситъ сюда, златолителя,
 телкъ рога, чтобъ облилъ позолотой. Прочіе будьте здѣсь
 вмѣстѣ; скажите служанкамъ намъ все приготовить въ
 440 палатахъ для званого пира — скамейки, дрова вокругъ
 ступеней, воды наносить. — Такъ сказалъ Несторъ, и всѣ суетились.
 445 Телка съ поля пришла, товарищи съ черного судна
 пришли Тилемаха, великой души, и мѣдникъ съ мѣднымъ
 нарядомъ пришелъ — показаньемъ искусства: ковальной,
 450 крушиломъ и огнехваткой добротной, чѣмъ онъ обдѣлы-
 валь золото. — Пришла и Аѳина жертву принять. Несторъ почтенный
 конникъ далъ золото, и златолитель телкъ искусно рога
 455 обливалъ, на радость богини, взиравшей на то приношенье.
 Стратій и дивный Ехефронъ затѣмъ подвели штелицу;
 460 Аритъ одною рукой изъ свѣтлицы несъ воду омовенья,
 въ узорной плехани, въ другой священный ячмень въ
 465 корзинѣ держалъ, Орасимидъ безстрашный усъ острой
 сѣкирой стоялъ — разрубить жертву, Персей же бчашу
 470 для крови имѣлъ. И началъ омовеньемъ Несторъ, по-
 475 чтенный конникъ, посыпалъ ячмень и много молился

Асинъ, въ начатки бросая ей шерсть головы на огонь. И когда помолились, посыпали, тотчасъ Несторовъ сынъ Фрасимидъ безстрашный близко сталъ и ударилъ. Сѣкира разсѣкла шейныя жилы и разрѣшила силу телицы. Вскрикнули дочери, невѣстки съ Евридикой, скромной сурругой Нестора, старшею изъ дочерей Климена. А тѣ, поднявши телицу съ земли широко-пространной, держали, и тутъ Писистратъ, предводитель мужей, разрѣзалъ ей горло. Когда же черная кровь стекла и душа оставила кости, быстро разсѣкли на части, очистили кости бедровыя — все по обычаю, жиромъ покрыли ихъ дважды, на кости потрохъ положили. Старецъ жегъ на дровахъ и темнымъ виномъ поливалъ, а отроки тутъ же при немъ пятизубцы держали. Когда же бедра сгорѣли, потроха подѣлили, остальное дробили, на вертѣль наткнули, и жарили мясо на вертелахъ острыхъ.

А въ это же время младшая Нестора дочь, Поликаста прекрасная, мыла Тилемаха. Когда же омыла, помазала жирнымъ елеемъ, одѣла въ хитонъ и прекрасный плащъ, и вышелъ онъ изъ купальни, видомъ подобный безсмертнымъ, пошелъ къ Нестору, пастырю народовъ и сѣлъ при немъ рядомъ.

Когда же обжарили мясо и съ вертеловъ сняли, усѣлись и всѣ пировали, а бойкіе отроки всѣхъ обходили кругомъ и вино подливали въ кубки золотые. Когда же желанье ѣды и питья всѣ насытили, Несторъ, конникъ почтенный, такъ говорилъ:

— Дѣти! теперь Тилемаху въ повозку коней красногривыхъ впрягите, чтобъ могъ онъ отправиться въ путь.

Такъ сказалъ Несторъ. Сыновья его слушали, слово исполнили, быстро въ повозку добрыхъ коней запрягли, а женщина ключница въ повозку вино уложила, хлѣбъ, овощъ, какую ѣдятъ цари богородные. Тилемахъ вошелъ въ повозку прекрасную, съ нимъ же вошелъ Несторовъ

сынъ Писистратъ, предводитель мужей: тотъ возжи взялъ
 въ руки, захопалъ бичемъ, и кони довольные съ топо-
 485 томъ въ поле помчались, оставили городъ высокій Пи-
 лось. И пара коней цѣлый день потрясала ярмо обни-
 мавшее. Гелій въ волнахъ потонулъ и пути потемнѣли,
 они же прибыли въ Фиры, въ домъ Діокла, сына того
 490 Орсилоха, что родомъ былъ отъ Алфея. Тамъ ночевали;
 Діокль одарилъ ихъ гостинцами. Утромъ, когда изъ ту-
 мана зоря показалась — посыпала розами, путники
 быстро коней запрягли въ колесницу узорную, сами вошли
 и поѣхали изъ воротъ и гулкихъ сѣней. Писистратъ за-
 495 хлопалъ бичемъ, и довольные кони съ топотомъ въ поле
 помчались пшеничное; тамъ же и кончили путники путь:
 такъ быстро ихъ кони несли; и Гелій въ волнахъ пото-
 нулъ, и пути потемнѣли.

ГИМНЫ.

(См. кн. LXV.)

II. Къ Ерму.

(Продолж.)

Но Ермъ не укрылся отъ матери Май, и Мая сказала:
 — Ахъ ты, плутишка! гдѣ ты былъ! куда это ночью
 ты ходишь? Безстыдникъ! А вотъ подожди, пока свя-
 жетъ тебѣ покрѣпче бока Аполлонъ да съ собой за порогъ
 понесетъ; или вѣчнымъ останешься воромъ въ лѣсахъ.
 Пропаль бы ты лучше! На злое отецъ породилъ тебя
 смертнымъ людямъ и безсмертнымъ богамъ.

Ермъ отвѣчалъ ей хитрою рѣчью:

— Мать, не пугай меня этимъ, какъ глушаго маль-
 чика, въ сердцѣ котораго смысла не много, боится всего
 и дрожить предъ угрозою матери. Такъ я придумалъ,
 что будетъ прекрасно и мнѣ, и тебѣ. Неужели же намъ
 навсегда здѣсь остаться, однимъ и забытымъ, какъ ты
 ожидаешь? Нѣтъ; каждый день межъ богами вращаться
 въ богатствѣ, въ дарахъ, въ приношеньяхъ, гораздо лучше,
 чѣмъ въ темной пещерѣ сидѣть. Такой же достигну
 цѣны и чести, какъ и Фебъ Аполлонъ; а если отецъ мой
 не дастъ, то буду ворами начальствовать: силы довольно;
 а если пристанетъ сынъ Литои прекрасной, то я еще
 большее нѣчто устрою; отправлюсь въ Пиео, въ его домъ

проберусь: заберу тамъ побольше отличныхъ треноговъ,
 180 котловъ золотыхъ, одеждъ дорогихъ, да желѣза сѣдого.
 Вотъ увидишь, коль это тебя озаботитъ.

Такъ межъ собой говорили сынъ Зевса и Мая почтенная.
 185 Утромъ, въ туманѣ рожденная вышла заря изъ
 глубокихъ волнъ Океана нести свѣтъ смертнымъ; тогда
 Аполлонъ приближался къ Онхисту, къ любимой священной
 рождѣ бога землю гремящаго, и тамъ же онъ встрѣтилъ
 того старика: при дорогѣ сбиваль онъ ограду для поля;
 и сынъ знаменитой Литой спросилъ:

— Старикъ изъ Онхиста, травою богатаго! слушай,
 190 ограды строитель! Ищу я рогатое стадо, пришелъ изъ
 Пери. Были коровы, съ рогами крутыми; съ ними
 пасся отдѣльно и черный быкъ, и за ними ходило сви-
 195 рѣпыхъ четыре пса, словно мужи, съ единой душою.
 И вотъ, этотъ быкъ и собаки остались, а стадо коровье
 исчезло съ закатомъ солнца изъ мягкаго луга, изъ слад-
 200 кихъ пастбищъ ушли и пропали. Великое диво! Скажи
 же мнѣ, древнерожденный старикъ, не видалъ ли ты ихъ
 съ кѣмъ нибудь, проходившихъ по этой дорогѣ?

Старикъ отвѣчалъ Аполлону такими словами:

— Другъ мой! Трудно все рассказать, что увидишь
 205 своими глазами! Дорогою всякіе путники ходятъ: бываютъ
 хорошіе люди, бываютъ худые; трудно извѣдать каждаго
 душу. Я цѣлый день, до заката солнца, копался вокругъ
 нивы своей виноградной, и кажется мальчика видѣлъ;
 210 сказать же тебѣ достоверно, какой это мальчикъ шелъ
 за стадомъ твоимъ круторогимъ, не знаю, мой другъ.
 Маленькій, съ палочкой; гналъ, повернувши ихъ задомъ
 впередъ, головами же противъ себя.

Такъ говорилъ тотъ старикъ. Аполлонъ, какъ услы-
 шалъ, скорѣй послышалъ по дорогѣ: сейчасъ догадался,
 какъ будто по птицѣ крылатой, что это воръ родился

отъ Зевса Кронида. И царь Аполлонъ, покрывши широкія 215
плечи облакомъ свѣтлымъ, прямо направился въ Пилосъ,
веселый искать кривоногихъ коровъ; онъ скоро замѣтилъ
слѣды и сказалъ:

— О—хо—хо! Вотъ диво великое вижу своими 220
глазами! Вѣдь это слѣды коровъ круторогихъ, но только
повернуты къ лугу зеленому, къ дому; но чьи тутъ другіе
слѣды, мужскіе ли, женскіе, волка, сѣдого, медвѣдя, или
льва, неизвѣстно. Не могутъ же быть слѣды кен- 225
тавровъ мохнатыхъ, что ходятъ вотъ также чудовищно,
быстро шагая. Странные здѣсь, еще болѣе странные здѣсь.

Такъ говорилъ Аполлонъ, сынъ Зевса, и скоро до- 230
стигъ вершины Киллинской, лѣсомъ покрытой, и тотчасъ
направился къ тайной пещерѣ, гдѣ нимфа неслетная
сына скрывала, отъ Зевса рожденнаго. Сладостный за-
пахъ по всей веселой горѣ разносился отъ тучнаго стада
коровъ кривоногихъ, пасшихся тамъ по травѣ. Аполлонъ 235
поспѣшилъ къ той пещерѣ пространной и вступилъ черезъ
камни порога, а Ермъ, какъ увидѣлъ сердитаго, съ лукомъ,
быстро нырнулъ подъ пеленки пахучія, скрылся, какъ въ
угольяхъ пень обгорѣлый. Такъ Ермъ боялся взглянуть
на царя дальнострѣла; свернулся весь съ головой съ 240
руками, съ ногами; сказалъ бы ты — только что вы-
мытъ и сну безмятежно предался, — а вовсе не спалъ,
— черепаху же крѣпко подъ мышкой держалъ.

Царь Аполлонъ, сынъ Литои и Зевса, сразу узналъ 245
прекрасную горную нимфу и милого сына — мальчика
малаго, хитростью тонкой одѣтаго. Самъ осмотрѣлъ углы
всѣ жилища великаго, ключъ взялъ и три кладовыя
открылъ: наполнены нектаромъ были и сладкой амброзіей.
Много тамъ золота было, всего — серебра, пурпурныхъ 250
одеждъ серебряныхъ, чѣмъ вдоволь наполнены дома
безсмертныхъ боговъ.

Наконецъ, осмотрѣвши углы всѣ жилища обширнаго, царь Аполлонъ обратился съ словами къ Ерму:

— Мальчикъ, ты, въ колыбели укрылся! Говори, гдѣ коровы, скорѣе? Или же съ тобою совсѣмъ некрасиво разсорюсь: возьму и въ мрачные тартары брошу. Оттуда тебя ни мать, ни отецъ не спасеть: такъ тамъ и сгинешь, съ такими же будешь водиться плутами.

Ермъ отвѣчалъ ему хитро:

— Сынъ Литой! зачѣмъ ты сказалъ это гнѣвное слово? Ты ищешь стадо коровъ и за ними сюда поспѣшилъ, не такъ ли? Я не видалъ, не слыхалъ; и другого не знаю. Указать не могу, и награды за это не взялъ бы. Да развѣ похожъ я на сильнаго мужа, на вора такого? Не мое это дѣло; и мыслей такихъ у меня не бывало. Мысли мои лишь о снѣ, молокѣ моей матери, тепломъ купаньи, пеленкахъ. И ты бы лучше молчалъ и о дѣлѣ такомъ не рассказывалъ: боги бессмертные диву дадутся, что маленькій мальчикъ, чуть что родился, за двери поползъ на цѣлое стадо коровъ! Никто не повѣритъ! Вчера я на свѣтъ показался, нѣжныя ноги, земля каменная. Даже великою клятвой тебѣ поклянусь — головою отца! Увѣряю: и самъ я тутъ ни при чемъ, не видалъ и другого, чтобы гналъ ваше стадо, коровъ тамъ какихъ то; и первый разъ слышу.

Такъ сказалъ Ермъ, и началъ моргать и всхлипать, глазами водить и сюда и сюда, и похныкивать, лживой завѣривши рѣчью. Сладко надъ нимъ Аполлонъ дальнострѣль засмѣялся и такъ говорилъ:

— Ахъ ты обманщикъ, притворщикъ, пріятель! Вижу теперь напередъ, что ты по ночамъ частенько въ дома пробираться начнешь да хозяйничать станешь безъ шума, и многихъ посадишь ни съ чѣмъ на землѣ, когда такъ говоришь. Пастуховъ ты не мало обидишь по горнымъ

долинамъ, когда, въ своей алчности къ мясу, будешь встрѣчаться съ овцами или коровами. Ну, такъ теперь, чтобы ты не послѣднимъ спалъ сномъ, выходи съ колыбели, другъ темныхъ ночей, — такая честь для тебя навсегда у бессмертныхъ останется: «воръ-предводитель» тебя назовутъ на всѣ дни. 290

Сказавши такъ, Аполлонъ его на руки взялъ и понесъ. Тогда Ермъ, аргифонтъ смѣлый, надумалъ, на руки взятый, пустить примѣту — смѣлаго слугу желудка, безстыднаго вѣстника; съ этимъ же вмѣстѣ чихнулъ. Аполлонъ, какъ услышалъ, Ерма изъ рукъ опустилъ и на землю поставилъ; сѣлъ передъ нимъ, хотя и спѣшилъ, и бранилъ: 295 300

— Ахъ ты, мальчишка, сынъ Зевса и Маи! Такъ знай же: чрезъ ту же примѣту найду я и стадо тучныхъ коровъ; ты самъ и дорогу покажешь.

Такъ сказалъ царь Аполлонъ, и снова взялъ на руки Ерма Киллинскаго. Ермъ, совсѣмъ не желавшій, въ пеленки закутался, уши заткнулъ, говорилъ: 305

— Куда ты несешь, дальнострѣль, изъ боговъ самый злобный? Неужели ты такъ за коровъ разозлился и тащишь? А пусть пропадетъ вся порода коровъ! Не бралъ я вашихъ коровъ, не видалъ, и другого не знаю. Я первый разъ слышу. Пойдемъ на судъ къ Зевсу Крониду! 310

(Окончаніе слѣдуетъ.)

подробности о дѣятельности и открытіяхъ Архимеда можно узнать въ руководствахъ исторіи и въ книгахъ по исторіи математики *). Здѣсь скажемъ, что всѣ сочиненія его были написаны на дорическомъ нарѣчій, и частью утрачены, частью дошли до насъ въ позднѣйшихъ переработкахъ. Умеръ Архимедъ въ 212 году до Р. Х. Эпизодъ смерти его всѣмъ извѣстенъ **).

Въ эту-же эпоху и исторія, хотя и не столь уже заботилась объ искусствѣ изложенія и литературной художественности, зато стала принимать чисто практической характеръ: историкъ начинаетъ заботиться о всѣхъ деталяхъ жизни народовъ, о болѣе глубокихъ изслѣдованіяхъ въ области хронологіи и происхожденія государствъ. Къ сожалѣнію, тѣ изъ грамматиковъ, которые принялись писать исторію, часто искали скорѣе любпытнаго, чѣмъ достовѣрнаго; многіе думали, что задача исторіи состоитъ лишь въ собираніи матеріала, и потому исторія, имѣвшая видъ безпорядочнаго скопленія фактовъ, походила на Историческія бібліотеки. Такое заглавіе и носятъ дѣйствительно историческіе труды Аполлодора и Діодора Сицилійскаго.

Аполлодоръ (Ἀπολλόδωρος), уроженецъ Аѳинъ, жилъ около 140 г. до Р. Х. и былъ плодовитымъ и многостороннимъ писателемъ. Изъ его многочисленныхъ сочиненій сохранилась Библіотека, въ трехъ книгахъ, представляющая собою міеологическій сборникъ, начиная съ происхожденія боговъ и кончая Тесеемъ. Остальные его сочиненія, Хроники (Χρονικά), хронологическое обозрѣніе всемірной исторіи, Хорографія (Τῆς περιόδου) и др. дошли до насъ только въ видѣ отрывковъ.

Діодоръ Сицилійскій, Διόδωρος ὁ Σικελιώτης, современникъ Ю. Цезаря и Августа, составилъ всеобщую исторію въ сорока книгахъ тоже подъ заглавіемъ Библіотеки. Порядокъ изложенія то энографической, то лѣтописный: событія связываются лишь внѣшнимъ образомъ, безъ уясненія и разбора ихъ причинъ. Онъ пользовался многими источниками, но безъ надлежащей критики, и потому въ трудѣ его встрѣчается не мало ошибокъ и противорѣчій. Впрочемъ, какъ сборникъ матеріаловъ, Библіотека Діодора можетъ быть названа драгоцѣннымъ памятникомъ древности. У него мы находимъ отрывки изъ погибшихъ сочиненій многихъ историковъ: Гекатея, Ктесія, Теопомпа, Мегасѳена, и другихъ. Отъ сорока книгъ Библіотеки сохранилось пять первыхъ, посвященныхъ Египту, Ассиріи и первымъ временамъ Греціи, и еще десять, отъ одинадцатой до двадцатой включительно, заканчивающейся битвою при Ипсѣ (въ 301 г. до Р. Х.).

Вообще какъ Библіотека Аполлодора, такъ и книги Діодора представляютъ компиляцію, гдѣ часто міеологія искажена даже во вредъ поэзіи и безъ пользы для исторіи. Цѣннѣе для насъ были бы изысканія Манеѳона

*) Исторія математики, проф. Ващенко-Захарченка.

***) Можно еще упомянуть **Аеенея** изъ Сициліи, современника Архимеда, отъ его до насъ дошла статья περί μηχανημάτων, т. е. объ устройствѣ и употребленіи военныхъ машинъ. Этого Аеенея не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, софистомъ III в. по Р. Х.

и Бероза; но отъ сочиненій этихъ историковъ почти-что ничего не уцѣлѣло. **Манеѳонъ** (Μανέθων), египтянинъ, жилъ 283—246 г. до Р. Х., во время Птоломѣя Филадельфа, и былъ верховнымъ жрецомъ въ Гелиополѣ. Ему приписывается множество сочиненій по исторіи, физикѣ и астрономіи; но до насъ дошли только фрагменты отъ его Египетской исторіи или Αἰγυπτιακά, гдѣ мы находимъ хронологическій перечень египетскихъ династій и царей, цѣнный уже потому, что данныя, сообщаемыя Манеѳономъ, подтверждаются послѣдними изслѣдованіями гіероглифовъ.

Берозъ, Βηρώσις, родился еще во время Александра В. Онъ написалъ Вавилонскую исторію, Βαβυλωνικὰ ἢ Χαλδαϊκὰ, въ трехъ книгахъ. Самъ будучи уроженцемъ Вавилона и состоя членомъ жреческаго рода, онъ пользовался непосредственными источниками для своей исторіи и считался греческими историками за авторитетъ въ исторіи халдеевъ.

Стремленіе къ чудесному, которое Фукидидъ старался совсѣмъ изгнать изъ исторіи, развивается и доходитъ до крайнихъ предѣловъ у историковъ временъ Александра, у **Онесикрита**, **Аристубула**, **Клитарха**, и **Каллисѳена**, отъ которыхъ до насъ дошли только отрывки. Хотя эти историки почти всѣ были современниками Македонскаго царя, тѣмъ не менѣе они находили удовольствіе въ изобрѣтеніи или повтореніи тѣхъ басенъ относительно побѣдителя и покоренныхъ имъ странъ, которыя передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію до временъ Квинта Курція (I-го или II-го вѣка до Р. Х.), и которыя, разрастаясь, образовали, рядомъ съ истинной исторіей Александра, цѣлый сборникъ вымысловъ, господствовавшихъ въ средніе вѣка.

Не смотря вообще на господство вымысла въ исторіи этой эпохи, наслѣдіе Фукидида все-же не могло исчезнуть безслѣдно, все-же оставались люди со смысломъ и литературнымъ вкусомъ. На исходѣ III вѣка или, лучше сказать, во II-мъ вѣкѣ до Р. Х. является великій историкъ, напоставившій собою труды Фукидида. Мы говоримъ о Полибѣи.

Полибій, Πολύβιος, изъ Мегалополя*), родился около 212 г. до Р. Х. Онъ, какъ и отецъ его, стратегъ, играли видную роль въ событіяхъ, окончившихся римскимъ завоеваніемъ. Въ концѣ концовъ, Полибій попалъ къ римлянамъ въ заложники, прибывъ въ Римъ въ 166 году, и тамъ сталъ другомъ Сципіона Эмилиана, при которомъ онъ находился и во время взятія Карфагена. Проведши въ Римѣ почти двадцать лѣтъ, Полибій научился уважать народъ, которому рокъ судилъ господствовать надъ его согражданами, и, изучивъ его акты и письменные памятники, предпринялъ трудъ возсоздать Римлянъ въ ихъ исторіи и изяснить ихъ тріумфы. Полибію были открыты римскіе архивы; матеріалы стекались къ нему съ разныхъ сторонъ; онъ получилъ разрѣшеніе поѣхать въ Египетъ, Галлію, Испанію и другія провинціи, чтобы дополнить свои изысканія. Плодомъ этихъ пригготовительныхъ работъ было историческое сочиненіе, въ сорока книгахъ,

*) Μεγάλη πόλις, главный городъ Аркадіи, въ среднѣйшей Морей.

которое Полибій назвалъ Всеобщей исторіей или *Ἱστορία κοινή* (καθολική), ограничивавшейся, впрочемъ, такъ называемой „обитаемой землей“ (γῆ οἰκουμένη) или иначе предѣлами римскихъ владѣній, что называлось въ ту пору *orbis terrarum*. Трудъ Полибія представляетъ исторію возростанія римскаго могущества въ продолженіи 53 лѣтъ, съ 220 по 168 годъ до Р. Х.; она обнимаетъ время отъ начала Второй Пунической войны до пораженія царя Персея. Историкъ посвящаетъ сначала двѣ книги предварительнымъ соображеніямъ; онъ рассказываетъ Первую Пуническую войну и важнѣйшія событія, происходившія въ Сициліи, въ Африкѣ, Иллиріи, Галліи, Испаніи и въ Греціи до вторженія Аннибала въ Италію. Самое сочиненіе начинается съ третьей книги, въ которой Полибій излагаетъ войну римлянъ съ Аннибаломъ до битвы при Каннахъ (216 г.). Четвертая и пятая книги посвящены союзнической войнѣ въ Греціи, съ эпизодическимъ повѣствованіемъ о войнѣ родосцевъ съ Византіяцами, о событіяхъ на островѣ Критѣ, въ Египтѣ, Сиріи и Малой Азіи. Изъ сорока книгъ до насъ дошли вполне только пять первыхъ, обнимающихъ четыре года (220—217); прочія книги уцѣлѣли лишь въ отрывкахъ.

Полибій въ свой историческій трудъ внесъ новую мысль о всеобщей исторіи какъ наукѣ, изслѣдывающей взаимную связь между міровыми событіями. Авторъ самъ называетъ свою исторію „прагматическою“; онъ пишетъ „прагматейю“, подъ которой надо разумѣть дѣянія, вытекающія изъ политики, внутренней какъ и внѣшней, и морали, господствующей въ жизни людей. Полибій одинъ изъ тѣхъ творцовъ философіи исторіи, которая старается доискаться причинъ фактовъ и найти естественныя слѣдствія въ совершающихся событіяхъ. Однако, стремленіе быть вездѣ мыслителемъ портитъ ему какъ писателю: серьезныя размысленія мѣшаютъ живости и подвижности стили, отчего Полибій, такъ сказать, только на половину напоминаетъ Фукидиду. — Русскій переводъ Полибія сдѣланъ проф. О. Г. Мищенкомъ.

У Полибія было не мало подражателей, между которыми первое мѣсто занимаетъ **Посейдоній** *Ποσειδώνιος*, 135—51 г. до Р. Х.) изъ Апамеи въ Сиріи. Изъ его многочисленныхъ сочиненій, частью философскихъ, частью математическихъ и географическихъ, наибольшее значеніе имѣетъ его *Ἱστορίαι* въ 52-хъ книгахъ, составлявшая продолженіе исторіи Полибія; но отъ нея остались только одни фрагменты, между тѣмъ какъ прочіе труды совсѣмъ затеряны.

Изъ другихъ подражателей Полибія упомянемъ только имена Теофана, современника Помпея, дѣянія коего онъ описалъ, и Юбы (*Ἰόβας*), современника Цезаря, о которомъ Плутархъ говоритъ, какъ о мужѣ, составившемъ себѣ славу своими историческими и географическими трудами.

Переходя къ другому значительному историческому имени, къ **Діонисію** Галикарнасскому, скажемъ прежде всего, что разница между нимъ и Полибіемъ заключается въ томъ, что послѣдній держался актовъ и подвергалъ ихъ тщательной провѣркѣ и изслѣдованію, а Діонисій былъ просто риторомъ.

Діонисій, Διονύσιος, изъ Галикарнаса прибылъ въ Римъ подь конецъ войны Августа съ Антоніемъ въ 30-мъ г. до Р. Х. и жилъ тамъ двадцать-два года; умеръ въ 8-мъ г. до Р. Х. Онъ написалъ сочиненіе подь заглавіемъ Древняя исторія Рима или Ἀρχαιολογία Ῥωμαϊκή, въ двадцати книгахъ; оно обнимало событія отъ мифическихъ временъ италійскихъ народовъ до начала Пуническихъ войнъ, т. е., до того періода, съ котораго начинается исторія Полибія. Изъ Исторіи Діонисія сохранились только 11-ть первыхъ книгъ и нѣсколько отрывковъ отъ девяти другихъ. Нерѣдко компиляція Діонисія, какъ и компиляція Діодора Сицилійскаго, для насъ представляетъ цѣнность, благодаря массѣ матеріала изъ жизни древнихъ, матеріала, который, къ слову сказать, распределенъ неискусно и сопровождается часто неосновательными сужденіями. Истинная заслуга Діонисія заключается въ его рѣчахъ и сужденіяхъ о знаменитѣйшихъ ораторахъ аттическихъ.

Обыкновенно въ концѣ этого періода, вмѣстѣ съ Діонисіемъ Галикарнаскимъ, а также и Діодоромъ Сицилійскимъ, ставятъ знаменитаго древняго географа Страбона.

Страбонъ (Στράβων) родился въ 66 г. до Р. Х., въ Амасіи въ Понтѣ*), и умеръ въ 24 г. до Р. Х. Онъ жилъ въ Римѣ, много путешествовалъ и самъ посѣтилъ бѣльшую часть описываемыхъ имъ странъ. Изъ всѣхъ его сочиненій до насъ дошла почти цѣликомъ его Географія (Γεωγραφικά) въ 17-ти книгахъ, сочиненіе въ высшей степени цѣнное. Начавъ съ обзорѣнія топографіи Гомера, Страбонъ переходитъ къ космографіи и къ критикѣ своихъ предшественниковъ, Посейдонія и преимущественно Ератосѣена (275—194 г. до Р. Х.), тоже знаменитаго географа и математика, отъ трудовъ котораго и осталось собственно только то, что мы находимъ у Страбона. Страбонъ описываетъ Европу, Азію, Африку со всѣми полуостровами ихъ и прилегающими къ нимъ островами, и даетъ по пути массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. — Страбонъ хотя и пользуется трудами своихъ предшественниковъ, но пользуется осмотрительно и съ серьезной провѣркой. Это скорѣе географъ-философъ и моралистъ, чѣмъ геометръ и физикъ. Родившись въ эпоху самаго высшаго развитія римскаго владычества, этотъ грекъ не даетъ себя обольстить пространствомъ имперіи, границы которой составляютъ границы его науки, и не позволяетъ себѣ пользоваться иными книгами, какъ только греческими. Будучи вездѣ писателемъ съ направленіемъ критическимъ, онъ боится довѣряться баснямъ, и, влѣдствіе этого самаго, не вѣритъ бѣльшей части сообщеній Геродота. Но, по странной какой-то непослѣдовательности, не смотря на свой вообще скептицизмъ, нашъ географъ чувствуетъ особенное расположеніе къ старику Гомеру, самому надежному, въ его глазахъ, авторитету**).

*) На югъ отъ середины южнаго побережья Чернаго моря.

***) Съ содержаніемъ Страбона читатель можетъ ознакомиться по русскому переводу, принадлежащему проф. Ѳ. Г. Мищенку.

Заканчивая обзоръніе „Александрійской“ эпохи, скажемъ нѣсколько словъ о философіи.

Философы этой эпохи излагали свои ученія преимущественно устно, и отъ нихъ не осталось письменныхъ памятниковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе мы имѣемъ отъ Платона или Аристотеля. Мы только по сочиненіямъ латинскихъ философовъ узнаемъ ученія первыхъ **стоиковъ** *), преимущественно по сочиненіямъ Цицерона, который признается, что въ своемъ сочиненіи *De officiis* онъ воспроизводитъ большею частью трактатъ Панетія, а въ своихъ сочиненіяхъ *De divinatione*, *De fato* и *De natura deorum* — трактаты Посейдонія.

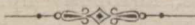
Панетій, Παναίτιος, уроженецъ Родоса, род. ок. 180 г. до Р. Х., и въ I-мъ вѣкѣ стоялъ во главѣ стоической школы въ Аѳинахъ. Раньше онъ жилъ въ Римѣ и здѣсь пользовался большимъ расположеніемъ многихъ знатныхъ римлянъ, какъ Кв. Муцій Сцевола Авгуръ, Кв. Элій Туберонъ и др. Отъ его сочиненій дошли до насъ только ничтожные отрывки. Главнымъ его сочиненіемъ считалось *Περὶ τοῦ καθήκοντος* или *Объ обязанностяхъ*, въ трехъ книгахъ, которое то и дало матеріалъ первымъ книгамъ Цицероновскаго *De officiis*. Ученикомъ Панетія былъ

Посейдоній, Ποσειδώνιος, узъ Апамеи въ Сиріи, также стоикъ [о которомъ, какъ о подражателѣ Полибія см. выше], извѣстенъ намъ, какъ философъ, только по Цицерону *).

Письменные памятники **Епикурейцевъ** этой эпохи намъ столь-же мало извѣстны; но и то, чтò дошло до насъ отъ учителя и отъ его учениковъ, слишкомъ несовершенно, и по изложенію, и по содержанію, чтобы сожалѣть о потерянныхъ трактатахъ.

*) См. стр. 77.

**) Cic., *Tusc.*, 2, 25; *Nat. d.*, 1, 3; *Fin.*, 1, 2; *Fat.*, 3; *ad Att.*, 2, 1; — *Plut.*, *Cic.*, 4.

IV

Греко-Римская эпоха.

I—V вѣка по Р. Х.

Въ то время, какъ у Римлянъ появляются такіе поэты, какъ Вергилій, Гораций, Ювеналь, поэтической гений Греціи блекнетъ, и съ концомъ „Александрійской“ эпохи греки могли хвалиться только именами давно отошедшихъ поэтовъ. Однако и въ эту, Греко-Римскую, эпоху мы находимъ еще нѣсколько хорошихъ версификаторовъ и искусныхъ подражателей античной музы. Такъ, мы знаемъ **Діонисія-Періегета** (Διονύσιος Περιηγητής*), уроженца Византіи или Александріи, жившаго въ началѣ или въ концѣ I-го вѣка по Р. Х.; онъ написалъ гекзаметрами, очень благозвучными и правильными, поэму подъ заглавіемъ Путешествіе вокругъ свѣта или *Περιήγησις τῆς οἰκουμένης*, слѣдуя при этомъ большею частью Ератосеену**). Позднѣйшіе писатели часто пользовались сочиненіемъ Періегета.

Во II-мъ вѣкѣ жилъ другой поэтъ **Оппіанъ** (Ὀππιανός) изъ Киликіи, авторъ дидактической поэмы *Объ уженіи* или *Ἀλιευτικά*, сохранившейся вполне, въ числѣ 5-ти книгъ. Отъ этого Оппіана слѣдуетъ отличать другаго **Оппіана**, жившаго въ III-мъ вѣкѣ, которому приписываютъ два стихотворныхъ произведенія, одно *Объ охотѣ* или *Κυνηγετικά*, въ пяти книгахъ, а другое *О птицеловствѣ* или *Ἱερωτικά*; первое во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ поэмѣ *Ἀλιευτικά*, второе до насъ дошло въ видѣ переложенія прозою, сдѣланнаго Евтекніемъ.

Другой поэтъ этой эпохи, заслуживающій упоминанія, — **Бабрія** или **Бабрій** (Βάβριος), жившій, по всей вѣроятности, въ III-мъ вѣкѣ христіанской эры. Ему принадлежатъ 123 басни, озаглавленные „миѳамбами“, т. е. миѳы

*) Періегетъ, *περιηγητής*, собственно значить „объѣзжающій кругомъ“, а потомъ „разскащикъ“.

**) Объ Ерат. см. выше, въ статьѣ Страбонъ.

(басни) въ ямбахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ очень изящны и поучительны, напр. та, въ которой разсказывается о хитростяхъ лисы, желающей загнать лань въ берлогу льва; но большинство слабы, а инныя просто не совсѣмъ пристойныя сказки.

Въ IV и V-мъ вѣкѣ мы имѣемъ **Квинта Смирнскаго** (Κοῖντος), слабого подражателя Гомера въ эпической поэмѣ Τὰ μεθ' Ὀμηρον, **Нонна** изъ Панополя въ Египтѣ, написавшаго блестящимъ гекзаметромъ поэмѣ Διονυσιακά (миѣы о Вакхѣ), будучи язычникомъ, а сдѣлавшись христианиномъ, — метафразу евангелія отъ Иоанна; оба произведенія сохранились. — Къ началу VI-го вѣка относятся: **Трифѳодоръ** (Τριφύδωρος, изъ Египта), написавшій поэмѣ Взятіе Иліона или Ἰλίου ἄλωσις, **Коллуѣъ** изъ Ликополя въ Египтѣ, написавшій поэмѣ Похищеніе Елены (Ἀρπαγή Ἑλένης, и **Мусей**, оставившій намъ Приключенія Герѳа и Леандра (Τὰ κατ' Ἡρώ καὶ Λεάνδρον).

Но настоящая поэзія этой эпохи обнаруживается въ томъ родѣ художественной литературы, которую мы называемъ **Эпиграммой**. Изъ Эпиграммъ-же составилась, главнымъ образомъ, и такъ называемая **анеологія**, или собраніе цвѣтковь поэзіи*). Первоначально, какъ показываетъ и самое слово, эпиграмма**) была не что иное, какъ простая надпись либо на памятникѣ, для увѣковѣченія памяти о какомъ-нибудь дѣяніи, либо въ храмѣ, при посвященіи богу жертвы, либо на статуѣ или могилѣ, для прославленія героя. Но, съ другой стороны, эпиграммами называли и вообще маленькія стихотворенія, то въ видѣ посланія, любовнаго или дружественнаго, то въ видѣ краткаго плана, въ которомъ поэтъ въ выразительныхъ стихахъ

*) Подъ общимъ наименованіемъ анеологіи (отъ ἄνθος, цвѣтокъ) у насъ существуетъ два отдѣльных сборника: одинъ принадлежитъ Константину Кефалу, а другой — монаху М. Планудѣ. **Константинъ Кефала**, авторъ X-го вѣка нашей эры, составилъ сборникъ, въ которой вошли какъ древнѣйшія эпиграммы, такъ и эпиграммы позднѣйшаго времени. Ручкопись анеологіи Кефала найдена была въ 1606 году Салмасіемъ и издана Brunck'омъ въ 1772—76 году и Jacobs'омъ въ 1814 и потомъ въ 1817 году въ 13-ти томахъ. — Другая анеологія принадлежитъ монаху **М. Планудѣ**, жившему въ XIV вѣкѣ. Эта вторая анеологія есть не что иное, какъ извлеченіе изъ первой, въ семи книгахъ. Она впервые была напечатана въ 1494 году подъ наблюденіемъ ученаго грека Иоанна Ласкариса. — Раньше анеологіи Плануды и К. Кефала существовали еще сборники того-же рода, которые не дошли до насъ. То были: Цикль **Агаѳии** въ VI вѣкѣ христіанской эры, Вѣнокъ (στέφανος) **Филиппа Вессалонійскаго**, писателя времени Тиберія, и Вѣнокъ **Мелеагра**, поэта I вѣка до Р. X. Для насъ наиболѣе прискорбна потеря послѣдняго сборника, потому-что онъ былъ составленъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ своего времени. Вѣнокъ Мелеагра былъ сплетенъ изъ самыхъ прекрасныхъ цвѣтковь античной поэзіи; туда входили эпиграммы Симонида, Алкея, Анакреонта, Архилоха, Бакхиліида, Сапфѳа и др. Впрочемъ, кое-что отъ Вѣнка Мелеагра дошло до насъ въ анеологіяхъ, составленныхъ Кефаломъ и Планудой; но легко понять, что каждый изъ этихъ сборниковъ былъ составленъ по вкусу времени, и что, по мѣрѣ того какъ отдалялись отъ древнихъ образцовъ, сборники все больше сокращались и давали мѣсто произведеніямъ позднѣйшимъ или современнымъ. Не всегда заботились также и о подлинности той или другой эпиграммы.

**) Эпиграмма, ἐπίγραμμα, по составу своему (ἐπί на и γράφω пишу) значить „надпись“.

изображаетъ воодушевляющія его чувства; такъ, въ эпиграммахъ Алкея и Симонида мы видимъ благородныя страданія гражданина, въ эпиграммахъ Анакреонта — страстную любовь, въ эпиграммахъ Архилоха выражается чувство мести, въ эпиграммахъ Аристотеля и Платона — любовь къ истинѣ и добродѣтели.

„Анеологія“ даже и въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, есть одинъ изъ драгоценнѣйшихъ остатковъ древности, и изученіе ея необходимо для полнаго знакомства съ общей исторіей греческой литературы. Далекое не всегда можно точно указать на время дѣятельности того или другаго изъ поэтовъ, имена коихъ входятъ въ „анеологію“: иные относятся къ эпохѣ аттической, а иные и къ эпохѣ византійской; но все-же наибольшее число поэтовъ, входящихъ въ „анеологію“ относятся къ эпохѣ Римской, когда эпиграмма развивалась по преимуществу на счетъ другихъ родовъ поэзіи. Этимъ-же преобладаніемъ эпиграммы объясняется появленіе въ свѣтъ Сильвъ (Silvae) Статія и эпиграммъ Марціала*).

Въ эпоху „Греко-Римскую“ греческая литература обогащается выдающимися прозаическими произведеніями. Появляется не мало замѣчательныхъ писателей, во главѣ которыхъ стоитъ имя Плутарха.

Плутархъ (Πλούταρχος, ок. 50—120 по Р. Х.), уроженецъ Херонеи въ Беотіи, самый блестящій въ этомъ періодѣ представитель „софистовъ“: такъ римская эпоха называетъ ученыхъ, которыхъ предыдущая эпоха обозначала именемъ „грамматиковъ“. Плутархъ не разъ бывалъ въ Римѣ, гдѣ съ большимъ успѣхомъ читалъ публичныя лекціи о философскихъ и литературныхъ вопросахъ, привлекая отборную публику. Это былъ человѣкъ, обладавшій обширною эрудиціей, знакомый со всѣмъ тѣмъ, что было написано до него въ прозѣ и стихахъ. Сочиненія его есть драгоценное сокровище свѣдѣній, касающихся разныхъ областей человѣческаго знанія. Его Сравнительныя жизнеописанія (Βίοι παράλληλοι) и его Нравственные трактаты (Ἠθικά или Moralía) пользуются и понынѣ большою популярностью. Его 46 сравнительныхъ біографій греческихъ и римскихъ знаменитыхъ мужей, по простотѣ и популярности изложенія, доступны всѣмъ возрастамъ и вкусамъ и въ высшей степени поучительны.

Плутархъ обладалъ особеннымъ даромъ воспроизводить характерныя нравственныя черты историческихъ лицъ, изображать ихъ живыми и дѣйствующими. Онъ не задается цѣлью написать сочиненіе, подобное исторіи Фукидида, и не столько заботится о томъ, чтобы собрать всѣ факты, необходимые для памяти историческихъ событій или дѣяній историческаго лица: главная задача его — собрать и привести факты и черты, хотя-бы то самыя незначительныя и самыя мелкія, но непремѣнно такія, которыя, будучи мало замѣтны, тѣмъ не менѣе наиряче обрисовываютъ природу человѣка: Плутархъ знаетъ, что „фізіономія не сказывается въ крупныхъ чертахъ, характеръ не проявляется въ великихъ дѣяніяхъ: только въ мелочахъ

*) Римскіе поэты: Статій род. въ 45 г., а Марц. въ 42 по Р. Х.

раскрывается природа. Публичныя дѣла слишкомъ подготовлены или слишкомъ всѣмъ извѣстны, а между тѣмъ наши современные біографы на нихъ-то по преимуществу и останавливаются“. Не такъ дѣлалъ Плутархъ. Для него въ исторіи важнѣе всего было то, что могло составить школу морали. Эта преобладающая въ немъ черта заставляетъ его украшать свои портреты, или, по крайней мѣрѣ, указывать преимущественно на хорошія стороны. Если критика и можетъ находить даже крупныя недостатки въ произведеніяхъ Плутарха, въ родѣ отсутствія фактической полноты, его Жизнеописанія, во всякомъ случаѣ, навсегда останутся прекраснѣйшимъ памятникомъ греческой литературы. Это именно та книга, которая въ наши времена наиболѣе привлекала вниманіе государственныхъ людей, моралистовъ и драматическихъ писателей, т. е. людей, нуждающихся въ знаніи челоуѣческаго сердца, частью съ цѣлью пользоваться движеніями его, частью съ цѣлью управлять ими или изобразить ихъ. Шекспиръ, гордый и свободный, никѣмъ не вдохновлялся больше, чѣмъ Плутархомъ, и ему былъ обязанъ прелестнѣйшими и естественнѣйшими сценами въ своихъ трагедіяхъ Коріоланъ, Ю. Цезарь, Антоній и Клеопатра. Монтэнъ, Монтескье, Ж. Ж. Руссо и др. великіе люди поразились этимъ произведеніемъ и говорили о немъ не иначе, какъ съ восторгомъ.

Подъ общимъ именемъ Нравственные трактаты мы имѣемъ отъ Плутарха много сочиненій самаго разнообразнаго содержанія, посвященныхъ вопросамъ философіи, политики, нравственности и религіи. Разсужденія Плутарха читаются съ интересомъ, хотя и не блещутъ глубиной мысли; по этому-же самому они и болѣе доступны*).

Другой современникъ Плутарха, **Діонъ Хризостомъ****) (Δίων Χρυσόστομος), получилъ прозваніе „Златоустаго“ за свои знаменитыя рѣчи. Онъ родился въ Прузѣ въ Виоиніи и происходилъ изъ знатнаго семейства. Дошедшія до насъ 80 его рѣчей написаны изящнымъ языкомъ и обнаруживаютъ подражаніе Платону, Демосѣену и Эсхину. Онъ былъ лучшимъ стилистомъ своего времени. Особенно хороша его Олимпійская рѣчь (Ὀλυμπιακός), въ которой Фидія объясняетъ собравшимся грекамъ идею своего Зевса олимпійскаго. — Діонъ жилъ то въ своемъ городѣ, то подолгу въ Римѣ, то странствовалъ въ придунайскихъ владѣніяхъ римской имперіи, когда при императорѣ Діоклетіанѣ вынужденъ былъ покинуть столицу.

Ниже Діона стоятъ другіе „софисты“ того времени, сочиненія которыхъ, частью филолофскаго содержанія, по преимуществу относятся къ риторикѣ. Риторика, повидимому, заняла мѣсто краснорѣчія въ греческомъ обществѣ съ того времени, какъ исчезла общественная жизнь вмѣстѣ съ потерей національной свободы. Представителями риторики во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. были Иродъ Аттикъ, Элій Аристидъ, Максимъ Тирскій и Гермогенъ.

*) Жизнеописанія Плутарха есть въ русск. переводѣ, сдѣланномъ С. Дестунисомъ въ 20-хъ годахъ, и нынѣ начаты В. Алексѣевымъ.

**) Хризостомъ знач. „златоустъ“.

Иродъ (Ἡρόδης), сынъ богатаго мараонянина, былъ воспитателемъ императора Марка Аврелія; его сочиненія не дошли до насъ. Онъ основалъ ораторскую школу, изъ которой вышелъ, между прочимъ

Элій Аристидъ (Ἠλῖος Ἀριστείδης), уроженецъ мизійскаго города Адрианы, извѣстенъ, какъ фанатическій язычникъ. Многочисленные его рѣчи, дошедшія до насъ, обличаютъ въ немъ искуснаго фразера.

Максимъ Тирскій (Μάξιμος Τύριος, въ концѣ II стол.), писалъ небольшія статьи о нравственной философіи и, принадлежа къ Новоплатоникамъ, популяризовалъ Платона. Отъ него имѣется 41 философско-риторское сочиненіе. Нѣкоторые позднѣйшіе философы руководствовались его основною мыслью о непрерывной связи всего живаго, гдѣ высшую ступень занимаетъ божество, а низшую растенія.

Гермогенъ (Ἑρμογένης), уроженецъ Тарса, оставившій намъ пять риторскихъ сочиненій подъ заглавіемъ Риторики (Τέχνη ῥητορική), въ исторіи особенно извѣстенъ преждевременною зрѣлостью и быстрымъ упадкомъ умственныхъ силъ. Будучи еще 15-ти лѣтнимъ юношей, онъ блисталъ уже какъ преподаватель риторики, а девять лѣтъ спустя онъ лишился памяти и слова и жилъ до глубокой старости въ идиотизмѣ.

Къ этимъ четыремъ именамъ софистовъ-риторовъ II вѣка прибавимъ еще трехъ, жившихъ въ IV вѣкѣ, Θεμιστία, Гимерія и Либанія.

Θемистій (Θεμιστίος), современникъ императоровъ Констанція и Юліана, дѣйствительный его за краснорѣчіе. Изъ 36-ти рѣчей его сохранилось 34-ре, которыя, преимущественно, посвящены восхваленію императоровъ.

Гимерій (Ἱμέριος, ок. 315—386), уроженецъ Прузы въ Вионіи, учитель знаменитыхъ Василія и Григорія Назіанскаго. Онъ былъ язычникомъ, но къ христіанству относился безъ всякаго фанатизма. Изъ 71-ой рѣчи сохранилось вполнѣ 24. Это рѣчи, написанныя большею частью на показъ, въ тонѣ позднѣйшей ретирики, и отличаются напыщенностью и темными аллегоріями.

Несравненно важнѣе для насъ третій софистъ-риторъ, **Либаній** (Λιβάνιος, ок. 315—391), уроженецъ сирійскаго города Антиохіи, учениками коего были Василій Вел. и Іоаннъ Златоустъ. Въ зрѣлые годы онъ поселился въ Аѳинахъ и тамъ приобрѣлъ извѣстность своими познаніями. Онъ былъ язычникомъ, но къ христіанамъ относился съ терпимостью. Онъ написалъ множество сочиненій на греч. языкѣ, большая часть которыхъ сохранилась. Первое мѣсто между ними занимаютъ рѣчи, λόγοι, числомъ свыше 60-ти, а частью, именно 50-ть, такъ наз. μελέται, т. е. риторическія примѣрные упражненія. Языкъ Либанія отличается большою чистотою. Онъ основательно изучалъ Гомера, Платона и особенно аттическихъ ораторовъ, и ему мы обязаны биографіей Демосфена и краткими содержаніями его рѣчей, или такъ наз. ὑποθέσεις. Изъ рѣчей Либанія особенно важны для исторіи того времени рѣчи къ императору Юліану Отступнику. Вообще этомъ софистѣ имѣеть важное значеніе для историка, занимающагося исторіей данной эпохи.

Какъ компиляторы, дающіе намъ множество фрагментовъ отъ потерянныхъ сочиненій древнихъ авторовъ, заслуживаютъ серьезнаго упоминанія Аэней, Эліанъ и Стобей.

Аэней (Ἀθήναιος*), род. ок. 228 г. по Р. Х.), уроженецъ Навкратиды въ Египтѣ, потомъ переселившійся въ Римъ, написалъ громадное сочиненіе богатое по содержанію, подъ заглавіемъ *Δειπνοσοφισταί*, что значитъ Пирь софистовъ, въ 15-ти книгахъ, сохранившихся почти вполнѣ. Въ этомъ сочиненіи выведены ученые и художники, собравшіеся на пирь у римлянина Ларенція; тутъ они состязаются въ учености и приводятъ въ своихъ разговорахъ массу важныхъ отрывковъ изъ памятниковъ древней литературы, которыхъ мы не знали бы безъ Аэнея.

Другой софистъ-компиляторъ III вѣка, **Эліанъ** (Ἀἰλιανός) Клавдій, родомъ изъ Пренесте, оставилъ намъ, между прочимъ, сочиненіе подъ заглавіемъ *Ποικίλη ἱστορία* или *Varia historia*, въ 14-ти книгахъ, разнообразнаго и цѣннаго содержанія, и другое въ 17-ти книгахъ *Разсказы о животныхъ* (*Περὶ ζώων*); его сочиненія, какъ и сочиненія Аэнея особенно важны многочисленными сообщеніями, заимствованными у писателей, для насъ утраченныхъ.

Третій важный для насъ софистъ-компиляторъ, **Стобей** (Ἰωάννης Στοβαῖος), изъ македонскаго города Стобъ, жилъ въ V вѣкѣ. Онъ написалъ извлеченія болѣе, чѣмъ изъ 500 греческихъ писателей, гдѣ мы находимъ свѣдѣнія по физикѣ, естествовѣдѣнію, логикѣ, этикѣ и пр. Въ рукописяхъ весь трудъ Стобея раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ 1-я озаглавлена *Eclogae*, а 2-я *Sermones*; послѣдняя часть есть собраніе изрѣченій и афоризмовъ и называется иначе *Florilegium*, что въ переводѣ на греческій значитъ *anthologia*.

Къ софистамъ „Греко-Римской“ эпохи относится также знаменитый защитникъ христіанской религіи, Св. **Климентъ Александрійскій****) (*Clemens Alexandrinus*), дѣятельность котораго относится ко II-му и III вѣку нашей эры. Сначала онъ былъ язычникомъ, а потомъ сталъ строгимъ ревнителемъ христіанства и написалъ на греческомъ языкѣ сочиненіе, состоящее изъ трехъ частей: 1. *Προτρεπτικός*, гдѣ излагаетъ доказательства превосходства христіанства надъ греческой философіей, 2. *Παιδαγωγός*, часть, въ которой рассказываетъ о божественномъ воспитаніи человѣка и развиваетъ превосходное ученіе о нравственности; 3. *Στρωματεῖς* или *Στρώματα****), гдѣ старается рѣшить важнѣйшіе вопросы человѣческаго познанія и опровергаетъ всякое ложное знаніе. Отъ Климента сохранился также и прекрасный христіанскій гимнъ.

Нѣсколько именъ другихъ софистовъ той-же эпохи можно обобщить

*) См. выше, стр. 97, примѣч. при Архимедѣ.

**) Носившій полное римское имя T. Flavius Clemens.

***) Собств. ковры, разноцвѣтныя изображенія.

названіемъ „софистовъ-біографовъ“. Такими были Діогенъ Лаэртскій, Филостратъ и Евнапій.

Діогенъ Лаэртскій, происходившій изъ киликійскаго города *Λαέρτη*, въ правленіе императора Адріана (II вѣкъ) въ Римъ и самъ приобрѣлъ извѣстность какъ грамматикъ. Ему мы обязаны сочиненіемъ *Жизнеописанія и ученія философовъ* (*Περὶ βίων καὶ γνώμων τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ ἐδόκιμησάντων*) въ 10-ти книгахъ. Сочиненіе Діогена имѣетъ большую важность для того, кто хочетъ ознакомиться съ греческой философіей на основаніи источниковъ. Кромѣ того, Діогенъ, какъ и Аѳиней, даетъ множество свѣдѣній о литературныхъ памятникахъ, до насъ не дошедшихъ.

Филостратъ (*Φιλόστρατος*) Старшій, Аѳинянинъ, жившій въ половинѣ III вѣка въ Римѣ и оставившій намъ Біографіи софистовъ, или *Βίοι σοφιστῶν*, въ двухъ книгахъ, сочиненіе очень цѣнное для исторіи греческаго просвѣщенія во времена римскихъ императоровъ. Кромѣ того Филостратъ написалъ *Жизнь Аполлонія Тіанскаго* (*Βίος Ἀπολλωνίου Τρανέως*) въ 8-ми книгахъ, сочиненіе, пользовавшееся въ свое время чрезвычайною популяренностью. Въ немъ Аполлоній изображенъ человѣкомъ сверхъестественной природы, творившимъ великія чудеса, и защитники язычества, въ борьбѣ съ христіанствомъ, любили противопоставлять Аполлонія Иисусу Христу. Отъ Филострата сохранились еще и другія сочиненія, менѣе значительныя, какъ *Εἰκόνες* въ двухъ книгахъ, съ описаніемъ разнаго рода картинъ, историческихъ портретовъ, ландшафтовъ и т. п. — Внукъ этого, Филостратъ Младшій, написалъ въ подражаніе своему дѣду сочиненіе подъ заглавіемъ *Εἰκόνες*, стоящее по достоинствамъ ниже перваго.

Евнапій (*Εὐνάπιος*), жившій въ IV вѣкѣ, написалъ біографіи 23-хъ софистовъ подъ заглавіемъ *Βίοι φιλοσόφων καὶ σοφιστῶν* и историческое сочиненіе *Χρονικὴ ἱστορία μετὰ Δέξιππον* (Дексинъ Геренній въ 270 г. по Р. Х.).

Настоящимъ корифеемъ софистовъ въ разсматриваемую эпоху былъ **Лукіанъ** (*Λουκιανός*), изъ сирійскаго города Самосать. Лукіанъ род. въ 120 г. по Р. Х. отъ бѣдныхъ родителей, которые отдали сына въ ученіе къ камепотесу. Но талантливая натура Лукіана влекла его совершенно въ другую сторону. Его влекло къ себѣ блестящее поприще ритора-софиста. Эти люди во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. имѣли большой успѣхъ, какъ люди, до высокой степени образованные, въ совершенствѣ владѣвшіе греческимъ языкомъ, всесторонне знакомые съ древними поэтами и мыслителями и способные обо всемъ говорить умно и краснорѣчиво. Мы не знаемъ, какъ Лукіанъ пробился изъ нужды и создалъ себѣ высокое положеніе въ обществѣ. Мы знаемъ только, что онъ провель нѣсколько лѣтъ въ Греціи, потомъ попалъ въ Галлію, гдѣ въ то время городъ Марсель представлялъ собою умственный центръ, который еще Цицеронъ назвалъ „Аѳинами Галліи“. Прославившись и обогатившись какъ учитель краснорѣчія и блестящій ораторъ, Лукіанъ переѣзжаетъ въ Аѳины, гдѣ изъ ритора дѣлается философъ, а потомъ посвящаетъ все время на писаніе придуманныхъ имъ

сатирическихъ діалоговъ. Сорокалѣтній возрастъ Лукіана былъ самой блестящей порой его литературной дѣятельности. Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ его опять странствующимъ ораторомъ, достигшимъ даже высокаго служебнаго поста въ Египтѣ при императорѣ Коммодѣ. Лукіанъ дожилъ до глубокой старости; но годъ его смерти намъ неизвѣстенъ*).

Лукіанъ жилъ въ ту эпоху, въ умственной или духовной жизни которой характеристическою чертою было суевѣріе и мистицизмъ. Въ прежнихъ боговъ, съ реальными и опредѣленными представленіями о нихъ, уже мало кто вѣрилъ; имъ стали придавать скорѣе таинственный и мистическій смыслъ, съ примѣсью восточныхъ представлений. Никогда еще не было въ греческомъ мірѣ столько обманщиковъ и предвѣщателей, находившихъ почву для своей дѣятельности въ общей склонности къ таинственному или мистическому. Лукіанъ былъ безпощаднѣйшимъ и остроумнѣйшимъ противникомъ этого направленія, будучи самъ атеистомъ и скептикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Мысль его постоянно проникнута сомнѣніями и отрицаніемъ, такъ что его можно назвать Вольтеромъ II вѣка христіанской эры. Сатира его затрагиваетъ современную жизнь во всѣхъ ея направленіяхъ: религіи, философіи, литературы, частной жизни; не касался онъ одной только политики. Тонкость наблюденія, художественное воспроизведеніе характеровъ, прекрасный языкъ и блестящее остроуміе еще и теперь сохраняютъ сочиненіямъ Лукіана всю ихъ привлекательность и неистощимый интересъ, и мало найдется писателей, которыхъ читали столько, сколько Лукіана.

Настоящій интересъ Діалоговъ Лукіана заключается въ томъ, что они насъ отлично знакомятъ съ обществомъ того времени, съ настроеніемъ умовъ въ ту переходную эпоху, когда язычество и древняя философія находились въ медленной и тяжелой агоніи, когда христіанство еще не успѣло овладѣть всѣми умами и сердцами, а между тѣмъ столь чувствительно страдало отъ многочисленныхъ ересей, что, казалось, первоначальное ученіе готово было заглухнуть навсегда. Объ этомъ христіанствѣ Лукіанъ, язычникъ-атеистъ, имѣлъ чисто языческое представленіе, когда говорилъ: „Эти (христіане) несчастные воображаютъ, что они безсмертны и будутъ жить вѣчно. Поэтому они презираютъ мученія и добровольно идутъ на смерть. Ихъ первый законодатель увѣрилъ ихъ, что они всѣ братья. Разъ отбросивъ нашу вѣру, они отрекаются отъ нашихъ боговъ и поклоняются своему распятому законодателю. Принимая его наставленія съ слѣпою вѣрой, они пренебрегаютъ всякимъ имуществомъ и считаютъ его общимъ. И еслибы явился между ними ловкій обманщикъ, онъ могъ бы обогатиться очень быстро, одурачивъ этихъ простыхъ и легкомысленныхъ людей**).

Подъ именемъ Лукіана до насъ дошло болѣе 80-ти сочиненій, въ томъ

*) Свидя сообщаетъ, что Лук. былъ растерзанъ бѣшенными собаками за непочтительные отзывы о христіанахъ.

***) Περὶ τῆς Περειγρίνου τελευτῆς (De morte Peregrini), 12.

числѣ 71 небольшой діалогъ, которые обыкновенно раздѣляютъ на три отдѣльныхъ части подъ заглавіями: 1. *Dialogi deorum* („Бесѣды боговъ“), 2. *Dialogi mortuorum* („Бесѣды мертвыхъ“), 3. *Dialogi marini* („Бесѣды морскихъ боговъ“).

Въ изданіяхъ нашего писателя первымъ сочиненіемъ ставятъ Сонъ, или жизнь Лукіана (*Περὶ ἐνοπνίου ἤτοι βίος Λουκιανοῦ*), рассказъ, представляющій автобіографію Лукіана, изъ которой мы узнаемъ, что онъ на первыхъ же порахъ въ школѣ своего дяди, занимавшагося полировкой мрамора, разбилъ по неловкости мраморную доску, за что былъ жестоко побить дядей и съ крикомъ и плачемъ побѣжалъ домой. Въ ту же ночь онъ увидѣлъ сонъ, побудившій его рѣшительно отказаться отъ ремесла дяди и посвятить себя ученымъ занятіямъ.

Излагать содержаніе даже нѣсколькихъ діалоговъ, не говоря уже обо всѣхъ, заняло бы слишкомъ много мѣста. Достаточно будетъ сказать, что въ діалогахъ *Τίμων*, *Ζεὺς ἐλεγχόμενος* *), *Ζεὺς τραγῳδός* *), *Μένιππος ἢ νεχρομαντεία* *) и др. Лукіанъ зло издѣвается надъ Зевсомъ и вообще богами Олимпа. Достается отъ него немало и современнымъ философамъ, особенно стоикамъ и циникамъ, въ его *Βίων πρᾶσι* **), *Ἐρμῳτιμος*, *Συμπόσιον*, *Κυνικός*, *Χάρων*, *Ἀλιεύς* **) и др. — Въ одномъ діалогѣ, Луціѣ или Оселѣ (*Λούκιος ἢ ὄνος*), Лукіанъ осмѣиваетъ фантастическіе романы, начинавшіе входить въ моду во II вѣкѣ, когда публика сдѣлалась столь жадной ко всему чудесному, ко всякимъ небылицамъ. — Между сочиненіями Лукіана есть, между прочимъ, одно и болѣе положительнаго характера, въ которомъ онъ высоко ставитъ прагматизмъ *Θουκιδίδα*; это сочиненіе подъ заглавіемъ *Καὶ πᾶσι δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν*. — Всѣ сочиненія Лукіана обнимаютъ нѣсколько томовъ. — Съ содержаніемъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ діалоговъ читатель можетъ ознакомиться въ переводѣ В. Алексѣева.

Хотя въ историческихъ трудахъ „Римской“ эпохи преобладающей чертою вообще является риторика, тѣмъ не менѣе мы и здѣсь насчитываемъ немало замѣчательныхъ авторовъ. Первымъ по времени въ эту эпоху стоитъ Иосифъ Флавій, изъ евреевъ. Исключительность и оригинальность еврейской народности уже тогда возбуждали недоразумѣнія и неудовольствія другихъ населеній, среди которыхъ жили евреи. Такъ, при императорѣ Калигулѣ (37—41) жители Александріи посылали къ нему грамматика Апіона ***) съ жалобами на евреевъ, которыхъ жило много въ этомъ городѣ.

Иосифъ (*Ἰώσηφος*), род. въ 37 г. по Р. Х., принадлежалъ къ еврейскому роду священниковъ въ Иерусалимѣ и находился въ числѣ воиновъ, сражавшихся противъ Веспасіана; потомъ онъ призналъ власть римскаго императора

*) Изобличаемый Зевсъ, Зевсъ-трагическій актеръ, Мениппъ или восхождение къ богамъ.

**) Жизнь на аукціонѣ, — Рыболовъ.

***) Апіонъ былъ египтянинъ, написалъ нѣсколько сочиненій, въ томъ числѣ *Ἱστορίαν τῆς Αἰγύπτου*; но всѣ они погибли. Мы знаемъ объ его сочиненіи противъ евреевъ по дошедшему до насъ отвѣту Иосифа Флавія.

и присоединилъ къ своему еврейскому имени римское имя Флавій (Φλάβιος) и пользовался большимъ расположеніемъ Веспасіана и Тита. Послѣднее время своей жизни онъ провелъ въ Римѣ, отдавшись ученымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ были сохранившіеся и понынѣ громадныя сочиненія: 1. Иудейская война (Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου или Ἰουδαϊκὴ ἱστορία περὶ ἀλώσεως) въ 7-ми книгахъ; онѣ были первоначально написаны на сирійско-халдейскомъ языкѣ, а потомъ самимъ авторомъ переведены на греческій. — 2. Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία или Древняя исторія евреевъ, въ 20-ти книгахъ, заключаетъ въ себѣ исторію іудейскаго народа отъ сотворенія міра до 66-го года по Р. Х. — 3. Βίος или автобіографія, пополняющая іудейскую исторію. — 4. Περὶ ἀρχαιότητος Ἰουδαίων κατὰ Ἀπίωνος, и О древности Іудеевъ, противъ Апіона, въ двухъ книгахъ. Наконецъ, 5. Εἰς Μακκαβαίους λόγος ἢ περὶ αὐτοκράτορος λογισμοῦ, сочиненіе, имѣющее содержаніемъ мученическую смерть Маккавеевъ, къ роду которыхъ принадлежалъ авторъ.

Другой знаменитый еврейскій писатель, оставившій намъ сочиненія на греческомъ языкѣ, былъ Филонъ.

Филонъ, Φίλων, жилъ въ концѣ I-го вѣка до Р. Х. и въ первой половинѣ I-го вѣка по Р. Х., уроженецъ Александріи, состоялъ, между прочимъ, въ числѣ пяти депутатовъ, отправленныхъ въ Римъ къ императору Калигулѣ (40 г.). Строго придерживаясь еврейства, Филонъ въ тоже время посвятилъ себя изученію греческой философіи, плодомъ котораго былъ рядъ трактатовъ, въ которыхъ авторъ силится примѣнить ученіе Платона къ толкованію и доказательствамъ еврейскихъ догматовъ, содержащихся въ Библии. Сочиненія Филона распадаются на четыре разряда: а) относящіяся къ толкованію Библии, б) эпическія, съ толкованіемъ 10-ти заповѣдей, в) историческія и д) аллегорическія.

Эти два греческихъ писателя изъ евреевъ наиболѣе характеризуютъ переходную эпоху отъ міра языческаго, уже разрушавшагося, къ міру христіанскому, начинавшему водворяться на развалинахъ полиѳеизма.

Во II-мъ вѣкѣ выдающимся историкомъ былъ **Арріанъ**, Ἀρριανός, ученикъ философа Епиктета *); отъ него дошелъ до насъ важный для исторіи Александра В. трудъ подъ заглавіемъ Походъ Александра (Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου), въ семи книгахъ, на атическомъ нарѣчьи, напоминающій Анабазисъ Ксенофонта. Въ этомъ сочиненіи Арріанъ говоритъ о положеніи греческихъ и македонскихъ дѣлъ до Александрова похода въ Азію, о событіяхъ въ Македоніи и Малой Азіи до битвы при Граникѣ (334 г.), описываетъ эту битву, затѣмъ битву при Иссъ, осаду Тира, походъ въ Египетъ, событія въ Сиріи и въ приевфратскихъ областяхъ, сношенія съ скивами, передаетъ географическія и этнографическія свѣдѣнія объ Индіи, описываетъ подробности индійскаго похода, попытки Александра сблизить македонцевъ

*) См. ниже.

съ азіатами, его правительственныя мѣры въ завоеванномъ краѣ и заключаетъ свое сочиненіе смертью великаго завоевателя. — Другое историческое сочиненіе Арріана носитъ названіе Индія (Ἰνδική), на іонійскомъ нарѣчій. Кромѣ этого сохранились еще Объ охотѣ (Κυνηγετικός), Описаніе Чернаго моря (Περίπλους πόντου Εἰζεΐνου) и нѣкоторыя др.

Другой историкъ II-го и III вѣка по Р. Х., **Діонъ Кассій** (Δίων Κάσσιος, род. 155), уроженецъ Nikeи, внукъ Діона Хризостома*). Онъ происходилъ изъ сенаторскаго сословія и на служебномъ поприщѣ своемъ достигъ высшихъ почестей. По внушенію божества, явившагося, какъ онъ самъ рассказываетъ, въ сновидѣніи, онъ написалъ исторію правленія императора Коммода. Но извѣстность приобрѣлъ Діонъ Кассій, какъ историкъ, своимъ обширнымъ трудомъ, Римскою исторіей (Ῥωμαϊκή ἱστορία), въ 80-ти книгахъ, раздѣленныхъ на восемь декадъ, и заключавшихъ описанія событій отъ Энея до временъ самого Діона**). Отъ этого труда сохранилось восемнадцать книгъ, отъ 37-й до 54-й, а изъ прочихъ болѣе или менѣе значительныя извлеченія, сдѣланныя въ XI вѣкѣ константинопольскимъ монахомъ Ксифилиномъ. Автору можно вѣрить тамъ, гдѣ онъ говоритъ какъ очевидецъ; въ изложеніи же событій отдаленныхъ временъ онъ дѣлаетъ постоянныя ошибки.

Современникомъ Діона Кассія былъ **Геродіанъ** (Ἡρωδιανός, ок. 170—240 по Р. Х.), вѣроятно, грекъ, жившій въ Римѣ во время правленія императора Александра Севера (222—235). Отъ него мы имѣемъ Исторію римскихъ императоровъ послѣ Марка Аврелія или Τῆς μετὰ Μάρκον βασιλείας ἱστορία, въ 8-ми книгахъ, обнимающихъ шестидесятилѣтній періодъ до императора Гордіана III-го (238). Не смотря на нѣкоторыя ошибки въ хронологіи и географіи, трудъ Геродіана написанъ хорошо и привлекательно.

Болѣе ранніе современники Діона и Геродіана были Павсанія и Аппіанъ и астрономъ-математикъ Птоломей.

Павсанія (Παυσανίας), прозванный „Путешественникомъ“ (περιηγητής), вѣроятно, уроженецъ Лидіи, жилъ при императорахъ Адрианѣ (117—138) и Антонинѣ Піѣ (138—161) и оставилъ намъ чрезвычайно важное сочиненіе для знакомства съ греческими древностями, подъ названіемъ Путешествіе по Елладѣ (Περίηγησις τῆς Ἑλλάδος), въ десяти книгахъ***). Содержаніе этого сочиненія касается самыхъ разнообразныхъ достопримѣчательностей, географическихъ, историческихъ, естественно-историческихъ, но особенно достопримѣчательностей, относящихся къ религіи и искуству.

Аппіанъ (Ἀππιανός), род. въ Александріи въ половинѣ II вѣка по Р. Х., былъ прокураторомъ императорскимъ †) въ Египтѣ и написалъ Римскую

*) См. выше.

**) До императора Александра Севера (222—235).

***) Съ этимъ сочиненіемъ читатель можетъ познакомиться въ русскомъ переводѣ, принадл. Г. А. Янчевецкому.

†) Т. е. „управляющимъ“ въ помѣстьяхъ императора.

исторію (*Ῥωμαϊκὴ ἱστορία*), въ 24-хъ книгахъ, отъ которыхъ сохранилась почти половина. Въ каждой книгѣ излагалась въ этнографическомъ порядкѣ исторія какой-нѣб. отдѣльной страны, напр.: въ VI-ой и VII-ой Испанія и война съ Аннибаломъ, въ VIII-ой Карфагенская исторія, въ XI-ой исторія Сириі, въ XII-ой — Миѳридатъ, въ XIII—XVII-ой — римскія междоусобныя войны и т. д.

Не столько важенъ для исторіи вообще, сколько для исторіи науки, третій современникъ Павсаніи и Аппіана, **Птоломей Клавдій** (*Πτολεμαῖος ὁ Κλαύδιος*) изъ Птолемаиды *). Это былъ знаменитѣйшій математикъ-астрономъ времени императора Антонина Пія (138—161). Кромѣ его математическихъ и астрономическихъ сочиненій **), до насъ дошла Хронологія царей (или т. наз. *Κανὼν βασιλειῶν*), списокъ царей многихъ народовъ, начиная отъ Набопонассара до Антонина Пія, въ основанія котораго положено египетское сочиненіе, — и Руководство по географіи (*Γεωγραφικὴ ὁφῆγησις*), въ 8-ми книгахъ, переведенное, между прочимъ, арабами на свой языкъ. Это преимущественно математическая географія, съ геометрическими доказательствами, множествомъ названій и чиселъ. Птоломею принадлежитъ еще драгоценное сочиненіе о музыкѣ подъ названіемъ *Ἀρμονικά*.

Характеристическою чертою въ умственной жизни „Римской“ эпохи является чрезвычайная борьба мѣтній, заступившая мѣсто длинныхъ войнъ, господствовавшихъ въ предыдущіе вѣка. Владычество могущественной римской имперіи, объединившее всѣ народы, подавило соперничество между націями, но въ то-же время и дало досугъ умамъ и сердцамъ людей для того, чтобы отдаться соперничеству въ борьбѣ за философскія системы и религіи.

Уже со времени Сократа и Аристофана греческій полиѳеизмъ началъ терять вѣру въ глазахъ образованныхъ людей: уже въ IV вѣкѣ появляются люди, которые какъ Евгемеръ ***) , выступаютъ въ литературѣ съ критикою полиѳеизма. Впослѣдствіи напрасны были попытки возвратить его къ жизни. Символическія толкованія, дѣлаемые учеными, могли еще нѣкоторое время съ успѣхомъ оправдывать Аѳины и Римъ отъ упрека въ почитаніи несмѣтныхъ боговъ; но эти толкованія все-же не въ состояніи были возстановить прежняго религіознаго значенія Зевса, Геры и Афродиты, когда рационализмъ успѣлъ

*) Въ верхнемъ Египтѣ.

**) Вотъ перечень этихъ сочиненій: 1. *Μεγάλη σύνταξις ἀστρονομίας* или Великое построеніе астрономіи, въ 13-ти кн., излагающее разсужденія о движеніи звѣздъ и всего небеснаго свода. По его системѣ земля составляла центръ вселенной. 2. *Τετράβιβλος σύνταξις μαθηματικὴ* или Построеніе математики въ 4-хъ книгахъ, астрологическаго содержанія. 3. *Φράσεις ἀπλανῶν ἀστέρων καὶ συναγωγὴ ἐπισημασιῶν*, описаніе восхожденія и захожденія звѣздъ съ метеорологическими наблюденіями. 4. *Περὶ ἀναλήματος*, о солнечныхъ часахъ. 5. *Ἐπιπέσεις καὶ πλανωμένων ἀρχαί*, основанія и начало планетъ. 6. *Ἀπλωσις ἐπιφανείας σφαιράς*, т. е. *planisphaerium* (особый математическій инструментъ).

***) См. выше. Подъ его именемъ сохранилось 85 писемъ.

уже пустить достаточно глубокіе корни въ обществахъ афинскомъ и римскомъ. Философскія и религіозныя секты спѣшатъ отовсюду собрать великое наслѣдіе, оставленное людямъ полиѳеизмомъ. На Западѣ и на востокѣ возникаютъ разнаго рода системы, въ коихъ обнаруживается порывъ человѣка выйти изъ ужасающей нравственной пустоты къ идеаламъ. Жизнь и вліяніе Аполлонія Тианскаго *) (Τιανεύς) свидѣтельствуесть о попыткѣ посредствомъ чудесъ возстановить и оживить доктрины Пифагора. Этотъ замѣчательный человѣкъ заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ хотя нѣсколько словъ.

Аполлоній Тианскій жилъ, въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., при Клавдіи и Неронѣ въ малозійскомъ городѣ Эгахъ (Αἶγαί), въ чудотворномъ храмѣ Аскленія, погруженный въ магію и мантику. Роздавъ бѣднымъ отцовское состояніе, онъ поѣхалъ путешествовать по Европѣ, Африкѣ, Азій до самой Индіи, былъ въ Испаніи и Египтѣ въ качествѣ знаменитаго чудотворца (Θαυματούργου), бывалъ въ Римѣ и умеръ въ глубокой старости въ Ефесѣ главою ново-пифагорейской школы. Ему приписывали строжайшее соблюденіе пифагорейскаго образа жизни, сліяніе пифагореизма съ ученіемъ Платона и индійскою мудростью, и чудотворенія, которыя доставили ему славу сверхъестественнаго существа. Императоръ Александръ Северъ помѣстилъ его бюстъ рядомъ съ бюстами Авраама, Орфея и І. Христа въ своей домашней божницѣ; языческіе писатели противопоставляли его самому Спасителю; противъ этого возражали христіанскіе писатели, въ особенности Евсевій Памф.

Понятно, почему, среди развивавшейся борьбы мнѣній, сектъ и системъ, преобладающее вліяніе на умы получаетъ скептицизмъ или Пирронизмъ **), представителемъ котораго является въ III вѣкѣ **Секстъ Эмпирікъ** (Σεξτός ὁ Ἐμπειρικός), по профессіи врачъ, отъ котораго сохранились: 1. Пирроновы мысли и примѣры (Πυρρωνεῖαι ὑποποπώσεις) въ трехъ книгахъ, 2. Противъ догматиковъ (Πρὸς τοὺς δογματικούς) въ пяти книгахъ, и 3. Противъ математиковъ (Πρὸς τοὺς Μαθηματικούς) въ шести книгахъ. Въ этихъ сочиненіяхъ, написанныхъ прекраснымъ и яснымъ языкомъ, авторъ возстаетъ противъ догматизма въ наукѣ и защищаетъ скептицизмъ въ философіи.

Рядомъ съ скептицизмомъ появляется и развивается въ Александріи новая школа неоплатониковъ, представляющая собою мистическій эклектизмъ ***), или сліяніе восточныхъ ученій съ философскими школами Греціи. Основателемъ этой важной школы былъ Аммоній (Ἀμμώνιος, ум. 244 г. по Р. Х.), принадлежавшій къ христіанскому семейству, но перешедшій потомъ въ язычество. Онъ былъ простымъ носильщикомъ мѣшковъ (отчего былъ прозванъ Σακκῆς), а потомъ сдѣлался философомъ, и у него было

*) См. выше.

**) Основателемъ школы скептиковъ былъ, какъ извѣстно, Пирронъ. См. выше.

***) Эклектикомъ, по-греч. ἐκλεκτικός (отъ глаг. ἐκλέγειν выбирать), называется философъ безъ опредѣленной философск. системы и возрѣній, берущій данныя изъ различныхъ философскихъ системъ. Отсюда и названіе эклектизмъ.

много послѣдователей. Главною задачею его философіи было примирить ученія Платона и Аристотеля. Онъ самъ ничего не писалъ. Въ литературѣ остались извѣстными его послѣдователи: Плотинъ, Лонгинъ, Порфирій, Ямблихъ, Прокль и др. Всѣ они, идя по пути неоплатонизма, какъ-бы хотятъ превозмочь другъ друга знаніями, остроуміемъ, талантомъ; но въ концѣ концовъ, среди всякаго смѣшенія, впадаютъ въ странный мистицизмъ.

Плотинъ (Πλωτῖνος, 205—270), род. въ Ликополѣ*), въ началѣ III вѣка, былъ продолжателемъ Аммонія. Сохраненіемъ его сочиненій, глубоко-мысленныхъ и трудныхъ для пониманія, мы обязаны ученику его Порфирию, который раздѣлилъ ихъ (всѣхъ 54) на шесть „эннеадъ“. Плотинъ писалъ О добродѣтеляхъ (Περὶ ἀρετῶν), О діалектикѣ (Περὶ διαλεκτικῆς), О прекрасномъ (Περὶ τοῦ καλοῦ) и мн. др. Вообще „эннеады“ Плотина, какъ эклектика, совмѣщали въ себѣ все, чтò онъ признавалъ истиннымъ во всѣхъ философскихъ системахъ и религіяхъ. Черезъ всѣ сочиненія Плотина проходитъ мысль мистика, что человѣкъ одаренъ инстинктивною способностью прозрѣвать истину и единство всего сущаго. По ученію Плотина, высшую истину можно только созерцать, а не познавать. Пребываніе души въ тѣлѣ есть кара, и, только отрѣшась отъ всего тѣлеснаго, человѣкъ можетъ возвратиться къ своему источнику, къ божеству.

Другой неоплатоникъ, **Лонгинъ** (Δογγῖνος, 213—273), уроженецъ Аѳинъ, уже рано совершилъ далекія путешествія и приобрѣлъ славу великаго ученаго. Его приблизила къ себѣ царица Пальмиры**) Зиновія и сдѣлала своимъ министромъ. По совѣту его Зиновія начала войну съ Римлянами, кончившуюся (273) разрушеніемъ Пальмиры и казнью Лонгина. Хотя Лонгину принадлежитъ много работъ, изъ которыхъ намъ извѣстны комментаріи Платоновыхъ діалоговъ Федона и Тимея, но самымъ замечательнымъ его сочиненіемъ признается трактатъ О возвышенномъ (Περὶ ὑψους), единственное сочиненіе, дошедшее до насъ, и то въ отрывкахъ. Это былъ человѣкъ съ большимъ литературнымъ вкусомъ, умѣвшій критически-правильно относиться къ разбираемымъ имъ писателямъ. По Лонгину, настоящимъ источникомъ возвышеннаго надо считать глубокія душевныя волненія и благородныя стремленія и мысли.

Въ томъ-же III вѣкѣ жилъ и неоплатоникъ **Порфирій** (Πορφύριος, род. 233 г. по Р. Х.), родомъ сиріецъ, съ сирійскимъ именемъ Малхъ; онъ былъ ученикомъ Плотина и Лонгина. Изъ многочисленныхъ его сочиненій сохранились: Жизнь Плотина (Περὶ Πλωτῖνου βίου) и Воздержаніе отъ мяса (Περὶ ἀποχῆς τῶν ἐμψύχων).

Знаменитымъ ученикомъ Порфирія былъ **Ямблихъ** (Ἰάμβλιχος) изъ Халкиды, жилъ въ эпоху Константина Вел. Это былъ уже мистикъ въ полномъ смыслѣ слова, крѣпко придерживавшійся магіи и разныхъ способовъ при-

*) Въ верхнемъ Египтѣ.

**) Παλμύρα (городъ пальмъ), гор., основанный Соломономъ, какъ станція для каравановъ въ Сирійской пустынѣ, между Антиливаномъ и Евфратомъ.

водить людей въ прямое общеніе съ божествомъ или съ духами. Мы имѣемъ отъ него пять изъ 10-ти книгъ его сочиненій О философской школѣ Пифагора (Περὶ Πυθαγόρου αἰρέσεως), дающія намъ невысокое понятіе о Ямвлихѣ, какъ писателѣ.

Въ V вѣкѣ по Р. Х. жилъ неоплатоникъ Прокль (Πρόκλος), ученикъ малоизвѣстныхъ философовъ Плутарха*) и Сириана. Прокль**) род. въ 412 г., вѣроятно въ Константинополѣ, и по происхожденію былъ ликіецъ. Получивъ образованіе въ Александріи и Аѳинахъ, онъ въ этомъ послѣднемъ городѣ съ большимъ успѣхомъ велъ преподаваніе неоплатонизма и умеръ въ 485 г. Прокль считается послѣднимъ замѣчательнымъ мыслителемъ, послѣднимъ прозаикомъ и поэтомъ Греціи. Выше мы сказали, что неоплатонизмъ зародился въ Александріи, вслѣдствіе чего эта философская школа получила названіе „школы Александрійской“, и Прокль былъ послѣднимъ представителемъ этой школы. Какъ писатель, Прокль заявилъ свою дѣятельность во всѣхъ областяхъ знанія. Онъ стремился объять и объяснить всѣ знанія прошлыхъ вѣковъ, всѣ философскія системы позднѣйшихъ временъ; все онъ хотѣлъ объединить въ ученіи Платона. Ученость его была громаднa. Кромѣ обширныхъ комментариевъ къ древнимъ авторамъ, онъ писалъ о важнѣйшихъ религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ времени. — Стихотвореній отъ Прокла осталось немного: всего шесть религіозныхъ гимновъ.

Стоики „Римской“ эпохи были, собственно говоря, метафизиками, не отличавшимися особенной глубиной мысли. Нѣкоторые, впрочемъ, изъ нихъ были великими моралистами, какъ Епиктетъ и Маркъ Аврелій.

Епиктетъ (Ἐπίκτητος), уроженецъ фригійскаго города Гіераполя, жилъ въ I вѣкѣ, при Неронѣ и Домиціанѣ. Онъ старался распространить стоицизмъ въ Римѣ, когда декретъ Домиціана (въ 94 г.), запрещавшій всѣмъ философамъ жить въ столицѣ, заставилъ его оставить вѣчный городъ и переселиться въ Никополь (въ Епирѣ), гдѣ онъ и училъ въ свободныхъ бесѣдахъ на площадяхъ и въ портикахъ. Къ числу его учениковъ принадлежалъ и историкъ Арріанъ***), который въ двухъ сочиненіяхъ, Руководство Епиктета (Ἐγχειρίδιον Ἐπίκτητου) и Разсужденія Епиктета (Ἐπίκτητου διατριβαί), сочиненія обширныхъ, знакомить насъ съ ученіемъ Епиктета. Епиктетъ училъ, что „человѣкъ долженъ помышлять главнымъ образомъ о божествѣ, которое справедливо управляетъ всѣмъ; человѣкъ долженъ подчиняться ему охотно и сердечно, и добровольно слѣдовать во всемъ его волѣ, потому что оно дѣлаетъ все съ величайшею мудростью. Такое настроеніе въ человѣкѣ полагаетъ конецъ всѣмъ жалобамъ и всякому ропоту и подготавливаетъ умъ переносить спокойно самыя печальныя событія. Никогда не слѣдуетъ говорить: «Я утратилъ то-то», а лучше сказать:

*) Не надо смѣшивать съ авторомъ Жизнеописаній.

**) Прозванный „Діадохомъ“ (Преемникъ), потому-что наследовалъ Сириану въ завѣдваніи аѳинской школы.

***) См. выше.

«Я возвратилъ то-то». Въмѣсто «Мой сынъ умеръ» слѣдуетъ сказать «Я возвратилъ его». Такъ слѣдуетъ говорить и объ имуществѣ, и обо всемъ. Могутъ сказать: отнимающій долженъ быть злой человѣкъ; но дѣло не въ томъ, черезъ кого требуется у васъ обратно то, что было вамъ дано на-время*). Пока ссудившій васъ позволяетъ вамъ пользоваться предметомъ, заботьтесь о немъ, какъ о добрѣ, принадлежащемъ ближнему, какъ поступаетъ путешественникъ въ гостинницѣ. Вы не должны желать, чтобы все дѣлалось такъ, какъ вы хотите; вы должны желать, чтобы все дѣлалось такъ, какъ оно происходитъ. Вы здѣсь не больше какъ актеръ, вы играете то лицо въ комедіи, какое назначено вамъ изображать. Если роль коротка, играйте короткую роль; если она длинная, исполняйте длинную; оставайтесь на сценѣ столько времени, сколько угодно хозяину; являйтесь богатымъ или бѣднымъ, согласно его приказанію. Ваше дѣло хорошо играть назначенную вамъ роль; но выбирать ее — дѣло другого. Имѣйте всегда передъ глазами смерть и самыя тяжкія бѣдствія, и вы никогда не будете имѣть низкихъ мыслей, ни безмѣрно желать чего-нибудь. Человѣкъ долженъ быть кротокъ, скрывать свои добрыя рѣшенія, особенно въ началѣ, и тайно исполнять ихъ; ничто не разрушаетъ ихъ такъ, какъ нескромное ихъ обнаруживаніе“. Мы нарочно привели эту выдержку, въ виду глубины и возвышенности мыслей, излагаемыхъ въ ней.

[Арриана комментировалъ философъ-моралистъ V вѣка Симплицій изъ Фригіи, написавшій сочиненіе подъ заглавіемъ Разсужденія о жизни и философіи Епиктета. Это сочиненіе важно для выясненія моральныхъ вопросовъ у Платона, Аристотеля и Епиктета.]

Другой великій языческій представитель суровой морали былъ императоръ **Маркъ Аврелій** (161—180), написавшій замѣчательную книгу Къ себѣ самому (Εἰς ἑαυτόν) о добродѣтели и человѣческомъ достоинствѣ. Въ своемъ сочиненіи Маркъ Аврелій уходитъ въ пустыню, стремится забыть людскія сужденія, книги, міръ, ищетъ одинокой бесѣды съ собою и съ божествомъ. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ очень интересное для историка явленіе, какъ знаменіе времени.

Къ этому времени несомнѣнно относится и книга подъ заглавіемъ **Картина** (Πίναξ, Tabula), приписываемая ученику Сократа **Кебету**. Во всякомъ случаѣ книга эта во II вѣкѣ была очень распространена какъ учебникъ морали, содержащій „картину“ человѣческой жизни и состоянія человѣческой души до соединенія ея съ тѣломъ. Цѣль сочиненія показать, что только образованіе души и сознаніе добродѣтели ведетъ къ блаженству.

Представителемъ школы „дининовъ“ въ эту эпоху является писатель, скорѣе своеобразный, чѣмъ оригинальный. Мы говоримъ о язычникѣ-фанатикѣ, императорѣ **Юліанѣ**, которому Церковь дала имя „Отступника“. Онъ пошелъ противъ духа времени и потому палъ жертвой бесплодной борьбы. Юліанъ видѣлъ чудодѣйственное обновленіе общества черезъ христіанство,

*) Какъ это все напоминаетъ одного современнаго русскаго моралиста!

тѣмъ не менѣе отвергъ его; онъ былъ свидѣтелемъ общаго невѣрія въ миѳологію и языческій полиѳеизмъ, и однако выступилъ фанатическимъ борцомъ за эту самую миѳологію. Человѣкъ отъ природы властолюбивый и въ тоже время не умѣвшій умѣрять своего властолюбія, Юліанъ хотѣлъ покорить людей фантазіями своего болѣзненнаго воображенія и пренебрегъ общественнымъ мнѣніемъ. Для того, чтобы опровергнуть ученія, съ такимъ жаромъ воспринимаемыя обществомъ, онъ взялъ на себя совсѣмъ неблагодарную роль и, презирая не только апостоловъ христіанства, но и благороднѣйшихъ язычниковъ-моралистовъ, самъ сталъ философомъ-цивикомъ. Въ то время, когда распространялись между людьми Евангелія, Посланія и вообще чистыя и серьезныя сочиненія защитниковъ христіанства, онъ издаетъ памфлеты, въ родѣ Цезарей, произведеніе, представляющее собою сатиры на императоровъ-предшественниковъ, или на философовъ, ученія которыхъ онъ отвергалъ, при чемъ вдавался въ разсужденія, исполненныя самаго туманнаго философствованія. — Кромѣ Цезарей (*Καίσαρες*), носившихъ другое заглавіе Пиръ (*Συμπόσιον*), сочиненія очень важнаго для историка, до насъ дошли Гимнъ о царѣ солнцъ (*Εἰς βασιλέα ἡλίου*) и Къ матери боговъ (*Εἰς τὴν μητέρα θεῶν*), проникнутыя александрійскимъ мистицизмомъ, а также талантливо написанная сатира Врагъ бороды (*Μισοπόγων ἢ Ἀντιοχιός*), направленная противъ насмѣшекъ антioxійскихъ христіанъ надъ философскими притязаніями автора, надъ его небрежной одеждой, нечесанной бородой и рѣзкими манерами. — Всѣ усилія Юліана, даже не смотря на его императорскій санъ, оказались тщетными въ борьбѣ съ христіанствомъ, успѣвшемъ уже пустить глубокіе корни въ современномъ обществѣ.

Когда появилось христіанство, тогда греческая литература стала обновляться въ живыхъ источникахъ новой религіи. Съ того момента, когда вышло слово апостольское изъ маленькой Іудеи, съ того момента, когда Учитель заповѣдалъ разнести проповѣдь по всему міру, это слово прежде всего пришлось выслушать народамъ греческаго происхожденія, — и самымъ главнымъ и самымъ могущественнымъ средствомъ распространенія Слова Божія былъ ни языкъ еврейскій, на которомъ говорилъ Христосъ, ни языкъ латинскій, хотя онъ былъ языкомъ властителей тогдашняго міра, но то былъ языкъ греческій, сдѣлавшійся языкомъ общимъ для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ италійскаго происхожденія. Такимъ образомъ, этотъ чудный языкъ, благодаря богатому развитію своихъ формъ и благодаря своей способности къ изясненію высшихъ истинъ, оказался больше, чѣмъ какой-нибудь другой языкъ, способнымъ выполнить ту роль истолкователя Слова, которая была для него какъ-бы послѣднею и высшею честью.

Прежде всего, погречески были написаны три **Евангелія**: отъ Марка, Луки и Іоанна; четвертое, хотя и было первоначально написано на языкѣ еврейскомъ, но до насъ дошло тоже на греческомъ языкѣ. — На греческомъ-же языкѣ были написаны **Дѣянія Апостольскія**, **Апокалипсисъ**, **Посланія Св. Апост. Петра и Павла** и вообще всѣ книги Новаго Завѣта. Поэлински

была написана и большая часть апокрифическихъ евангелій. На томъ же языкѣ были написаны сочиненія апостоловъ христіанства, т. е. первыхъ исповѣдниковъ новой религіи, Св. Варнавы, Св. Климента, Св. Игнатія Антиохійскаго и др.*). Погречески возражали на нападки на новую религію и первые знаменитые защитники христіанства и указывали, что эта религія, повидимому, религія исключительно простого народа и по этому самому пренебрегаемая высшими классами языческаго міра, часто вполне раздѣляла тѣ философскія положенія, которыя исходили отъ мыслителей, вѣровавшихъ въ полиѳеизмъ. Конечно, не достаточно было одной крови мучениковъ, чтобы утвердить новую вѣру, особенно среди интеллигентныхъ людей тогдашней эпохи: необходимо было, на ряду съ этими героями-мучениками, бороться еще и словомъ въ пользу новаго ученія. Въ этой борьбѣ много употребили краснорѣчія, много выказали полемическаго искусства и учености такіе писатели, какъ Св. Юстинъ, Татіанъ, Аѳеонагоръ, Св. Климентъ Александрійскій**), Оригенъ, Св. Аѳанасій.

Св. Юстинъ род. въ Палестинѣ, сначала занимался изученіемъ философіи Платона, а потомъ принялъ христіанство и умеръ мученикомъ въ Египтѣ ок. 167 г. Ему принадлежитъ знаменитая Апологія въ защиту христіанства и нѣкоторыя другія сочиненія.

Татіанъ (Τατιανός) изъ Сиріи былъ ученикомъ Юстина, послѣ смерти котораго выступилъ защитникомъ христіанства. Въ Азіи онъ основалъ школу или секту, названную „гностическою“***), и отличавшеюся строгимъ соблюденіемъ цѣломудрія и воздержаніемъ отъ вина и извѣстной пищи. Самымъ замѣчательнымъ его сочиненіемъ считается Τὸ διὰ τεσσάρων, указатель согласныхъ или однородныхъ мѣстъ въ четырехъ Евангеліяхъ.

Аѳеонагоръ (Ἀθηναγόρας), уроженецъ Аѳинъ, жилъ тоже во II вѣкѣ. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ написалъ для Марка Аврелія апологію христіанства подъ заглавіемъ Πρεσβεία περὶ Χριστιανῶν (онъ находился въ числѣ посольства въ Римъ) и другое сочиненіе О воскресеніи мертвыхъ (Περὶ ἀναστάσεως τῶν νεκρῶν), съ примѣсью Платоновскихъ идей.

Оригенъ (Ὠριγένης, 185—254), уроженецъ Александріи, въ юности много занимался грамматикой и философіей, а принявъ христіанство, написалъ между прочимъ сочиненіе Περὶ ἀρχῶν, т. е. Объ основахъ христіанской религіи, въ четырехъ книгахъ, извлеченіе изъ которыхъ сохранилъ намъ патр. Фотій.

Св. Аѳанасій (Ἀθανάσιος) Великій родился 296 г. и умеръ въ 373 г.; онъ былъ патріархомъ Александрійскимъ. Главными его сочиненіями призна-

*) О нихъ см. подробности въ курсахъ „Исторіи Церкви“.

**) Объ этомъ см. выше.

***) „Гностикой“ (γνωστικὴ) называли ученіе христіанской секты II вѣка, утверждавшей, что І. Христосъ только казался облекшимся въ тѣло человѣческое. Послѣдователи этой школы назывались татіанцами; она просуществовала не долго.

ются: Въ защиту тайнства Троичности и Божественность Слова и Св. Духа.

Всѣ эти Отцы церкви неоднократно ополчались противъ міра язычества и громили язычество его-же собственнымъ оружіемъ, защищали религію Христа доказательствами, заимствованными у Платона и у другихъ философовъ древности.

Въ это-же время зарождался и новый родъ исторіи, **Исторія Церкви**, блестящими представителями которой являются Евсевій, Сократъ-Схоластикъ, Созоменъ и Θεодоритъ.

Евсевій, Εὐσέβιος, отецъ христіанской историографіи, родился въ Кесаріи въ 264 году и умеръ въ 340 году. Онъ былъ епископомъ въ своемъ родномъ городѣ и написалъ Исторію Церкви (Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία), въ 10-ти книгахъ, доведенную до 324 года и продолженную въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Кромѣ того онъ былъ авторомъ важныхъ апологетическихъ сочиненій подѣ заглавіемъ *Ἐδαγγελικῆς ἀποδείξεως προπαρασκευῆς*, въ которомъ истины Евангелія противопоставляются мудрствованіямъ древнихъ философовъ. Ему-же принадлежитъ Жизнеописаніе Константина (Βίος Κωνσταντίνου) и очень важное хронологическое сочиненіе *Παντοδαπὴ ἱστορία* или, какъ его обыкновенно называютъ, Хроника Евсевія. Этотъ Евсевій, въ отличіе отъ Евсевія, епископа Емесскаго, назывался *Ramphilus*.

Продолжателемъ Евсевія былъ **Сократъ-Схоластикъ**, дѣятельность котораго относится къ V вѣку. Его Церковная исторія обнимаетъ періодъ времени отъ 306 по 439 годъ.

Періодъ времени отъ 324 по 425 описанъ также въ исторіи церкви **Созомена** (Σωζομένης), умершаго въ 450 году, уроженца Палестины. Въ литературномъ отношеніи стиль его отличается чистотою и правильностью.

Четвертымъ историкомъ церкви въ V вѣкѣ былъ **Θεοδώρητος**, 387—458) изъ Антиохіи. Оставшись сиротою еще въ ранніе годы, онъ роздалъ свое отцовское наслѣдство бѣднымъ и удалился въ монастырь, гдѣ онъ былъ возведенъ въ санъ священника, а потомъ и епископа. Въ своей паствѣ онъ съ большою ревностью боролся противъ еретическихъ ученій. Кромѣ Исторіи Церкви, ему принадлежатъ Комментаріи на 8-мь первыхъ книгъ Библии, на Псалмы, пророчество Іереміи и Даниїла и на Посланія Св. Павла; его другая исторія, Исторія монашества, содержитъ житія тридцати отшельниковъ; ему-же принадлежатъ нѣсколько рѣчей, проповѣдей, 47-мь писемъ и др.

Христіанство дало греческой литературѣ своихъ полемистовъ, философовъ и историковъ. По милости христіанства, по крайней мѣрѣ, въ области краснорѣчія, греческая литература въ IV вѣкѣ получаетъ отблескъ прежняго величія прозы. Христіанское краснорѣчіе занимаетъ теперь въ греческомъ обществѣ то мѣсто, которое въ недалекое время занимали софисты и публичные ораторы. Хотя роли измѣнились, но сущность дѣла оставалась та-же: толпа выражала одобреніе поученіямъ въ храмахъ, какъ въ театрѣ,

и одинъ изъ великихъ проповѣдниковъ своего времени, Иоаннъ Златоустъ, жаловался на то, что народъ собирается больше для слушанія его рѣчей, чѣмъ для общественной молитвы.

Великіе христіанскіе ораторы IV вѣка вышли изъ первостепенныхъ риторскихъ школъ греческаго міра, изъ Аѳинскихъ, Александрійскихъ, Антиохійскихъ, Кесарійскихъ. Либаній былъ учителемъ Василія Великаго и Иоанна Златоуста. Эти святые мужи, какъ и Григорій Назіанскій и Григорій Нисскій, не только считали необходимымъ знакомиться съ свѣтской языческой литературой*), но и свои священныя книги наполняли содержаніемъ отъ учителей-язычниковъ, вызвышенность мыслей которыхъ не могли не чувствовать. Въ то время, какъ языческіе жрецы ограничивались культомъ, жрецы христіанскіе занимались нравственными поученіями, которыя до того времени входили въ область философіи и почти не проникали въ массы; въ то время, какъ философы-стоики, ставя слишкомъ высоко идеалъ своей мудрости, обращались только къ избраннымъ, христіанскіе проповѣдники обращались съ призывомъ ко всѣмъ и возбуждали интересъ къ своимъ ученіямъ даже въ самыхъ низшихъ слояхъ. Это не было уже сухое моральное поученіе, предлагаемое софистомъ, такимъ, какъ Исократъ**) или Діонъ Хризостомъ***), или философомъ, писавшимъ письма либо трактаты, въ родѣ Сенеки, Плутарха, Марка Аврелія и др.: это было нѣчто въ родѣ того, чего не видѣли со времени Перикла и Демосѳена, и что, казалось, напоминало прежнюю трибуну; ибо эти ораторы выступали съ рѣчами о насущныхъ нуждахъ человѣческихъ; только эти нужды были не интересами дня, а вопросомъ о вѣчномъ спасительномъ благѣ. Отсюда разница въ тонѣ и произношеніи: тутъ нѣтъ уже мѣста горячности и пылости; здѣсь выступаютъ торжественность и авторитетная увѣренность, иногда нѣжность, часто проникающая въ душу кротость и убѣдительность. И все это, однако, не указывало на отсутствіе энергіи въ ораторѣ: Василій Великій и Иоаннъ Златоустъ умѣли производить чрезвычайно сильное дѣйствіе на слушателей, когда имъ приходилось защищать малыхъ и слабыхъ противъ произвола сильныхъ, когда имъ приходилось бороться противъ лихоимства чиновниковъ, либо даже, не выходя изъ рамокъ почтительности, высказывать протестъ дѣйствіямъ деспотическихъ императоровъ.

При всемъ томъ, каждый изъ этихъ великихъ проповѣдниковъ имѣетъ свой собственный характеръ и оригинальность. Въ рѣчахъ Василія Великаго васъ поражаетъ нѣчто величественное. Григорій Назіанскій въ проповѣдяхъ своихъ отличается какою-то пріятной меланхоліей; онъ больше поэтъ, нежели ораторъ, что подтверждается также легкими и изящными стихами, которые онъ намъ оставилъ. Но первое мѣсто среди всѣхъ христіанскихъ ораторовъ безспорно принадлежитъ Иоанну Златоусту. Его

*) Свидѣтельствомъ чего можетъ служить трактатъ Св. Василія О пользѣ собранія свѣтскихъ писателей.

) См. выше, стр. 81. — *) См. выше, стр. 105.

краснорѣчіе блещетъ то остроуміемъ, то нѣжностью и изяществомъ, то силою и возвышенностью; слова у него льются легко и обильно; иногда онъ излишне распространяется, но въ общемъ поражаетъ больше блескомъ, чѣмъ разнообразіемъ. Никто лучше его не представляетъ собою грека, сдѣлавшагося христіаниномъ, и никто въ тоже время не выказываетъ болѣе высокаго образца религіозной ревнительности среди утонченно-изящнаго общества. Сочиненія его, состоящія изъ рѣчей и трактатовъ, составляютъ полный курсъ моральнаго проповѣдничества, гдѣ среди самыхъ чистыхъ правилъ нравственности вы читаете самое суровое осужденіе пороковъ того времени.

Скажемъ нѣсколько словъ о жизни и произведеніяхъ этихъ трехъ ревнителей христіанства.

Василій Великій (Βασίλειος *) Μέγας, 329—379), уроженецъ кашпадокійской Кесаріи, происходилъ изъ знатнаго рода, получилъ образованіе въ Аѳинахъ, гдѣ заключилъ братскій союзъ съ соотечественникомъ Григоріемъ Назіанскимъ, къ которому примкнулъ впослѣдствіи и младшій братъ его Григорій, епископъ Нисскій. Онъ былъ первоначально адвокатомъ, потомъ сдѣлался пресвитеромъ и наконецъ епископомъ Кесарійскимъ. Онъ положилъ начало правильной организаціи монашеской жизни: все свое имущество раздалъ бѣднымъ, основалъ большой домъ призрѣнія, а самъ жилъ скудно. Онъ былъ любителемъ и покровителемъ греческой литературы и настоятельно совѣтовалъ изучать ее. Юношамъ, кромѣ превосходныхъ писемъ, особенно слѣдуетъ рекомендовать его слово "Ὅπως ἂν ἐκ τῶν ἐλληνικῶν ὠφελοῖντο λόγων **).

Григорій Назіанскій ***) (Γρηγόριος) родился въ 328 году. Онъ былъ другомъ Василія В., который и посвятилъ его въ епископы въ 379 г. Назначенный епископомъ въ Константинополь, онъ изъ скромности предпочелъ остаться въ Назіанцѣ, гдѣ и умеръ въ 391 году. Отъ него остались надгробныя рѣчи, проповѣди, похвальные „слова“, Комментаріи на Свящ. писаніе и Догматическіе трактаты.

Іоаннъ Златоустъ †) (Ἰωάννης Χρυσόστομος, 340—391 г.), уроженецъ Антиохіи, происходилъ отъ знатныхъ родителей и съ раннихъ лѣтъ обнаружилъ блестящія способности, такъ-что учитель его Либаній ††), на вопросъ, кого бы онъ хотѣлъ сдѣлать своимъ преемникомъ, отвѣтилъ: „Конечно, Іоанна, еслибы не отняли его у насъ христіане“. Іоаннъ сдѣлался христіаниномъ уже въ зрѣломъ возрастѣ; до этого-же времени занимался адвокатурой. Принявъ христіанство, Іоаннъ шесть лѣтъ жилъ отшельникомъ и изучалъ Св. Писаніе. Получивъ сначала санъ діакона, онъ вскорѣ былъ

*) Имя это въ переводѣ на русскій яз. значить „царственный“.

***) См. выше, стр. 121, прим.

***) Ναζιανζος, городъ въ Кашпадокіи.

†) Въ старинной русской письменности слово „Златоустъ“ сдѣлалось нарицательнымъ: такъ назывались сборники поученій и отрывковъ, составленныхъ преимущественно изъ словъ Іоанна.

††) См. выше, стр. 106.

посвященъ и въ пресвитеры. Впослѣдствіи былъ сдѣланъ Константинопольскимъ архіепископомъ. Самое главное сочиненіе Іоанна это его Проповѣди *). Онъ написалъ еще 17-ть небольшихъ трактатовъ въ видѣ писемъ къ одной благочестивой христіанкѣ Олимпіи и разсужденіе на тему Никто не можетъ повредить тому, кто не вредитъ себѣ самъ.

Григорію Назіанскому приписываютъ, безъ достаточнаго, впрочемъ, основанія, намѣреніе создать христіанскую драму съ наборомъ стиховъ, заимствованныхъ у греческихъ трагиковъ: до насъ дошла подъ его именемъ опера Страсти Христовы, съ отрывками изъ Еврипида. Но опера эта, какъ кажется, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ не этому Отцу, а христіанскому священнику Аполлинарію (Ἀπολλινάριος), жившему въ Лаодикѣ въ IV вѣкѣ, который, съ цѣлю вытѣснить свѣтское чтеніе, перелагалъ историческія книги Ветхаго Завета въ трагедіи, комедіи и гимны. Подъ именемъ Аполлинарія сохранились только *Μετὰφρασις τοῦ ψαλτῆρος διὰ στίχων ἡρωικῶν*. — Другой духовный писатель того-же времени, который слѣдовалъ вкусамъ античной музыки, былъ Синезій, епископъ Птолемаиды (въ Ливіи), жившій въ IV вѣкѣ. Его Гимны не отличаются ни возвышенностью, ни поэтическимъ вдохновеніемъ; они интересны только какъ продуктъ чисто свѣтскаго воспитанія и въ то-же время чисто христіанскаго вдохновенія. Синезій одинъ изъ тѣхъ, которые пытались примирить ученіе „платонизма“ съ христіанскими догматами. Онъ принадлежалъ къ числу писателей новой религіи, которые пытались распространять свое нравственное ученіе въ формѣ „романа“. Его Египетскіе разсказы (Ἀἰγυπτιακά) есть аллегорическое изъясненіе Провидѣнія и принадлежитъ къ цѣлой серіи благочестивыхъ „романовъ“, издававшихся въ эту эпоху.

Скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи того рода литературнаго произведенія, которое получило у насъ названіе „романа“, и которое начало развиваться въ обозрѣваемую нами „Грекоримскую“ эпоху.

„Романомъ“ **) мы называемъ поэтическое произведеніе, въ которомъ описывается рядъ вымышленныхъ событій изъ жизни нѣсколькихъ людей, съ однимъ или двумя главными лицами, и въ которыхъ главною пружиною дѣйствія является любовь, т. е. то исключительное и крупное явленіе въ жизни человѣка, въ которомъ наирче отражается его складъ ума, воли и чувства.

Этотъ родъ поэтическаго творчества ведетъ свое начало съ Востока и пріобрѣтаетъ почитателей въ ту пору, когда въ эллинскомъ мірѣ миѳы уже утратили смыслъ для образованнаго Грека, т. е. начиная съ „Александрійской“ эпохи. Уже съ этого времени философскія системы стоиковъ, эпикурейцевъ, скептиковъ, а потомъ и неоплатониковъ, замѣняли для образованнаго грека простодушныя вѣрованія предковъ.

*) Подробнѣе съ біографіей Іоанна читатель знакомъ изъ Исторіи церкви.

**) „Романъ“ (Roman) слово французское и первоначально служило для обозначенія всего, что было написано на романскомъ языкѣ.

Уже въ III вѣкѣ, въ произведеніи Аполлонія Родосскаго*), въ его Аргонавтика, мы находимъ не столько поэтическое воспроизведеніе мифа, сколько изображеніе страстнаго и романическаго настроенія Медеи, которое впоследствии послужило Вергилію образцомъ для изображенія страсти Дидоны.

Уже съ Александрійскаго періода литература стала обращаться къ собиранію и стихотворной обработкѣ нетронутыхъ доселѣ небольшихъ мѣстныхъ народныхъ сказаній или поэтическихъ легендъ, содержаніемъ которыхъ были не мифы о богахъ и герояхъ, а сказанія о превратностяхъ и приключеніяхъ, испытанныхъ тою или другою юною четою, гдѣ главную роль играетъ любовь. Въ Александрійскій періодъ греческой литературы были составлены греческими грамматиками и литераторами цѣлые сборники эротическихъ мѣстныхъ легендъ. Такихъ сказаній ходило больше всего въ Ионійскихъ городахъ Малой Азіи (особенно въ Милетѣ), которые въ то же время были и посредниками въ этомъ отношеніи между центральнымъ міромъ эллинизма и Востокомъ. Многіе мыслители съ IV-го уже вѣка посвящали время изслѣдованію „любви“, подкрѣпляя свои соображенія примѣрами все изъ тѣхъ-же эротическихъ легендъ. Изъ этихъ мыслителей укажемъ на Клеарха, современника и ученика Аристотеля, который въ своемъ сочиненіи О любви (Ἐρωτικὰ**) приводитъ, для объясненія свойствъ любви, народныя сказанія объ избранныхъ и жертвахъ этой страсти.

Длинный рядъ „эротическихъ“ писателей Александрійскаго періода и служить родоначальникомъ позднѣйшаго „романа“ въ Греціи. Рядъ этихъ „эротиковъ“ открываетъ собою Антимахъ (Ἀντίμαχος, въ концѣ V-го и въ началѣ IV вѣка до Р. Х.), уроженецъ Колофона, оплакавшій въ элегій Лиды (Λύδη) кончину своей возлюбленной. По примѣру Антимаховой Лиды написано большое элегическое стихотвореніе Λεόντιον, принадлежащее перу Гермесіанака (Ἐρμησίανας), жившаго во время Александра В. Отъ этой элегій, въ 3-хъ книгахъ, сохранилось 98 стиховъ у Аэнея. Гермесіанакъ, какъ и Антимахъ, былъ родомъ изъ Колофона. Учителемъ его былъ третій „эротикъ“ Александрійской эпохи Филета (Φιλετᾶς), уроженецъ Коса, котораго особенно высоко ставили римскіе элегтики; но мы имѣемъ отъ него лишь ничтожные отрывки.

Другіе поэты собирали и обрабатывали народныя легенды съ ученою цѣлью выяснитъ причины странныхъ и непонятныхъ обычаевъ и обрядовъ, напр., на общественныхъ состязаніяхъ и религиозныхъ празднествахъ, значеніе темныхъ названій греческихъ мѣстностей, прозвища боговъ и т. п. вещи. Таковыми элегіями извѣстенъ былъ поэтъ Александрійской эпохи Фанокль (Φανοκλῆς), сборникъ пѣсней котораго носилъ заглавіе Ἐρωτες ἢ χαλοί, потому-что онъ воспѣвалъ красивыхъ юношей. Но особенно такого

*) См. выше, стр. 91.

**) О Клеархѣ мы знаемъ по отрывкамъ, находящимся у Аэнея, о кот. см. стр. 107.

рода элегіями прославился грамматикъ **Каллимахъ** *), который четыре книги своихъ элегическихъ двустишіи назвалъ *Αἴτια*, указывая этимъ заглавіемъ на ихъ объяснительное или этиологическое значеніе. И стихотворенія Каллимаха отличались отъ стиховъ Филеты, Гермисіанака и др. только тѣмъ, что авторъ имѣлъ въ виду удовлетвореніе любознательности, а не одни только эротическія намѣренія.

По примѣру Каллимаха занимались собираніемъ легендъ и распредѣленіемъ ихъ по цикламъ такіе поэты Александрійской эпохи, какъ Евфоріонтъ Халкидскій**), Никандръ***), **Парвеній**†) и др., сочиненія которыхъ не сохранились. Эти поэты вносили въ старинныя легенды особый характеръ, характеръ идилліи и сентиментальности, выставляя на видъ не столько генеологию боговъ и героевъ, сколько чувствительныя проявленія любовной ихъ страсти. Самъ Зевсъ и Аполлонъ изображены у этихъ писателей съ рыцарскими, такъ сказать, чертами, надъ чѣмъ издѣвались ядовито христіанскіе апологеты.

Но такое направленіе въ поэзіи, чисто, можно сказать, „романическое“, оставалось все-же еще вѣрнымъ древне-греческому преданію: фабула не вымышлялась, а почерпалась изъ ходячихъ легендъ, и рассказы писались не прозой, а стихами. Только уже въ I вѣкѣ до Р. Х. мы видимъ эротическое повѣствованіе въ прозѣ. Оно принадлежитъ **Парвенію** и носить названіе *Ἐρωτικά*. Эти „любовныя“ повѣсти даютъ намъ наглядное понятіе о процессѣ литературной работы „эротиковъ“: въ то время составлялись краткія извлеченія изъ поэтовъ и историковъ, специально назначавшіяся для составленія рассказовъ съ эротическимъ содержаніемъ.

Изъ этихъ-то рассказовъ и развился греческій „романъ“, прежніе „эротики“, перелававшіе въ стихи ходячія легенды, смѣнились „романистами“, слагавшими свои любовныя повѣсти прозой, и при томъ повѣсти, или вполнѣ вымышленныя, или только отчасти имѣвшія отношеніе къ старымъ легендамъ. Богатый матеріалъ для разныхъ вымышленныхъ приключеній и картинъ давался рассказами греческихъ мореходцевъ, привозившихъ изъ дальнихъ и опасныхъ странствованій разныя басни объ ужасахъ и волшебствахъ посѣщенныхъ ими далекихъ и невѣдомыхъ странъ. И въ этомъ отношеніи особенно возбуждала воображеніе грека роскошная природа Индіи. До какихъ

*) См. выше, стр. 90.

) См. выше, стр. 91. — *) См. выше, стр. 92.

†) *Παρθένιος*, уроженецъ Никеи въ Вифоніи. Взятый въ плѣнъ въ Митридатскую войну, онъ жилъ сначала въ Неаполѣ, гдѣ обучалъ греческ. языку Вергилія, потомъ въ Римѣ, гдѣ подружился съ элегикомъ Корн. Галломъ. У Свиды онъ называется *ἐλεγεσποιὸς καὶ μέτρων διαφόρων ποιητής*. Мы знаемъ заглавія его элегій, какъ *Ἀρήτης ἐπιχήδειον* (плачевная пѣснь по Аретѣ), *Ἐπιχήδειον εἰς Ἀδελφερῶν* и др. Его *Ἐρωτικά* заключаютъ 36 прозаическихъ рассказовъ о влюбленныхъ, имѣвшихъ несчастный конецъ. Этими рассказами онъ хотѣлъ доставить Корн. Галлу матеріалъ для его эпическихъ повѣстей и элегій. У Парвенія мы находимъ немало пѣнныхъ ссылокъ на достовѣрные источники, благодаря которымъ мы знакомимся со многими александрийскими поэтами.

невозможныхъ предѣловъ доходила въ это время фантазія, показываютъ намъ, между прочимъ, Правдивые рассказы (Ἀληθεῖς ἱστορίαι) Лукіана*), гдѣ онъ, пародируя распространенійся въ литературѣ духъ необузданнаго измышленія, рассказываетъ о своемъ путешествіи на луну и другія свѣтила, о своемъ пребываніи въ животѣ рыбы, о своемъ посѣщеніи острова блаженныхъ и страны безбожниковъ и т. п. небылицы, и прибавляетъ при этомъ, что каждый рассказываемый имъ вымыселъ можетъ быть приписанъ фантазіи любого писателя.

Отличительною особенностью греческаго романа была идея о могуществѣ судьбы или τύχη, властвующей по своему произволу надъ влюбленными. Тύχη или случай являлся какимъ-то божествомъ, игравшимъ тогда ту-же роль, какую впоследствии игралъ „демонъ“, нисходившій на землю для того, чтобы вмѣшиваться въ человѣческія дѣла. И это должно намъ казаться совершенно естественнымъ. Значеніе этого божества, естественно, усиливалось все больше и больше въ представленіи грека; по мѣрѣ того, какъ блѣднѣло значеніе олимпійскихъ боговъ. Когда на глазахъ одного и того-же грека происходила быстрая смѣна такихъ событій, какъ сокрушеніе эллинскаго государственнаго устройства, а вмѣстѣ съ нимъ и независимости Эллады, быстрое возростаніе могущества Македоніи, а вслѣдъ за тѣмъ и распаденіе его, когда на глазахъ однихъ и тѣхъ-же людей въ борьбѣ діадоховъ побѣда смѣнялась пораженіемъ, величіе глубокимъ униженіемъ, когда отъ этого и личное положеніе, счастье и несчастье, даже сама жизнь сдѣлались какъ-бы игрою какой-то случайности, тогда естественно было видѣть въ этой „случайности“, въ этой τύχη, непреодолимую и единственную силу. Отсюда понятно, почему у позднѣйшихъ „романистовъ“ придается особенная важность оракуламъ, которымъ не задолго передъ тѣмъ совсѣмъ было перестали вѣрить. И къ оракуламъ обращались по самымъ обыденнымъ и мелочнымъ дѣламъ. Герои романовъ также часто прибѣгаютъ къ вопрошенію оракуловъ, желая напередъ узнать исходъ всѣхъ обстоятельствъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло влюбленной четѣ. Впрочемъ, другою характеристическою чертою тогдашняго романа было то, что онъ оканчивался счастливымъ исходомъ, въ которомъ карается порокъ и награждается добродѣтель.

Въ то время, въ которое получилъ развитіе греческій романъ, для него не было опредѣленнаго названія: то, чтó мы теперь называемъ „романомъ“, то тогда называлось „драмой“ или „драматическими рассказами“ (δραματικά), относя произведеніе къ одному изъ тѣхъ трехъ родовъ, на которые тогдашніе учебники реторики дѣлили всѣ вообще повѣствованія, называя ихъ историческими, судебными или драматическими и разумѣя подъ послѣдними рассказы о событіяхъ вымышленныхъ, но возможныхъ въ дѣйствительности.

Первымъ греческимъ романомъ, о которомъ мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, былъ романъ Ямблиха (Ἰάμβλιχος), уроженца Сиріи, жившаго во II вѣкѣ, при императорѣ Маркѣ Авреліи. Ямблихъ научился вавилонскому

*) См. выше, стр. 108.

языку, познакомился съ вавилонскими обычаями и исторіей и потомъ написалъ на греческомъ языкѣ, изученномъ имъ въ совершенствѣ, Вавилонскіе рассказы (Ἱστορίαι Βαβυλωνιακαί). По свидѣтельству Свида *), романъ Амблиха состоялъ изъ 39 книгъ и былъ очень обширенъ. Мы знакомимся съ нимъ по извлеченію, сдѣланному патріархомъ Фотіемъ **). Оно знакомитъ насъ съ самой фабулой романа:

Красавицу Сионида, уже соединенную узами брака съ любимымъ ею Роданомъ, преслѣдуетъ своими предложеніями овдовѣвшій вавилонскій царь Гармъ. Получивъ ея отказъ, царь велитъ посадить ее на золотую цѣпь, а Родана распять на крестѣ; но Сионида выручаетъ Родана, и оба они спасаются бѣгствомъ. Царскіе евнухи, которымъ была поручена казнь Родана, лишаются за свою оплошность ушей и носовъ, и отправлены слѣдомъ за бѣжавшими; чтобы отыскать ихъ, они пускаются въ путь по двумъ различнымъ направленіямъ. Подробности этихъ странствованій, этой погони, составляютъ содержаніе романа. Послѣ множества необычайныхъ приключеній, Роданъ дѣлается вавилонскимъ царемъ и обладателемъ Сионида.

Вторымъ по времени греческимъ романистомъ былъ Ксенофонтъ Ефесскій, жившій въ V или въ III вѣкѣ, отъ котораго сохранились Ефесскіе рассказы (Ἐφεσιακά), въ пяти книгахъ. О личности его мы ничего не знаемъ. И въ романѣ Ксенофонта таже влюбленная чета, таже цѣпь опаснѣйшихъ случайностей и всякаго рода приключеній, въ родѣ встрѣчи съ разбойниками и т. п., и та-же счастливая развязка.

Одновременно, какъ предполагають, съ Ксенофонтомъ Ефесскимъ жилъ неизвѣстный авторъ романа, дошедшаго до насъ въ передѣлкѣ или переводѣ на латинскій яз. подъ заглавіемъ *Historia Apollonii regis Tyri* („Исторія Аполлонія царя тирскаго“). Мы указываемъ на этотъ романъ, хотя онъ и не дошелъ до насъ на греческомъ языкѣ, потому, что въ средніе вѣка былъ очень распространенной и даже народной книгой въ западной Европѣ. Написанъ онъ очень простымъ и удобопонятнымъ латинскимъ языкомъ.

Однако, самый полный и наиболѣе совершенный изъ дошедшихъ до насъ романовъ относится уже къ концу IV вѣка христіанской эры и принадлежитъ Геліодору. Авторъ назвалъ его Эѳіопскими рассказами, или Αἰθιοπικά, и раздѣлилъ на десять книгъ. Про Геліодора намъ положительнаго ничего не извѣстно. Романъ его отличается занимательностью, на сколько то можно сказать относительно повѣсти того времени, исполненной разнаго рода приключеній и неожиданностей, напоминающихъ романы Феним. Купера и Майнрида. Дѣйствующими лицами романа являются Хариклô ***) , дочь эѳіопскаго царя Гидаспа, и ѳессаліецъ Ѳеагенъ †). Молодая чета, соединенная любовью, но часто разлучаемая, во всѣхъ опасностяхъ смерти и соблазна сохраняетъ свое цѣломудріе и остается вѣрною другъ другу; за эту вѣрность въ концѣ концовъ Ѳеагенъ и Хариклô награждаются

*) См. ниже.

**) См. ниже.

***) Χαρικλῶ. — †) Θεαγένης.

торжественно предъ престоломъ эѳіонскаго царя и у того самаго алтара, на которомъ собирались принести *Θεαгена* въ жергву.

Въ томъ-же родѣ извѣстенъ намъ другой романъ, принадлежащій **Ахиллу Татію** *) (*Ἀχιλλεύς Τάτιος*), уроженцу Александріи, жившему въ V вѣкѣ нашей эры. Этотъ романъ носитъ заглавіе *Λεωκίππῃ καὶ Κλειτοφῶντῃ*, или погречески *Τὰ ἐρωτικά κατὰ Λεωκίππην καὶ Κλειτοφῶντα*. Сюжетъ романа, — исторія любви *Κλειτοφῶντα* и *Λεωκίππῃς*, очень напоминаетъ содержание романа *Геліодора* **).

Въ заключеніе укажемъ еще на малоизвѣстныя имена **Алкифрона** *Αἰνιανίνα*, жившаго въ III вѣкѣ и оставившаго намъ три книги вымышленныхъ эротическихъ писемъ, въ которыхъ авторъ знакомитъ насъ съ нравами и обстановкой жизни преимущественно *αἰνιανῶν*, изображая бытъ разныхъ классовъ населенія, рыбаковъ, земледѣльцевъ, паразитовъ и т. д., — и **Аристайнета** (*Ἀρισταίνετος*), уроженца *Νίκειας*, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х., извѣстнаго своими эротическими письмами, въ которыхъ, какъ думаютъ, онъ подражалъ своему предшественнику *Αλκίφρονι*.

Всѣ эти, позднѣйшіе, изъ указанныхъ нами эротиковъ-романистовъ столько-же относятся къ эпохѣ „Греко-римской“, какъ и къ эпохѣ „Византійской“, которая служитъ заключеніемъ исторіи греческой литературы.

*) Отъ этого слѣдуетъ отличать другаго **Ахилла Татія**, жившаго, вѣроятно, во II вѣкѣ по Р. Х. и составившаго „комментаріи“ къ дидактическому стихотворенію *Αρτα* (см. выше, стр. 91) *Φαίνόμενα*, которое такъ высоко цѣнилось древними.

**) Что романъ *Τάτιου* имѣлъ много читателей въ средніе вѣка, доказывается многочисленностью дошедшихъ рукописей.

V.

Византійская эпоха.

V—XV вѣка по Р. Х.

Въ первой половинѣ V вѣка Западная имперія покончила свое существованіе. Политическая независимость Восточной имперіи или Византіи существовала еще почти тысячу лѣтъ. Эта пора, отъ V-го до XV вѣка, и составляетъ „Византійскую“ эпоху греческой литературы. Эту эпоху раздѣляютъ на три періода.

1. Первый періодъ обнимаетъ время V—IX вѣковъ, время преобладанія церковности, когда получаютъ развитіе церковные гимны. Въ VI-мъ и VII вѣкѣ развивается ожесточенная борьба религиозныхъ партій или сектъ, выдвинувшихъ въ литературѣ нѣсколько талантливыхъ дѣятелей. При Юстиніанѣ В. (527—565) умы волнуются ересями монофизитовъ, признававшихъ въ Иисусѣ Христѣ одно естество, божеское, и моноелитовъ, утверждавшихъ, что Спаситель имѣлъ одну волю, божескую. Эта борьба продолжалась и въ VII вѣкѣ, при императорѣ Геракліи (610—641), когда къ тому-же на сѣверѣ тѣснили Византію Болгары, а на югѣ и востокѣ Арабы. Въ началѣ VIII вѣка на престолѣ является императоръ Левъ III Исавріанинъ (717—741), царствованіе котораго ознаменовано иконоборствомъ, когда всѣ въ имперіи раздѣлились на иконодуловъ и иконокластовъ*).

2. Время со второй половины IX вѣка по XIII вѣкѣ, или, вѣрнѣе, до Латинской имперіи (1202—1261), составляетъ второй періодъ „Византійской“ эпохи, время полного развитія спеціально-византійскихъ элементовъ. Въ эту эпоху произошло великое историческое событіе, раздѣленіе церквей Восточной и Западной (1054 г.).

*) Иконодуль отъ εἰκών образъ, икона, и δουλόω служу (работъ); иконокласть (εἰκονοκλάστης) отъ εἰκών и κλάω ломать, разбивать.

3. Отъ Латинской имперіи, съ конца существованія ея, съ 1261 года, до паденія Константинополя въ 1453 году длится третій періодъ „Византійской“ эпохи. Эта эпоха въ литературѣ характеризуется заимствованіемъ западныхъ сюжетовъ и идей, слабою умственною жизнью и медленнымъ вымираніемъ.

1. Императоры византійскіе были совершенно равнодушны къ дѣлу просвѣщенія, если не принимать во вниманіе Юліана Отступника (361—363).

Но въ 529 году, какъ извѣстно, Юстиніанъ В. своимъ указомъ окончательно уничтожилъ свѣтское образованіе, не только лишивъ профессоровъ жалованья, но и выгнавъ несчастныхъ философовъ изъ предѣловъ своего государства.

При такомъ положеніи вещей понятно, что не могло быть ничего выдающагося, ничего самостоятельнаго въ литературѣ. Стихотворцевъ было много, но они поэзіи никакой не давали: это было время процвѣтанія анекдотическостей*) и центоновъ**). Въ Правленіе Юстиніана жилъ законовѣдъ **Агаѳіа** (Ἀγαθίας, род. ок. 536 г.), отъ котораго сохранилась анекдотическая, содержащая болѣе ста эпиграммъ***). Въ это-же время являются такъ называемые *Номегосентоны*, составленная изъ Гомеровыхъ, почти неизмѣненныхъ, стиховъ жизнь Спасителя, въ которой читатель, незнакомый съ Евангеліемъ, ничего не понялъ бы. Уже къ этому времени относится и начало сборника, *Анакреонтическихъ стиховъ*, или Ἀνακρεόντικα, въ которомъ два—три стихотворенія дѣйствительно принадлежатъ Θεосскому поэту†), а остальное, повидимому, есть только подражаніе, вышедшее изъ-подъ пера того или другого изъ византійскихъ версификаторовъ. И въ этихъ стихотвореніяхъ замѣчается чисто-языческое вдохновеніе, хотя и написаны они, несомнѣнно, христіанскими поэтами. Въ Византіи впервые зарождается тотъ литературный паганизмъ††), который процвѣталъ потомъ въ разныхъ эпохи, грозя поколебать чистыя вѣрованія новой религіи.

Если въ „Византійскую“ эпоху поэзія совершенно поблекла, за то мы можемъ указать еще на историковъ.

Во второй половинѣ V вѣка жилъ въ Константинополѣ историкъ **Зосимъ** (Ζώσιμος). Онъ написалъ Новую исторію (Ἱστορία νέα или ἱστορικὸν νέαν ἐκδόσεως) въ 6-ти книг. и въ перечнѣ сообщаетъ о событіяхъ времени императоровъ отъ Августа до конца IV стол. Убѣжденный язычникъ,

*) См. выше, стр. 103, примѣч. 1.

**) Слово *centones* (фр. *centon*) обозначало собственно „платье, сшитое изъ лоскутовъ“. Потомъ этимъ именемъ стали называть стихотворенія, „сшитыя“ изъ обрывковъ отъ стиховъ и даже словъ разныхъ произведеній предшествовавшихъ поэтовъ.

***) См. выше, стр. 103, примѣч. 2.

†) См. выше, стр. 26.

††) Слово *паганизмъ* происходитъ отъ латинск. *paganus* сельскій, а потомъ языческій, такъ-какъ язычество наиболѣе держалось въ селахъ. Подъ „паганизмомъ“ въ литературѣ разумѣется господство языческихъ вѣрованій древнихъ грековъ, римлянъ и египтянъ.

Зосимъ въ своемъ сочиненіи доказываетъ, что причиною паденія Западной имперіи было оставленіе языческой религіи.

Въ началѣ VI вѣка, при Юстиніанѣ жилъ другой историкъ, **Прокопій**, который считается послѣднимъ изъ греческихъ историковъ, обладавшихъ политическимъ тактомъ и обширными свѣдѣніями въ государственныхъ дѣлахъ. *Προκόπιος*, риторъ и софистъ, происходилъ изъ Кесаріи въ Финикіи, жилъ потомъ въ Константинополѣ и поступилъ на службу при императорѣ Анастасіи (ум. 518 г.). Съ 526 года онъ состоялъ на службѣ при Велизаріи и участвовалъ во всѣхъ походахъ его. Въ 562 году, когда онъ былъ въ Константинополѣ префектомъ города, его обвинили въ заговорѣ и отрѣшили отъ должности съ лишеніемъ всѣхъ правъ, послѣ чего онъ вскорѣ умеръ. — Отъ Прокопія остались: *a.* Восемь книгъ Исторіи о веденныхъ при Юстиніанѣ войнахъ съ вандалами, персами и остготами; *b.* Объ учрежденіяхъ (*Περὶ κτισμάτων*), составляющихъ похвальную рѣчь Юстиніану, въ которой перечисляются сооруженія, возведенныя этимъ императоромъ; *c.* *Ἀνέκδοτα* *) или *Historia arcana*, т. е. Тайная исторія, гдѣ съ полною откровенностью обличаются поступки деспотическаго императора и его правительства.

Продолжателемъ Прокопія былъ тотъ самый **Агаѳія**, который извѣстенъ своей анекдотическою **) . Пять книгъ его Исторіи, написанной очень слабо, обнимаютъ періодъ 553—560 г. г. царствованія Юстиніана.

Если эта эпоха не имѣетъ почти никакого значенія для поэзіи и другихъ родовъ литературы, за то она отмѣчена изданіемъ труда, имѣющаго громадное значеніе для науки права. При Юстиніанѣ между 528 и 535 годами собраны законы подъ общимъ названіемъ *Corpus juris civilis*, которые составили *Codex Justinianus* ***). Этотъ сводъ гражданскаго права раздѣляется на четыре отдѣла. 1. Первый называется собственно *Codex Justinianus*; онъ состоитъ изъ 12-ти книгъ и содержитъ законы и постановленія римскихъ императоровъ до Юстиніана. 2. Второй отдѣлъ называется *Institutiones* †), въ четырехъ книгахъ; такъ обыкновенно называли римскіе законовѣды свои болѣе или менѣе элементарныя руководства права, предназначенныя для школъ. 3. Третій отдѣлъ назывался

*) Собств. значить „неизданное“.

**) См. выше, стр. 103.

***) Кодексомъ (собств. книга) называютъ сводъ законовъ, распоряженій и указовъ императоровъ и королей. Два ученыхъ законовѣда, Григорій и Гермогенъ, собрали указы императоровъ отъ Адриана до Константина, и собраніе перваго называется Кодексъ Григоріевъ, а втораго — Кодексъ Гермогеновъ. При импер. Θεодосіѣ II (408—450) составленъ *Codex Theodosianus*, заключавшій всѣ указы императоровъ отъ Константина до него. Король готскій Аларихъ въ 506 г. составилъ новую компіляцію римскаго права, представляющую извлеченіе изъ этихъ трехъ кодексовъ и опубликовалъ подъ названіемъ *Codex Theodosianus*.

†) Намъ извѣстны еще *Institutiones Gaj* (полное заглавіе *Institutionum commentarii quatuor*), въ 4-хъ кн., изд. въ 161 г. по Р. X., и *Institutiones Ulpiana* въ III вѣкѣ.

латинскимъ именемъ Дигесты (digesta*) или греческимъ Пандекты (Πανδέκται**), въ 50-ти книгахъ; этотъ отдѣлъ состоялъ изъ сочиненій знаменитѣйшихъ римскихъ юристовъ, получившихъ силу закона. 4. Послѣдній отдѣлъ названъ Novellae, т. е. новые указы (constitutiones); это — собраніе указовъ самого Юстиніана, выданныхъ послѣ обнародованія его „кодекса“. Всѣ эти узаконенія выходили большею частью на греческомъ языкѣ, а въ „Сводѣ“ помѣщены въ латинскомъ переводѣ. — Codex Justinianus легъ въ основу законоположеній европейскихъ державъ. — Во время Юстиніана (554 г.) былъ также изданъ Номоканонъ***), или систематическое собраніе правилъ свв. Отцовъ, постановленій духовныхъ соборовъ и императорскихъ указовъ, относящихся къ дѣламъ церковнымъ. Номоканонъ византійскій легъ въ основаніе устройства русской церкви.

Послѣ Прокопія исторіографія падаетъ. Является такой писатель, какъ **Косма Индикоплевствъ** (Κοσμάς Ἰνδικοπλεύστης †), который, будучи купцомъ, объѣхалъ Эіопію, Востокъ и Индію, а потомъ ужаснымъ языкомъ написалъ Христіанскую топографію, гдѣ онъ доказываетъ нечестіе географической системы Птолемея и создаетъ систему, болѣе согласную съ Библіей. Земля, по словамъ Космы, не шаръ, а равнина въ видѣ параллелограмма, окруженнаго океаномъ. За океаномъ находится другой, недоступный людямъ материкъ, въ западной части котораго помѣщается рай. Адамъ, послѣ изгнанія изъ рая, поселился на томъ материкѣ, и только послѣ потопа люди расселились на нашей землѣ, потому что Ноевъ ковчегъ присталъ сюда. На крайнихъ предѣлахъ этой допотопной земли поднимаются сперва перпендикулярныя, а потомъ наклонныя стѣны, которыя и образуютъ надъ нами сводъ небесный. Надъ этимъ сводомъ находится жилище Господа и избранныхъ его, а подъ нимъ совершаютъ свои движенія солнце и луна. Двигаться вокругъ земли они, конечно, не могутъ, такъ-какъ помѣщены подъ однимъ съ нею сводомъ: они двигаются вокругъ громадной конической горы, находящейся на сѣверѣ. Лѣтомъ солнце двигается ближе къ ея вершинѣ, которая скрываетъ его не надолго; зимою оно спускается къ нижней части конуса, отчего и происходятъ длинныя зимнія ночи и т. д. Это произведеніе въ средніе вѣка находило очень много читателей и имѣло на умы сильное вліяніе. — Космѣ принадлежитъ еще одно сочиненіе подъ заглавіемъ Космографія южной части Африки.

Но самымъ выдающимся прозаическимъ писателемъ въ этотъ первый періодъ „Византійской“ эпохи былъ безспорно **Іоаннъ Дамаскинъ** (Ἰωάννης Δαμασκηνός), подданный сарацынъ. Онъ родился въ послѣдніе годы VII вѣка, а

*) = „распределенное въ строгомъ порядкѣ“. Сюда входило болѣе трехъ миллионовъ „мнѣній“ (sententiae).

**) Отъ πάν все и δέχομαι заключаю, принимаю (един. πανδέκτης, ου).

***) Νομοκανών, изъ νόμος законъ и κανών правило, уставъ.

†) Ἰνδικοπλεύστης, изъ Ἰνδική Индія и πλέω плыву, обильваю.

дѣятельность его относится къ VIII вѣку, къ эпохѣ Иконоборства. Когда Левъ Исаврянинъ (717—741) началъ гоненіе противъ иконъ, Іоаннъ состоялъ въ важной должности при дворѣ дамаскинскаго Халифа. Онъ сталъ обличать императора блестящими посланіями къ мѣстнымъ христіанамъ. Біографъ Іоанна *) рассказываетъ, что императоръ Левъ, негодуя на сильное дѣйствіе посланій Дамаскина, прибѣгъ къ подлогу: онъ приказалъ писцу написать подъ руку Іоанна письмо къ Византийскому императору съ предложеніемъ предать Дамаскъ грекамъ. Письмо было отослано халифу. Этотъ, возмущенный измѣною своего приближеннаго, велѣмъ отрубить Іоанну правую руку. Искалѣченный Іоаннъ упалъ предъ образомъ Божіей Матери и молилъ Ее оправдать его предъ Калифомъ. Послѣ этой молитвы, во время сна, рука Іоанна срослась, и мученикъ сочинилъ Богородицѣ гимнъ „О тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь!“ Чудо оправдало невиннаго предъ халифомъ. Іоаннъ затѣмъ отказался отъ службы и удалился въ монастырь, заявивъ желаніе поступить въ послушники къ какому-нибудь монаху. Одинъ изъ нихъ взялъ Іоанна къ себѣ въ келью и наложилъ на Іоанна самый строгій для него искусь, запретивъ ему сочинять что бы то ни было. Іоаннъ долго крѣпился и только, когда одинъ инокъ, потерявшій близкаго человѣка, обратился къ нему съ мольбою написать что-нибудь въ утѣшеніе, написалъ надгробный стихъ: Каѣ житейская сладость? Человѣцы, что всеу мятемся? Подвижникъ за ослушаніе былъ строго наказанъ: онъ долженъ былъ очистить своими руками всѣ нечистыя мѣста обители. Біографъ также сообщаетъ любопытныя подробности про учителя Іоанна, монаха Косму Калабрійца, котораго отецъ Іоанна купилъ для сына на рынкѣ изъ числа продававшихся тамъ плѣнниковъ.

Главное сочиненіе Дамаскина называется Источникъ знанія (Πηγή γνῶσεως); оно состоитъ изъ трехъ частей: 1-я, діалектика объясняетъ термины и опредѣляетъ понятія хотя и по системѣ Аристотеля, но согласно съ отцами церкви; 2-я представляетъ историческое развитіе православнаго догмата въ связи съ ересями; обѣ эти части составляютъ введеніе къ 3-й, посвященной систематическому изложенію православной вѣры, первому въ исторіи нашего вѣроученія. Іоаннъ трудился восемь лѣтъ надъ этимъ сочиненіемъ, завершающимъ всю богословскую литературу предшествовавшаго періода. Эта книга всегда высоко цѣнилась богословами, не только восточными, но и западными. — Другое его сочиненіе, Бесѣда сарацына съ христіаниномъ, считается слабѣе. Онъ много также писалъ противъ манихеевъ, монофизитовъ и моноелитовъ. Написалъ также нѣчто въ родѣ богословскаго словаря. Для церковнаго богослуженія онъ сдѣлалъ очень много: ему принадлежатъ каноны на Святую Пасху, на Рождество Христово и на другіе великіе праздники, и установилъ церковное пѣніе на восемь гласовъ. Заслуги его для церкви чрезвычайно велики. Потомки, восхищавшіеся сочиненіями Дамаскина, назвали его „Златоструйнымъ“ (Χρυσόρροατος), и это прозвище

*) Иерусалимскій патріархъ Іоаннъ въ X вѣкѣ.

въ нашей до-петровской литературѣ приобрѣло нарицательное значеніе. Іоаннъ скончался около 760 года.

Что касается поэзіи въ началѣ „Византійской“ эпохи, то мы можемъ назвать развѣ только **Павла Писидца** (Παῦλος Πισιδεύς*), жившаго во время императора Ираклія (610—641). Это былъ писатель, мишенный всякаго поэтическаго таланта, но очень плодовитый; для насъ онъ имѣетъ значеніе по тѣмъ слѣдамъ, которые онъ оставилъ въ древне-русской письменности своею дидактическою поэмой подъ заглавіемъ Шестодневъ или о сотвореніи міра.

Говоря о поэзіи, мы должны сказать также нѣсколько словъ о греческомъ стихѣ въ эту пору. Формы стиха совершенно измѣняются: количество въ слогахъ, или долгота и краткость, постепенно исчезаютъ. Церковные гимны пишутся тоническимъ размѣромъ, вмѣсто метрическаго, чтò окончательно входитъ въ употребленіе съ IX вѣка: вырабатывается такъ называемый гражданскій стихъ, или στίχος πολιτικός, въ отличіе отъ стиха ученаго, и этимъ стихомъ одинаково пользуются какъ духовные, такъ и свѣтскіе поэты.

2. Второй періодъ „Византійской“ эпохи въ исторіи греческой литературы начинается въ воцаренія Македонской династіи (867—1057), первые представители которой относились очень благосклонно къ литературѣ и къ наукѣ. Самъ основатель династіи, **Василій** (867—886), раньше бывши простымъ конюхомъ, сдѣлавшись императоромъ, подъ конецъ жизни научился писать и сочинилъ книгу Объ искусствѣ правленія. Его сынъ **Левъ VI**, ученикъ Фотія, прозванный „Философомъ“, писалъ проповѣди, составилъ книгу о военной тактикѣ и собраніе оракуловъ, извѣстныхъ чуть не въ наше время, но особенно прославился редактированіемъ свода законовъ, получившаго названіе **Базиликъ** по имени его отца. О сынѣ Льва, **Константинѣ Багрянородномъ**, составившемъ себѣ литературное имя, мы будемъ говорить ниже.

Въ царствованіе Василя и Льва VI жилъ и знаменитый **Фотій** (Φώτιος). Еще при предшественникѣ Василя, Михаилѣ III, Фотій былъ сдѣланъ главнымъ государственнымъ секретаремъ. Въ 858 году онъ почти изъ свѣтскихъ сановниковъ былъ сдѣланъ патріархомъ. Въ 867 г. онъ былъ свергнутъ съ престола и удаленъ въ монастырь. Съ 877 по 886 годъ онъ вторично состоялъ въ санѣ константинопольскаго патріарха. Какъ въ первый, такъ и во второй разъ онъ не былъ признанъ патріархомъ въ Римѣ, и даже на духовномъ соборѣ былъ преданъ проклятію. Въ отвѣтъ на это проклятіе Фотій сталъ обличать Западную церковь въ отступленіи отъ догматовъ православія и преимущественно въ ложномъ ученіи о нисхожденіи Св. Духа отъ Отца „и Сына“. Это было началомъ споровъ между двумя Церквами, кончившихся въ 1054 г. полнымъ раздѣленіемъ ихъ. Фотій умеръ въ 892 г.

*) Въ Малой Азіи.

Литературное имя создалъ себѣ Фотій двумя трудами: Библиотекой и Словаремъ.

Библиотека (Βιβλιοθήκη) есть „описание и перечень прочтенныхъ Фотіемъ книгъ, числомъ 279, обзорънне которыхъ желалъ имѣть его братъ Тарасій“. Книги, прочтенныя Фотіемъ, сопровождаются замѣчаниями и оцѣнкой, а часто также и выдержками изъ разныхъ авторовъ, очень цѣнными для историка греческой литературы, потому что здѣсь насчитываютъ 70—80 произведеній древнихъ историковъ, философовъ, ораторовъ, грамматиковъ, математиковъ, врачей, о которыхъ безъ труда Фотія мы не имѣли бы, можетъ быть, никакого понятія. Библиотека носитъ еще и другое заглавіе — Десятитысячекнижія, или Μυριάμβιβλος. — Другой важный трудъ Фотія — это его Словарь (Λέξεων συναγωγή), дошедшій до насъ во многихъ сильно различающихся между собою рукописяхъ. Фотію принадлежитъ также составленіе втораго Номоканона, гдѣ собраны древнія „правила“ апостоловъ, соборовъ и отцовъ, безъ внесенія сюда императорскихъ указовъ, относившихся къ дѣламъ церкви*).

Говоря о Фотіи, какъ о лексикографѣ, умѣстно сказать о двухъ другихъ ученыхъ этого времени, о неизвѣстномъ авторѣ большаго лексикона подъ названіемъ Etymologicum magnum и о Свидаѣ.

Свида (Σουΐδας), о личности и времени жизни намъ ничего неизвѣстно**), оставилъ лексиконъ, составленный на основаніи болѣе старинныхъ словарей, схолий и сочиненій грамматиковъ. Для филолога Свида имѣетъ чрезвычайно важное значеніе по массѣ матеріала, относящагося къ языку, древностямъ и исторіи, который мы находимъ въ его сочиненіи.

Эти три ученыхъ Византійской эпохи, Фотій, Свида и неизвѣстный авторъ Etymologicum magnum, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, положили основаніе работамъ позднѣйшихъ лексикографовъ.

Выше-сказанный **Константинъ Багрянородный** (Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος) былъ императоромъ, подъ именемъ Константина VII, и царствовалъ отъ 912 по 959 годъ. Это былъ человѣкъ, получившій прекрасное образованіе и всю жизнь преданный ученымъ занятіямъ, изъ-за которыхъ императоръ часто оставлялъ даже въ небреженіи государственныя дѣла.

Изъ произведеній Константина первымъ по литературному достоинству слѣдуетъ считать Исторію жизни и дѣяній императора Василія. Она состоитъ изъ пяти книгъ, въ которыхъ авторъ является апологетомъ своего дѣда. — Другое сочиненіе Константина, Объ управленіи имперіей, въ высшей степени важно для историковъ, занимающихся судьбами половины народовъ современной Европы. Въ этомъ сочиненіи мы очерпаемъ свѣдѣнія о русскихъ, о славянахъ южныхъ и западныхъ, о романскихъ и германскихъ народовъ, о Венгріи, Арменіи, Кавказѣ . . . Безъ этой книги, напр., о печенѣгахъ, хозарахъ и др. мы имѣли бы самыя скудныя

*) Первый Номоканонъ составленъ при Юстиніанѣ; см. выше, стр. 132.

**) Полагаютъ, что онъ жилъ ок. половины X вѣка по Р. Х.

свѣдѣнія или почти никакихъ. — Константину принадлежитъ также книга О церемоніяхъ византійскаго двора; она заключаетъ описаніе какъ религіозныхъ, такъ и гражданскихъ празднествъ, описаніе производства чиновниковъ, придворныхъ увеселеній и т. п.

Въ одно время съ Константиномъ жилъ и его сотрудникъ **Симеонъ Метафрастъ***) (Συμεών Μεταφραστής), составитель Житій Святыхъ (Βίοι ἁγίων), изъ которыхъ дошла до насъ въ оригиналѣ только незначительная часть. Ему же приписывается еще хроника, доведенная до 963 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что потерянные Житія Симеона дали главнымъ образомъ и материалъ для греческихъ **менологій*****) или **святцевъ**.

Изъ писателей-ученыхъ XI вѣка слѣдуетъ указать на **Михаила Пселла** (Μιχαὴλ Ψέλλος), отличавшагося изумительною плодовитостью и усердіемъ. Для насъ важны его комментаріи къ нѣкоторымъ книгамъ Аристотеля.

Первое войско крестоносцевъ вступаетъ въ предѣлы Византійской имперіи при Алексѣѣ I Комненѣ (1081—1118), когда впервые и произошло столкновеніе Запада съ Востокомъ, а вслѣдъ затѣмъ началось и вліяніе перваго на византійскую литературу.

Въ это время, въ XII вѣкѣ, на литературномъ поприщѣ выступаетъ рядъ царственныхъ лицъ изъ фамиліи Комненовъ. Мы укажемъ на **Анну Комненъ**, написавшую на греческомъ языкѣ исторію Алексѣя, своего отца, подъ заглавіемъ Алексіада, раздѣленную на 15 книгъ.

Къ XII же вѣку относится и **Евстаѳій** (Εὐστάθιος), уроженецъ Константинополя, бывший архіепископомъ ессалоникскимъ. Кромѣ Комментаріевъ къ Пиндару, дошедшихъ до насъ только въ отрывкахъ, Евстаѳію принадлежатъ немаловажные для объясненія Гомера Комментаріи къ Иліадѣ и Одиссеѣ.

Что касается поэзіи въ этотъ періодъ „Византійской“ эпохи, то прежде всего скажемъ, что въ X вѣкѣ начинаютъ распространяться у грековъ **былины**, небольшія пѣсни, воспѣвавшія подвиги національныхъ героевъ позднѣйшаго времени. Читатель можетъ познакомиться съ характеромъ этихъ былинъ по одной изъ нихъ, былинѣ Объ Армурѣ, переведенной на русскій языкъ и объясненной проф. Г. Дестунисомъ (Спб. 1877 г.). — Къ тому же X вѣку относятъ большую поэму неизвѣстнаго автора о подвигахъ Василія Дигениса. Эта поэма впоследствии времени была передѣлана въ прозу и изъ Болгаріи появилась въ XV вѣкѣ и у насъ, какъ Повѣсть о прекрасномъ Девгеніи.

Дошелъ до насъ отъ Византійской эпохи и любовный романъ подъ заглавіемъ Исторія Исмены и Исменія, принадлежащій **Евматію Макремболиту**, писателю XII вѣка.

Къ XII-му же вѣку относятся и два романиста-стихотворца: **Теодоръ Продромъ** (Θεόδωρος Πρόδρομος), написавшій въ ямбахъ Любовь Роданты

*) Т. е. „переводчикъ“, „перелагатель“.

**) Τὰ μηνολόγια = мѣсяцесловъ.

и Дозикла, и **Никита Евгеніанъ** (Νικήτας), оставившій намъ Любовь Дрозиллы и Харикла, романъ, указывающій на полный упадокъ поэтическаго творчества.

Большее значеніе, по крайней мѣрѣ, для филологіи имѣеть поэтъ и ученый того-же XII вѣка по имени **Цецъ** (Τζέτζης), оказавшій намъ услугу своими комментаріями къ Гомеру, Гезіоду, Аристофану, Аппіану и нѣк. др. Онъ написалъ поэму Ἰλιακά, и Историческую книгу (Βιβλος ιστορική), состоящую изъ 12,261 „политическаго“ стиха и имѣющую значеніе по богатому историческому и антикварному матеріалу.

Въ томъ-же XII-мъ вѣкѣ жилъ и историкъ **Зонара** (Ἰωάννης Ζωναράς), занимавшій сначала высокія должности, а потомъ постригшійся въ монахи на Аѳонѣ. Онъ написалъ Исторію (Χρονικόν), въ 18 книгахъ, отъ сотворенія міра до своего времени. Онъ важенъ для насъ между прочимъ и тѣмъ, что приводитъ много буквальныхъ выписокъ изъ древнихъ писателей: Полибія, Аппіана и др.

Въ 1204 году, со взятіемъ Константинополя крестоносцами, Византію постигаетъ страшный ударъ, разрушившій всю государственную систему и всю византійскую культуру, а слѣдовательно имѣвшій погубныя послѣдствія и въ литературѣ. Въ пожарахъ погибло нѣсколько сотъ тысячъ рукописей. Крестоносцы владѣли Византійскою имперіей около 60-ти лѣтъ, въ теченіи которыхъ она именовалась имперіей Латинскою. Наконецъ въ 1261 г. Михаилъ Палеологъ вступилъ побѣдителемъ въ Константинополь.

Въ этотъ періодъ времени жилъ **Никита Акамонитъ** или **Хоніатъ**, который умеръ, какъ думаютъ, въ 1216 году. При вторженіи крестоносцевъ онъ былъ губернаторомъ Филиппополя. Онъ оставилъ намъ историческій трудъ подъ заглавіемъ Χρονικά въ 21 книгѣ, гдѣ находится много подробностей о бытѣ и нравахъ франковъ.

3. Съ 1261 года начинается третій періодъ Византійской эпохи греческой литературы. Это было время самое печальное, самое бѣдственное для византійской имперіи во всѣхъ отношеніяхъ. Довольно сказать, что войны, а затѣмъ и возобновившаяся расточительность двора совершенно разорили казну, для пополненія которой придумывались даже такіа странныя мѣры, какъ опредѣленіе максимума средствъ на прожитіе гражданина, вслѣдствіе чего подданный могъ проживать только извѣстную сумму, а излишекъ долженъ былъ отдавать государству. Торговля находилась въ рукахъ иностранцевъ. Правосудія не было. Въмѣсто собственныхъ войскъ имперію охраняли наемники. Духовенство отличалось грубостью и взаимною враждою. Науки, а слѣдовательно и школы, кромѣ самыхъ элементарныхъ, не существовало. Все показывало, что имперія находилась наканунѣ гибели. И когда тури подступили къ Константинополю съ 250 тысячами войновъ, Константинъ XI могъ только выставить противъ нихъ 7,000 человекъ.

Съ 1261 по 1453 годъ царствовала послѣдняя династія Палеологовъ. При нихъ замѣчается нѣкоторое оживленіе въ наукѣ, и въ Константинополь

вновь стали свозить отовсюду рукописи. Но одною изъ характеристическихъ чертъ этой эпохи было узко-богословское направленіе въ литературѣ, и суевѣріе доходило вездѣ до крайней степени, такъ что астрологи были тамъ самыя вліятельныя люди. Упадокъ образованія былъ полный, такъ-что епископскія каѳедры часто занимають полуграмотныя люди, а профессора въ школахъ не умѣютъ даже писать литературнымъ языкомъ. Самый языкъ разбивается на множество діалектовъ.

Тѣмъ не менѣе и въ это время въ Византіи есть свои риторы, свои поэты, свои историки, и не безъ основанія указываютъ на народъ греческій, какъ на единственный, который располагаетъ непрерывными лѣтописями, обнимающими почти двухтысячный періодъ времени. Въ XIV вѣкѣ, въ то самое время, когда Турки-Османы начали уже тѣснить имперію и завоевывать на Балканскомъ полуостровѣ провинцію за провинціей, императоръ **Іоаннъ Кантагузень** удаляется въ монастырь и тамъ пишетъ свои Мемуары, знакомящіе насъ съ современной ему эпохой. Въ XV вѣкѣ живетъ **Халкиндиль**, который въ своей Исторіи Турковъ описываетъ послѣднія времена Византійской имперіи.

Въ поэзіи замѣчается все болѣе и болѣе возрастающее вліяніе Запада. Съ французскаго на греческій переводятся такія произведенія, источники которыхъ вышли изъ греческой литературы. Самостоятельность исчезаетъ до такой степени, что грекъ забываетъ совсѣмъ о своемъ гексаметрѣ и пентаметрѣ и, на манеръ западныхъ стиховъ, вводитъ риѳму.

Но языкъ все-же сохраняетъ свои традиціи съ прошлымъ; а когда мусульмане-варвары обрушились на имперію, тогда ученые изъ Константинополя разошлись по Западу, унося туда свои книги. Уже съ начала XV вѣка стали пріѣзжать въ Грецію за рукописями итальянскіе гуманисты; а съ паденіемъ Восточной имперіи особенно греческіе ученые стали въ Западной Европѣ усердно заниматься живымъ и плодотворнымъ преподаваніемъ и содѣйствовать тому движенію, которое въ міровой исторіи именуется Эпохой Возрожденія.

Конецъ.

Fr. R. Kreuzwaldt nim.
Eesti N. V.
Riiklik. Arst'k
Raamatukogu

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЬ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ГЛАВНОМЪ УПРАВЛЕНІИ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 7 печ. листовъ. Подписная цѣна за годъ съ пересылкою 5 р. Подписка принимается: 1) въ книжн. маг. Н. О. Фену (Спб., Невскій пр. 40) и 2) отъ иногородныхъ въ редакціи (Спб. Фурштадская, 12/4, кв. 9).

Въ неофиц. части 1892 г. были помѣщены слѣдующія статьи:

Этюды выразительнаго чтенія. Д. Д. Коровякова. — Драматическая поэзія М. Каррьера, пер. В. А. Яковлева. — Периодичность въ развитіи дѣтской природы. Д-ра А. С. Вирениуса. — О преподаваніи алгебры. Проф. Е. Ермакова. — Къ вопросу о томъ, что такое среднее образованіе и Гипнотизмъ въ педагогикѣ. А. Н. Острогорскаго. — Статьи по преподаванію иностр. языковъ. П. Книпера. — Статьи А. В. Кролюницкаго, И. В. Юркевича, С. И. Васильева, В. Шидловскаго, В. П. Сланскаго, П. Матковскаго, К. В. Ельницкаго, М. В. Соболева и др.

Въ приложеніи: Обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея за 1891|92 уч. годы.

Въ 1893 г. въ П. Сб. будетъ продолжено печатаніе статей: Этюды выразительнаго чтенія. (Условія чтенія сообразно роду и виду произведенія.) Д. Д. Коровякова и Драм. поэзія М. Каррьера (Часть историческая).

Въ 1893 г. будетъ изданъ Указатель статей П. Сб. за истекшее десятилѣтіе редактированія журнала А. Н. Острогорскимъ.

Редакторъ А. Острогорскій.

XXXV

Г. ИЗД.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1893 ГОДЪ

XXXV

Г. ИЗД.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.Съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“
ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ и ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Въ 1893 году „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ вступаетъ въ 25-й годъ своего существованія.

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ одобрено Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по Учрежденіямъ Императрицы Маріи, Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ Заведеній ВКЛЮЧЕНО въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ, 1891 г. ДОПУЩЕНО Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическую бібліотеку среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1892 года „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается подъ новой редакціей. Редакція ставитъ себѣ задачей придерживаться программы лучшей поры существованія журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Въ совѣщаніяхъ редакціи принимаютъ близкое участіе А. Н. Острогорскій и В. П. Острогорскій.

При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ, выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 печатныхъ листовъ. Большая часть статей «ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА» будетъ посвящена домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей.

Съ 1893 года въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» будетъ издаваться періодическій указатель вновь выходящихъ дѣтскихъ и учебныхъ книгъ; въ указателѣ будутъ помѣщаться краткое описаніе и разборъ по возможности всѣхъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей и юношества, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Кромѣ того, въ концѣ года въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» будетъ помѣщаться рекомендательный каталогъ книгъ для дѣтей и юношества, какъ вышедшихъ въ теченіе года, такъ и ранѣе изданныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	5 Р.	Съ доставкою въ СПБ. и пересыл. во всѣ гг. Россіи	6 Р.	За границу	8 Р.
------------------------------------	-------------	---	-------------	------------	-------------

На полгода—3 руб.; на четверть года—1 руб. 50 коп.; на девять мѣсѣц. 4 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: **СПБургъ.** Развѣзжая ул., д. № 3, кв. 12, въ отдѣленіяхъ конторы: книжныхъ магазинахъ Карбасникова, Фену и К°. (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ другихъ столичныхъ книжныхъ магаз., а въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печевойской.

Издатель Я. В. Борисовъ.

Редакторъ П. В. Голяховскій.

БИБЛИОГРАФЪ | Годъ IX — 1893 —

Журналь историко-литературный и библиографическій.

Съ портретами, снимками съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п.

Отдѣль 1. Лѣтопись литературы и книговѣдѣнія: 1. Исторія литературы и просвѣщенія, по преимуществу въ Россіи: а) изслѣдованія и статьи по исторіи литературы, просвѣщенію и народной словесности, какъ общаго характера, такъ и монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ; біографіи литературныхъ дѣятелей, ученыхъ и ревнителей просвѣщенія, и б) матеріалы для исторіи литературы, просвѣщенія и народной словесности. 2. Книговѣдѣніе: а) описаніе рукописей, рѣдкихъ изданій и т. п.; б) книжное дѣло въ старину и въ настоящее время: книгопечатаніе и графическія искусства, бібліотековѣдѣніе, книжная торговля, книгоиздательство, литературная и художественная собственность; в) статистика книгопечатанія и книжнаго дѣла; г) біографіи дѣятелей по книжному дѣлу. 3. Критика и библиографія: обзоры книгъ и періодическихъ изданій, а также дѣятельности литературныхъ обществъ и учреждений. 4. Разныя извѣстія и замѣтки: а) хроника литературная и книговѣдѣнія; б) судебныя извѣстія по дѣламъ литературы и книжнаго дѣла; в) некрологи; г) вопросы и отвѣты; д) смѣсь.

Отдѣль 2 (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1. Каталогъ новыхъ книгъ. 2. Указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ. 3. *Rossica*. 4. Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати. 5. Замѣтки о новыхъ изданіяхъ. 6. Объявленія.

Въ приложеніяхъ: 1) Отдѣльныя работы по исторіи русской литературы, книговѣдѣнію и прочимъ предметамъ входящимъ въ программу журнала. 2) Портреты, снимки съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п. — на особыхъ листахъ и въ текстѣ журнала.

Съ основанія «Библиографа» въ немъ принимали участіе:

А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. О. Березинъ-Шираевъ, проф. К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, В. О. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, П. В. Быковъ, С. А. Венгеровъ, Н. В. Губерти, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьяконовъ, Г. Г. Змигродскій, проф. В. С. Иконниковъ, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, Д. О. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, А. М. Ловягинъ, Х. М. Лопаревъ, А. Г. Лященко, М. Н. Мазаевъ, акад. Л. Н. Майковъ, А. Г. Маленинъ, В. И. Межовъ, А. Е. Молчановъ, Н. Н. Оглоблинъ, проф. С. О. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, Н. И. Полетаевъ, С. И. Пономаревъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, В. И. Сайтовъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, проф. А. И. Соколовъ, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, Н. М. Тушиковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, проф. Е. Ф. Шмурло и др.

Редакція имѣетъ основаніе надѣяться, что всѣ эти лица будутъ сотрудниками «Библиографа» и на будущее время, причѣмъ предполагаетъ особенно развить отдѣлы журнала, касающіеся исторіи литературы и книговѣдѣнія.

Подп. цѣна **5** руб.
въ годъ
съ пересылкою.
За границу . . . 6 руб.
(12 №№ въ годъ).

Подписка у А. С. Суворина (С.-Петербургъ. Невскій просп., д. 38) и въ другихъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ; для иногородныхъ въ редакціи (С.-Петербургъ, Забалканскій просп., д. 7, кв. 13).

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

За прежніе годы (1885—1892) комплекты продаются по 5 руб. за годъ.

„ОБРАЗОВАНИЕ“

Педагогическій и научно-популярный журналъ.

Кромѣ правительственныхъ распоряженій разныхъ вѣдомствъ, относящихся къ школьному дѣлу, журналъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: I. Педагогическія статьи (вопросы обученія, воспитанія, психологическіе этюды, наблюденія надъ дѣтской жизнью, замѣтки по методикѣ преподаванія, очерки народнаго образованія въ Россіи и за границей, новыя педагогическія движенія на Западѣ, историческіе очерки, воспоминанія, критика и библиографія и пр.); II. Журнальныя статьи (Отчеты о дѣятельности правительственныхъ учреждений и земствъ по народному образованію, сообщенія о засѣданіяхъ обществъ ученыхъ и педагогическихъ, обзоры журналовъ педагогическихъ, научныхъ и литературныхъ, хроника (изъ жизни литературы), разные замѣтки и извѣстія, научныя новости и пр.). При журналѣ будетъ указатель всѣхъ новыхъ изданій, выходящихъ въ Россіи и имѣющихъ отношеніе къ школѣ и образованію.

Въ концѣ года каждый отдѣлъ журнала составитъ томъ (около 600 стр.).

Сверхъ того, въ приложеніи по мѣрѣ возможности будутъ помѣщаться отдѣльныя законченныя работы (педагогическія и научно популярныя), полезныя для учащихся или учащихся и народа.

Въ редакціи журнала принимаютъ дѣятельное участіе П. О. Каптеревъ, В. П. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Сверхъ того, участвуютъ: Е. В. Балабанова, А. И. Введенскій (проф.), А. С. Виреніусъ (д-ръ), В. А. Воскресенскій, З. Б. Вулихъ, В. В. Гориневскій (д-ръ), М. Г. Колоколова, О. П. Конради, Н. Л. Леонтьева, Е. О. Литвинова, В. О. Михневичъ, Г. И. Паульсонъ, О. М. Петерсонъ, С. О. Платоновъ (проф.), Н. И. Позняковъ, В. В. Пушкарева, Н. А. Рубакинъ, Е. П. Свѣшникова, М. Н. Соколова, Е. А. Чебышева-Дмитріева и мног. друг.

Цѣна за годъ, т.-е. за 12 ММ, съ доставкою пять рублей. Для народныхъ учителей допускается взносъ подписной платы въ два срока. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою 10 процентовъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ гл. конторѣ редакціи (Гороховая, д. 18), а также въ кн. магаз. Фену и «Нов. Времени». Иногородныя подписчиковъ редакція проситъ обращаться непосредственно въ гл. контору редакціи.

Редакторъ-Издатель В. Сиповскій.

Отдѣльныя изданія журнала:

1. «Родная Старина», отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ. В. Сиповскаго, 1-ая часть четвертое изданіе 1 р. 50 к. — 2-ая часть третье изданіе 2 р. и 3-ья часть второе изданіе, ц. 2 р. 50 к. Во всѣхъ трехъ частяхъ болѣе 500 политипажей, изображающихъ древнія зданія, одежды, портреты и пр.

2. «Природа и люди Австраліи», сост. А. Полкова, изящн. книгъ 242 стр., 79 политипажей въ текстѣ. Цѣна книги 1 р. 50 к.

«Родная Старина» и «Природа и люди Австраліи» одобрены учебн. комитетомъ при С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и внесены въ каталогъ книгъ, одобренныхъ учен. комитетомъ М. Н. Пр. для ученическихъ библиотекъ.

3. Св. Равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Съ изящной гравюрой и политипажаями въ текстѣ (для народныхъ школъ). В. Сиповскаго 10 к.

4. Историческая бібліотека для учащихся. «Исторія древней Греціи» В. Сиповскаго, въ разказахъ и картинахъ (50 политипажей въ текстѣ), была дана въ приложеніи къ журналу «Женск. Образов.» за 1890 г., вып. 1-й (мионическій и героическій періодъ) цѣна 1 рубль.

Иногородныя лица, выписывающія эти книги изъ редакціи «Образов.», за пересылку не платятъ. Подписчики журнала могутъ получать въ редакціи названныя книги съ уступкою 20 процентовъ.

„ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(Томы IV и V).

Программа журнала: 1. Оригинальныя статьи и замѣтки научнаго характера по класс. филологіи и дидактическаго — по преподаванію класс. языковъ и совмѣстно съ ними русскаго. 2. Рецензіи и замѣтки о книгахъ и статьяхъ по класс. филологіи и по педагогикѣ. 3. Краткія свѣдѣнія о статьяхъ по класс. филологіи и по педагогикѣ въ текущей журн. русской и загранич. литературѣ. 4. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и педагог. обществъ. 5. Библиографія. 6. Объявленія. — Въ приложеніи: греческіе и римскіе классики въ русскомъ переводѣ.

Сроки выхода: четыре раза въ годъ (въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ) книжками. Двѣ книжки будутъ составлять отдѣльный томъ въ объемѣ двадцати пяти печ. листовъ.

Сотрудники журнала: В. А. Алексѣевъ, дир. И. О. Анненскій, проф. В. П. Бузескуль, проф. Д. О. Бѣляевъ, проф. А. Д. Вейсманъ, проф. П. Г. Виноградовъ, преп. П. А. Виноградовъ, преп. А. С. Владимірскій, Н. К. Гельвихъ, преп. Лицея Ц. Н. В. А. Грингмутъ, прив.-доц. Я. А. Денисовъ, проф. А. Н. Деревницкій, проф. С. Н. Ждановъ, С. А. Жебелевъ, проф. В. Г. Зубковъ, проф. О. Ф. Зѣлинскій, проф. О. Е. Коршъ, прив.-доц. П. И. Касицынъ, проф. Ю. А. Кулаковскій, преп. А. П. Ланговой, Пом. Попеч. Каз. Уч. Округа В. В. Латышевъ, преп. гимн. А. Г. Левандовскій, проф. I. А. Лециусъ, преп. Лицея Ц. Н. С. И. Любомудровъ, А. I. Малейнъ, прив.-доц. А. М. Мироновъ, проф. О. Г. Мищенко, проф. В. И. Модестовъ, преп. В. П. Недачинъ, проф. И. В. Нетушилъ, М. В. Никольскій, проф. С. Опацкій, А. В. Орѣшниковъ, преп. П. Д. Первовъ, прив.-доц. С. В. Рождественскій, С. А. Селивановъ, преп. В. В. Смирновъ, проф. С. И. Соболевскій, проф. А. И. Сонни, прив.-доц. А. А. Стрѣльцовъ, преп. Г. А. Фишеръ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, прив.-доц. Е. И. Челпановъ, преп. Э. В. Черный, проф. А. Н. Шварцъ, проф. О. А. Шеборъ, преп. В. И. Шенрокъ, проф. В. А. Шефферъ, проф. Г. О. Шульцъ, прив.-доц. А. Н. Щукаревъ и нѣк. др.

Подп. цѣна съ перес.: на годъ (съ 1 янв.) **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ**, на полгода **4 р. 50 к.**; для учителей и студентовъ на годъ **6 р.**, на полгода **3 р. 50 к.** Двѣ книжки 1891 года стоятъ три рубля, четыре книжки 1892 года — 6 р. съ перес. — Доставка журнала съ наложеннымъ платежемъ не принимается. — За перемѣну адреса подписчики доплачиваютъ двадцать коп. марками. — Частныя объявленія отъ книгопродавцевъ и издателей — по расчету, считая за страницу 25 рублей.

Подписка принимается въ редакціи «Филолог. Обозрѣнія» (адресъ Московскому почтамту извѣстенъ) и въ книжномъ магазинѣ А. Ланга (Москва, Кузнецкій Мостъ, д. кн. Гагарина).

Редакторы-издатели: **А. Адольфъ, В. Ансельротъ.**

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ

(годъ 4-й, съ 1 ноября 1892 года),

Въ послѣднихъ книгахъ журнала принимали участіе слѣдующія лица:

Б. Н. Чичеринъ, гр. Л. Н. Толстой, Н. Н. Страховъ, Вл. С. Соловьевъ,
кн. Е. и С. Трубецкіе, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. А. А. Козловъ,
проф. Н. Я. Гротъ, проф. А. И. Введенскій, Архимандритъ Антоній,
П. Е. Астафьевъ, Я. Н. Колубовскій, Н. А. Иванцовъ, Н. Н. Ланге,
Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Е. И. Челпановъ, проф. П. Г. Виногра-
довъ, проф. М. А. Мензбиръ, В. А. Вагнеръ, К. Н. Вентцель, В. И.
Штейнъ и др.

Изданіе будетъ продолжаться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и прежде.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала (Москва, Покровка, Мал. Успенскій пер., д. Абрикосовой, № 8) и у всѣхъ книго-
продавцевъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1892 года по 1-е января 1894 года): безъ до-
ставки — 7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой 8 р., за границу — 9 р. 50 к.

На годъ (съ 1-го января 1893 года по 1-е января 1894 года): безъ доставки — 6 р., съ до-
ставкой и пересылкой — 6 р. 50 к., за границу — 7 р. 50 к.

Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 руб.

ПОДПИСКА ПО 1-Е НОЯБРЯ 1893 ГОДА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Редакторъ проф. Н. Я. Гротъ.

Издатель А. А. Абрикосовъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЖУРНАЛА
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“
въ 1893 году.

Изданіе журнала «Душеполезное Чтеніе» въ 1893 году, тридцать четвертомъ съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ. При благословеніи преосвященнаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго, несшаго труды по редакціи Душеполезнаго Чтенія ровно тридцать лѣтъ, и при его полномъ и постоянномъ содѣйствіи, новая редакція и въ слѣдующемъ (теперь уже четвертомъ) году въ собственномъ смыслѣ будетъ прямымъ продолженіемъ прежней, содѣйствуя основной и постоянной задачѣ журнала — служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. 2) Статьи вѣроучительнаго и правоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Обсужденію этихъ явленій посвящаются особыя статьи. 3) Церковно-историческіе рассказы. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Слова, поученія и преимущественно *вѣбогослужебныя* чтенія, отличающіяся особенною назидательностію. 8) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 9) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 10) По возможности документальныя и въ то же время *общепонятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ и другихъ сектахъ, и разборъ ихъ ученій и обрядовъ. На этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе редакціи. 11) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе резолюціи, мнѣнія, донесенія и письма Моск. митрополита Филарета. 12) Разныя извѣстія и замѣтки.

Съ конца 1891 года, въ нашемъ журналѣ обращено особенное вниманіе на выдающееся служеніе въ Бозѣ почившаго оптинскаго «старца» іеросхимонаха отца Амвросія. Редакція *Душеполезнаго Чтенія* полагаетъ, что его жизнь, письма и «статьи» представляютъ вполнѣ авторитетное и самое удобопонятное чтеніе для всѣхъ званій и состояній во всей православной Россіи. Сборникъ его писемъ и статей, сообщаемыхъ редакціи непосредственно изъ Оптиной пустыни (который будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ году) составляетъ лучшее собраніе поученій и отвѣтовъ на различные вопросы и на всевозможные случаи, — поученій не школьныхъ, а такихъ, за которыми русскій народъ шелькъ «Батюшкѣ Амвросію» за тысячи верстъ.

Душеполезное Чтеніе въ 1893 году по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

При общепонятности журнала и цѣна его общедоступна: за 12 книжекъ, содержащихъ въ себѣ, какъ напримѣръ, въ 1891 и 1892 годахъ, болѣе ста двадцати пяти печатныхъ листовъ, безъ доставки 3 р. 50 коп., съ доставкой и пересылкой въ Россіи 4 р., за границей 5 руб.

Многіе изъ опоздавшихъ подписаться на Душеполезное Чтеніе 1892 года должны были ждать второго изданія книжекъ журнала январской, февральской и мартовской (на что, конечно, требовалось не мало времени). Во избѣжаніе этого, всѣ желающіе получать журналъ своевременно, естественно, сдѣлаютъ лучше, если не будутъ очень медлить своей подпиской и тѣмъ дадутъ редакціи возможность знать хотя приблизительно количество экземпляровъ, какое потребно по числу подписчиковъ.

Подписка на Душеполезное Чтеніе принимается: въ Москвѣ, въ редакціи (новый домъ церкви святителя Николая, что въ Толмачахъ, рядомъ съ прежнимъ), также въ Складѣ духовно-нравственныхъ книгъ при Петровскомъ монастырѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы; въ Петербургѣ у книгопродавца И. Л. Тузова, Бол. Садовая.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки исключительно такъ: въ Редакцію Душеполезнаго Чтенія, въ Москвѣ.

Редакторъ-издатель проф. прот. **Дим. Ѳеод. КАСИЦЫНЪ.**

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Съ 1-го января 1893 года
выходить въ г. Ревелѣ
ежедневно

кромѣ понедѣльниковъ и послѣпразднич-
ныхъ дней газета мѣстныхъ интересовъ,

ЛИТЕРАТ. и ПОЛИТИЧЕСКАЯ,

„Ревельскія Извѣстія“.

Подписная цѣна:

на 12 мѣсяц.	5 руб.	—	коп.,	съ	доставк.	и	пересыл.
> 6	> 2	> 50	>	>	>	>	>
> 3	> 1	> 50	>	>	>	>	>
> 1	> —	> 50	>	>	>	>	>

Для городскихъ, и сельскихъ прих. учителей подп.
цѣна на годъ **3** р. и на полгода **2** руб.

Подписка принимается въ конторѣ газеты
на Морской ул. д. Вассермана № 150.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и
праздничныхъ дней, отъ **9** час. утра до **8** час. веч.

Отвѣтственный редакторъ: **К. КЕРРЪ.**

*Издательница: **В. ЯНЧЕВЕЦКАЯ.**

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

„РУССКАЯ ШКОЛА“

издаваемый подъ редакцію Я. Г. ГУРЕВИЧА.

Въ вышедшихъ въ 1892 г. книжкахъ помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Теорія воспитанія въ классическомъ мірѣ. Проф. А. С. Трачевскаго; 2) Янъ Амось Коменскій. ** 3) Какъ я сдѣлалъ писателемъ? (Нѣчто въ родѣ исповѣди) Проф. Н. П. Вагнера; 4) Изъ пережитаго (въ Мар. ж. гимназій). Д. Д. Семенова; 5) Объ отношеніяхъ умств. труда къ физическому. В. В. Гориневскаго; 6) Объ обществ. задачахъ образованія. П. Ф. Каптерева; 7) Вопросъ объ обремененіи учен. нашихъ гимназій въ завис. отъ ихъ полож. въ семьѣ и дом. обстановки. Я. Г. Мора; 8) Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связ. съ половою жизнью человѣч. организма. А. М. Калмыковой; 9) Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупр. ихъ и устраненію въ семьѣ и въ школѣ. Д-ра А. С. Виреніуса; 10) Голосъ врача-профессора по вопросу о вліяніи экзаменовъ на здоровье испытуемыхъ. Проф. Н. И. Быстрова; 11) Къ вопросу о физич. упражненіяхъ учащихся. А. Я. Чернышевой; 12) О задачахъ русской педагогики. М. И. Демкова; 13) Наблюденія надъ развитіемъ нравств. уровня дѣтей въ одной изъ нач. гор. школъ. О. Х. Павловичъ; 14) Общественное воспитаніе дѣтей въ Парижѣ. А. С. Симоновичъ; 15) О безпризорныхъ дѣтяхъ и дѣтскихъ садахъ для нихъ. Е. М. Гаршина; 16) Педагог. значеніе занятія фотографіей. Проф. Д. Н. Кайгородова; 17) Къ вопросу о препод. естеств. наукъ въ спец. уч. заведенияхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 18) Желательная постановка преподав. физики въ нашихъ ср. уч. заведенияхъ. М. Ю. Гольдштейна; 19) Къ вопросу о выѣкл. чтеніи въ связи съ вопросомъ объ учен. сочиненіяхъ. Ю. А. Галабутекаго; 20) О грамат. матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ. А. И. Анастасіева; 21) О постановкѣ преподав. математики въ ср. заведенияхъ Франціи. В. Б. Струве; 22) О составленіи учениками истор. альбомовъ. К. А. Иванова; 23) Нар. образованіе во Франціи. А. С. Симоновичъ; 24) Новый прусскій законопроектъ относительно нар. училищъ 1892 г. К. Н. Модзалевскаго; 25) О санитар. состояніи школъ въ Моск. губерніи. В. А. Крандіевскаго; 26) О требованіяхъ предъявленныхъ къ нар. училищамъ на сѣздѣ русскихъ дѣятелей по технич. професс. образованію. А. А. Ильина; 27) Въ чемъ нуждаются гор. училища и нач. школы. А. Г—ина; 28) Городскія училища по положенію 31 мая 1872 года. К. К. Сентъ-Илера; 29) Обществ. и юрид. положеніе сельскаго учителя. А. М. Тютрюмова.

Кромѣ того, въ книжкахъ за 1892 г. заключается цѣлый рядъ крит. статей и рецензій слѣд. постоянныхъ сотрудниковъ «Русской Школы»: проф. Д. Ф. Вѣляева, проф. Ю. А. Кулаковскаго, проф. П. Ф. Лесгафта, А. С. Виреніуса, В. В. Гориневскаго, П. Г. Мижуева, А. Ф. Соколова, А. Г. Шалыгина и мн. др. (всего болѣе 60 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ педаг. журналовъ, иностр. и русскихъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ нар. образованія, Я. В. Абрамова; Отчеты о засѣданіяхъ С.-Петербур. и Моск. Комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагог. отдѣла Педаг. музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ нар. образованія въ Зап. Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ «Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печ. листовъ каждая. Подп. цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки — ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкою 6 р. 50 к.; для иногор. съ дост. СЕМЬ рублей; съ перес. за границу — ДЕВЯТЬ рублей въ годъ. Гг. сельск. учителямъ и учительницамъ дѣляется съ подп. цѣны одинъ рубль уступки и, кромѣ того, допускается разерочка платы въ два срока.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы; въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, «Новаго Времени» и Калмыковой.

Подписка на 1890 г., за израсходованиемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

За 1891 и 1892 годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Годъ IV. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г. Годъ IV.

на еженедѣльный иллюстрированный популярно-научный журналъ
для семейнаго чтенія и самообразованія

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“

(Подписной годъ съ 1 ноября 1892 по 1 ноября 1893 г.)

Въ наступающемъ году журналъ «Природа и Люди» сохранитъ прежнюю программу и направленіе, завоевавшія себѣ симпатіи читающей публики, т. е. по прежнему, на ряду съ занимательными романами, повѣстями и рассказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по всевозможнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

52 ВЪ БУДУЩЕМЪ ГОДУ журналъ «Природа и Люди» дастъ своимъ подписчикамъ: **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА**; каждый № будетъ состоять изъ 16 страницъ большого формата и будетъ заключать въ себѣ 6—8 крупныхъ статей, массу мелкихъ и 8—10 изящныхъ иллюстрацій. Между прочимъ, для будущаго года редакцію заготовлены слѣдующія статьи: «Христофоръ Колумбъ» — большой историческій романъ въ 2 частяхъ *Е. Шрекнига*, съ великолѣпными иллюстраціями, изображающими главные моменты изъ жизни Колумба; «Майя» — большой романъ изъ міра таинственнаго, *В. П. Желховской*; «Мститель» — большой рассказъ изъ жизни нашихъ среднеазиатскихъ окраинъ, *В. Губаревичъ*; «Противъ воли» — рассказъ изъ области гипнотическихъ внушеній, *А. Зарина*; «Талантъ» — рассказъ того же автора; «Небесные странники» — большой астрономическій романъ *Р. Кроми*; «Въ морскихъ безднахъ» — повѣсть изъ жизни водолазовъ, *Г. Блашера*; «Наши закаспійскіе сосѣди» — очерки и картины Персіи, *С. Миклашевскаго* (съ массою иллюстрацій); «На рифѣ» — рассказъ *Рейналя* (съ иллюстраціями); «Въ муравьиномъ царствѣ» — очерки жизни и нравовъ муравьевъ, *Т. Боданова*; «Свѣтящаяся рыба» — *Г. Вьнецаго*; «Самозащита растений» и «Путешествія растений» — очерки *А. Ковалевскаго*; «Предсказатель погоды» — *В. Максимова*; «Земля въ пространствѣ» и «Разорвавшаяся на куски комета» — очерки *Н. Витвицкаго*; «Исторія земной фауны и флоры» — геологическіе очерки и картины *М. Николаева* (псевд.); «Африканскіе пигмеи» — *Катрфажа*; «Фальсификаціи и легчайшіе способы ихъ обнаруженія» — рядъ очерковъ д-ра *Ф. Буриискаго*; «Бумажные дома» — *П. Раубера*; «Поддѣлка монеты и способы открывать ее» — *его же*; «Разведеніе трюфелей» — *Д. Гана*; «Пчелы и пчеловодство» — очерки *А. Сатина*; «Весѣды по рыбоводству» — *Ф. Троицкаго*; «Комнатная пиротехнія» — *Ф. Фодо*; «Обманы зрѣнія» — *А. Круна*; «Землѣдѣіе будущаго» — Р. Р-ва; биографическіе очерки *Крузеитерна*, *Берина*, *Пржевальскаго*, *Миклухи-Маклая*, *Волкина*, *Пирулова* и др.; «Очерки всемірной выставки въ Чикаго» (отъ собственного корреспондента); замѣтки о новѣйшихъ путешествіяхъ и открытіяхъ, о важнѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, полевные совѣты, рецепты и т. п.

== Все статьи будутъ иллюстрированы лучшими художниками. ==

Въ качествѣ приложенія редакція въ наступающемъ году дастъ:

12 ИЛЛУСТРИРОВАННЫХЪ ВЫПУСКОВЪ

полнаго описанія всѣхъ путешествій (по Финляндіи, Обонежью, Мурману, Печерскому краю, Сибири, Японіи, Персіи, Сиріи, Малой Азіи, Египту, Аджиру, Сахарѣ и т. п.)

извѣстнаго путешественника-писателя, доктора **А. В. Елистева.**

подъ общимъ заглавіемъ

„ПО БЪЛУ СВѢТУ“.

Сочиненіе это будетъ великолѣпно отпечатано на веленовой бумагѣ и иллюстрировано массою (нѣсколько сотъ) рисунковъ лучшихъ иллюстраторовъ, какъ русскихъ: *Е. П. Самокишъ-Судковской*, *В. Г. Казанцева*, *Н. Н. Каразина*, *В. С. Полякова*, *Н. С. Самокиша* и др., такъ и иностранныхъ: *Ріу*, *Ваяра* и пр.

Цѣна на журналъ со всеми приложеніями остается прежняя **5 руб.** въ годъ съ пересылкою и доставкою.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Спб., Вознесенскій пр., 47) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля 1 руб. За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся; за 1891 и 1892 г. осталось небольшое количество, — цѣна съ пересылкою 5 руб.

Редакторъ **С. Груздевъ.** — Издатель **П. Сойкинъ.**

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ВТОРОЙ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

Н А

„БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Изданіе антикварной книжной торговли П. Шибанова въ Москвѣ.

По своей обширной программѣ, «Библіографическія Записки» служатъ дѣлу правильной разработки отечественной библіографіи и представляютъ собою пособіе при изученіи русской и заграничной литературы и книжнаго дѣла. Въ нихъ помѣщаются статьи и изслѣдованія, посвященныя изученію жизни и дѣятельности писателей и лицъ, потрудившихся на пользу просвѣщенія, ихъ переписка, историческіе документы, касающіеся преимущественно печатнаго и книжнаго дѣла, обзоры и историческіе очерки извѣстныхъ книгохранилищъ, отзывы о новыхъ книгахъ, статьи о книжной торговлѣ русской и заграничной. Указатель новыхъ книгъ ведется въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ не появлялся ни въ одномъ журналѣ; дается подробный указатель журнальныхъ статей, съ перечисленіемъ всѣхъ рецензій о выходящихъ вновь книгахъ.

Въ каждомъ номерѣ помѣщаются портреты, большею частію на особыхъ листахъ, снимки съ рукописей, копии съ рѣдкихъ гравюръ и автографическія воспроизведенія.

Вслѣдствіе этого, «Библіографическія Записки» являются журналомъ необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкою и пересылкою.	6 р. — в.	Кромѣ того, для любителей будетъ печататься 50 нумер. экзempl. на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изд. съ дост. и перес. 12 р.
За границу	7 > — >	
На другіе сроки подписка не принимается.		
Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ. — >	75 >	
Съ доставкою и пересылкою. . .	1 > — >	

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ. Полная страница 20 р. Половина страницы или одинъ полный столбецъ, 12 р. Четверть страницы, или половина одного столбца, 7 р. $\frac{1}{8}$ страницы или $\frac{1}{4}$ столбца 4 р.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровскія линіи, Антикварная книжная торговля П. Шибанова) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ главную контору редакціи.

Подробная программа журнала, вмѣстѣ съ оглавленіемъ статей, помѣщенныхъ въ 1892 г., высылается бесплатно.

Редакторъ Н. А. Соловьевъ.

Издатель П. П. Шибановъ.

САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ

Цѣна за годъ безъ дост. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

VIII г. изд.

ЗВѢЗДА

изд. г. VIII

Подписчики „Звѣзды“ 1893 г. получаютъ :

- 52 богато иллюстрированныхъ номера. Каждый № будетъ состоять изъ 20 страницъ убористой печати и 6—8 художественныхъ рисунковъ.
- 26 №№ «Моднаго журнала», который составляется по лучшимъ Парижскимъ журналамъ и даетъ въ годъ до 500 рисунковъ (модь).
- 12 №№ «Женскихъ рукодѣлій»: образцы канвовыхъ работъ, опечатанныхъ въ нѣсколько красокъ, вышивокъ, узоровъ, монограммъ и пр. и пр.
- 12 №№ «Наука и забава»: шахматныя и шашечныя задачи, игры, ребусы, шарады, фокусы, физическіе и химическіе опыты (безъ приборовъ).
- 12 №№ «Развлеченіе». Здѣсь будутъ помѣщаться юмористическіе рассказы, сценки, карикатуры, анекдоты и пр.
- 6 №№ «Практическая жизнь». Этого отдѣла будетъ давать свѣдѣнія по всел. и дом. хозяйству, полезные совѣты и разл. свѣд. по мед., гигиенѣ и пр.
- 6 №№ «Музыкальныхъ приложеній». Ноты для фортепіано: романсы, танцы и проч.
- 6 №№ «Выпиловочныхъ чертежей», составленныхъ по новѣйшимъ рисункамъ.

и, наконецъ, «Главную премію», которая предназначается для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ «Звѣзды». Редакція предлагаетъ на выборъ одну изъ нижепоименованныхъ премій:

1) Большая историческая картина, отпечатанная въ 23 краски, извѣстнаго художника **Н. Н. Каразина**.

КРУШЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ПОѢЗДА 17 ОКТЯБРЯ 1888 Г.

Моментъ, изображенный на картинѣ, являетъ собою Царскую семью, въ самомъ разгарѣ ея священно-благотворительной дѣятельности.

2) Большая картина, печатанная масляными красками съ оригинала извѣстнаго художника **В. Г. Казанцева**.

ВОДОПАДЪ КИВАЧЪ

всплѣтый знаменитымъ поэтомъ Державинымъ въ стихотвореніи «Алмазна сыплется гора».

3) Альбомъ 20 фототипій съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ.

4) Альбомъ «Типы Россіи»: восемь рисунковъ, художницы **Е. П. Самокинь-Судковской**, въ изящной художественной папкѣ.

5) Шесть книгъ «Полезная бібліотека» предлагаемъ на выборъ, изъ числа десяти, а именно:

- 1) Гальванопластика.
- 2) Химія безъ лабораторіи.
- 3) Физика безъ приборовъ.
- 4) Ракъ и его ловля.
- 5) Календарь Флоры.
- 6) Собиратель грибовъ.
- 7) Электротехникъ-любитель.
- 8) Прѣсноводный аквариумъ.
- 9) Комнатное-горшковое плодоводство.
- 10) Ремесленникъ-любитель.

Гг. годовые подписчики, желающіе получить одну изъ пяти вышеозначенныхъ премій, благоволятъ сообщить о своемъ выборѣ при подпискѣ и приложить одинъ рубль за упаковку и пересылку главной преміи.

Подписная цѣна на годъ съ перес. 4 руб., на 1/2 года 2 руб., 1/4 года 1 руб. Подписка принимается въ главной конторѣ журнала «Звѣзда» СПБ. Вознесенскій пр. № 47.

∞∞ Иллюстрированное объявленіе высылается бесплатно. ∞∞

За редактора издатель **П. Сойкинъ**.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

Имп. Казанскаго Университета.

НА 1893 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе награды; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обзорѣнія преподаванія, распрежденія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически, шесть разъ въ годъ, книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ . . . 5 р.
на 8 мѣс. . . 4 р.
на 6 мѣс. . . 3 р.

ДЕНЬ

на 4 мѣс. . . 2 р.
на 2 мѣс. . . 1 р.
на 1 мѣс. . . 50 к.

За границу
НА ГОДЪ 10 РУБ.

Объявленія по 10
коп. за строку.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО. 12 кн. романовъ, разсказовъ и очерковъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 20.

Редакторъ: *И. В. Скворцовъ.*

Издатель: *А. А. Гриве.*

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка — 1-й взносъ 2 или 1 р. — послѣдующіе по 1 р.

„Труды Кіевской Дух. Академіи“, ЖУРНАЛЪ научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Геронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: «БИБЛИОТЕКА ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ЗАПАДНЫХЪ».

Указомъ Св. Синода отъ 3 (19) февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ «Труды Кіевской Дух. Академіи», такъ и на «Библиотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ» рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

«Труды Кіевской Духовной Академіи» будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ перес. «Трудовъ Кіевской Дух. Академіи» — 7 р.

Адресъ: въ редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ; 2) Игн. Л. Тузова — въ С.-Петербургѣ.

«Труды Кіевской Духовной Академіи» продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860 — 1866, 1868 годы по 3 р.; за 1869 — 1873 годы по 4 р.; за 1874 — 1878 годы по 5 р. съ пересылкою, за 1879 — 1882 годы по 6 р., за 1883 — 1893 годы по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры «Трудовъ» за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860 — 1873 годы отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874 — 1893 гг. по 1 р.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ.“

Ф. Экштейнъ.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЛАТИНСКАГО И ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКОВЪ

перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго.

Ч. I. Лат. преподаваніе. А. *Исторія*. Гл. I. Преподаваніе у римлянъ. Гл. II. Въ средніе вѣка. Гл. III. Съ XV вѣка. Гл. IV. Съ XVI—XVIII вѣка. Гл. V. Исторія преподаванія въ гимназіяхъ. — Б. *Методъ*. Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письменныя работы.

Ч. II. Греч. преподаваніе. I—IV. Общія замѣчанія. А. *Исторія*. Преп—ніе со временъ реформаци. Б. *Методъ*. Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письм. работы. — Ц. 3 р.

К. Негельсбахъ. Гимназическая педагогика. Перев. съ 3 изданія, Н. Кораблева. I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Ц. 1 р.

Г. Бржоска. Необходимость педагог. семинарій при университетахъ. Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго (нѣтъ въ продажѣ).

I. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. С. Шаровой, подъ ред. Г. Янчевецкаго.

Ч. I. Исслѣдованіе искусства по его сущности. Гл. I. Происхожденіе искусства. Гл. II. Искусство у египтянъ, финикянъ и персовъ. Гл. III. Искусство этрусковъ. Гл. IV. Искусство у грековъ. Гл. V. Искусство у римлянъ.

Ч. II. Искусство въ связи съ обстоятельствами времени. Гл. I. Искусство до Фидія. Гл. II. Отъ Фидія до Александра В. Гл. III. Послѣ Александра. Упадокъ искусства. Гл. IV. Греческое искусство въ Римѣ. Гл. V. Упадокъ при Септиміи Северѣ. — Мелкія статьи. — Ц. 3 р.

В. Шрадеръ.

ГИМНАЗИИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго.

Цѣна 3 р., безъ перес.

Складъ изданія: Спб., Литейный пр. 48. Кн. маг. Н. П. Карбасникова.

А. Фогель. Филос. основанія педагогii. (Локкъ — Кантъ — Гегель — Шлейермахеръ — Гербартъ — Бенеке). Ц. 1 р.

J. Spangenbergius.

BELLUM GRAMMATICALE.

ВОЙНА ВЪ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКѢ.

Пер. съ лат. Д. Янчевецкій. Ц. 50 к.

VI годъ

VI годъ

ГИМНАЗІЯ

ежемѣсячный

ЖУРНАЛЪ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ.

1893 г.

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Цѣна 8 руб. съ перес.

(За границу 10 руб.).

Адресъ сост.-издателя:

Ревель. Гимназія Императора Николая I.

Директору Григ. Андр. Янчевецкому.

Ученымъ Комитетомъ М. И. Пр. журналъ „Гимназія“ признанъ заслуживающимъ особенной рекомендаціи для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для содѣйствія возможно большому распространенію между преподавателями сихъ заведеній. (Предлож. Г. Министра Гг. Попечителямъ уч. округовъ 28 февр. 1889 г. № 3899).

Павсанія. Описаніе Еллады, или Путешествіе по Греціи во II в. по Р. Х., перев. Г. Янчевецкаго. Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Атика. Кн. II. Коринтика. Кн. III. Лаконика. Кн. IV. Мессинія. Кн. V. Илида А. Кн. VI. Илида Б. Кн. VII. Ахаія. Кн. VIII. Аркадія. Кн. IX. Віотія. Кн. X. Фокида.

Ксенофонтъ. Полное собр. сочиненій, перев. Г. Янчевецкаго въ 5 ч. Ц. 7 р.
Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к.
Ч. III. Киропедія. 1 р. 50 к. Ч. IV. Исторія Греціи. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. Ц. 2 р.

Содержаніе Мелкихъ статей (Scripta Minora): I. Пиръ. II. Анологія Сократа. III. Лакед. государство. IV. Аѳинское государство. V. О хозяйствѣ. VI. Геронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Аѳинъ. IX. Гиппархъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

Полные экземпляры ж. «Гимназія» за 1888, 1889, 1890 и 1891 годы продаются по 5 р. съ перес.; за 1892 годъ 8 р. съ перес.

Дозволено цензурою. — Ревель, 7 Августа 1893 г. Печатня «Ревельскихъ Извѣстій».

EESTI
RAHVUSRAAMATUKOGU
AR

65.648